

Индійскія Сказки.

ИНДІЙСКІЯ СКАЗКИ

СБОРНИКЪ СКАЗОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА

Составленъ по разнымъ источникамъ

О.М.Коржинской

Съ предисловіемъ академика С.Ф.Ольденбурга.

С.-Петербургъ
Издание А.Ф.Девріена

ПРЕДИСЛОВІЕ

Тамъ, далеко за морями, садится солнце. На поля, на деревни ложатся сумерки. Погасъ закатъ и быстро, точно невзначай, наступаетъ тьма. На небѣ, чуть видными блесками, зажигаются звѣзды. День окончился, знойный и трудовой. Всѣ ищутъ отдыха и прохлады, но накаленная земля пышетъ жаромъ и горячая постель не даетъ желаннаго покоя. Вся деревня еще на ногахъ и вокругъ домовъ въ деревнѣ точно жужжаніе пчель: идутъ безконечныя бесѣды, тянутся длинные рассказы.

Вонъ тамъ, на краю деревни, гдѣ безъ умолку лають собаки, собралась дѣтвора и бойкіе мальчишка, лучший сказочникъ въ округѣ, начинаетъ: «Жиль, былъ...» и льется сказка про царевича-богатыря, про прекрасную царевну, про весь тотъ волшебный міръ, который для деревенскаго мальчика существуетъ гдѣ-то далеко, далеко, и слушаешь его и слышишь въ устахъ индійскаго мальчика тѣ же сказки, которыя на суровомъ сѣверѣ у пылающаго очага сѣдя старухи рассказываютъ дѣтямъ. Имена другія и краски ярче и рѣзче, но рассказы все больше тѣ же: тутъ и храбрый портняжка, который въ Инд и сталъ горшечником. Кудесникъ по случайности, Харисарманъ, обошелъ сказки всѣхъ странъ подъ разными именами. Старые знакомые нашихъ дѣтскихъ сказокъ, волкъ и лиса, живутъ въ Индіи какъ тигръ и шакаль.

Но не объ однихъ только старыхъ нашихъ знакомцахъ умѣютъ повѣствовать маленькіе рассказчики въ ночной темнотѣ индійской деревни. Новые образы мелькаютъ передъ нами, неслыханные нами подвиги совершаютъ богатыри, переживаютъ невѣдомыя намъ раньше приключенія. Великій царь Викрамадितья, о времени жизни котораго спорятъ ученые и который далъ имя новой эрѣ въ Индіи, сказкою превращенъ въ Викрама махараджу. И сказка повѣствуетъ о томъ, какъ жадный до приключеній царь, получивъ отъ бога умѣнье переселяться въ тѣло другого существа, сдѣлался попугаемъ. Быть можетъ, впрочемъ, въ этой чисто индійской сказкѣ слышатся отголоски того рассказа, который хорошо знакомъ русскому читателю, какъ повѣсть о гордомъ царѣ Аггеѣ. Наукѣ оживлять мертвое тѣло и переноситься самому въ него учатъ священныя книги индійцевъ, и сказки о Викрамѣ живо свидѣтельствуютъ о вѣрѣ народной въ чудесную силу заклинаній.

Вѣра народная! Какъ она и проста, и сложна вмѣстѣ съ тѣмъ, тамъ, въ этой далекой, полной очарованій для насъ странѣ. Все живетъ, все имѣетъ свою душу — духи и боги на каждомъ шагу. Природа вся одухотворена, это такъ просто! А вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ сложно, потому что тутъ рядомъ, вокругъ человѣка, цѣлый другой міръ, въ существованіи котораго человѣкъ такъ убѣжденъ. Наши сказки то же полны волшебства, духовъ, фей, сверхъестественныхъ силъ, но для насъ все это почти только символы. Міръ дѣйствительный и міръ сказочный отдѣлены для насъ непроходимой гранью. Не то въ Индіи, даже въ наши дни.

Индіецъ часто затруднится сказать, гдѣ кончается сказка и легенда и гдѣ начинается дѣйствительность. Эта жизнь сказки, какъ дѣйствительности, и составляетъ неотразимую прелесть индійской сказки. Конечно, покрытая холодной одеждой нашихъ сѣверныхъ словъ, лишенная своихъ, для насъ иногда до безобразія яркихъ тоновъ, она не то, что тамъ на родинѣ въ устахъ полунагого смуглаго мальчугана, льющагося потокомъ среди жаркой

индійской ночи. Но и такъ она полна прелести знакомаго и незнакомаго въ смѣшанныхъ и переплетшихся между собою разсказахъ.

И у насъ горы говорятъ въ сказкахъ, но въ ихъ разговорахъ не чувствуешь той жизни, которая проникла бесѣды горныхъ великановъ, стоящихъ на стражѣ великой индійской земли съ сѣверной стороны. Правъ индеецъ, когда онъ думаетъ, что весь этотъ горный мѣръ живетъ. Слушайте, какъ прекрасная, гордая Гвашбарри въ далекомъ Кашмирѣ склонила къ ногамъ своимъ царственный Вестерванъ, великую, могучую гору.

Это было давно и мѣръ тогда былъ еще юнъ, тотъ мѣръ, который теперь уже старъ. И все было не такъ какъ теперь, и великій Вестерванъ, былъ царемъ надъ горами. Высоко, высоко поднимался онъ надъ всѣмъ, что было вокругъ него. И тучи ложились плащемъ на его плечи, а глава стояла гордо и одиноко въ синемъ небѣ. Надменный, онъ взиралъ только на солнце и звѣзды. И темною ночью звѣзды сіяли вѣнцомъ вокругъ его головы.

Зависть и злоба закрались въ сердце окрестныхъ горъ: Харамукхъ и Нангапарбатъ гнѣвались и негодовали на презрѣніе Вестервана. Одна дивная Гвашбарри, холодная и сіяющая среди льдовъ, молчала, наслаждаясь своею красотой.

Однажды, когда Вестерванъ окутался тучами и скрылся изъ глазъ, окрестныя горы повели опять свои злобныя рѣчи.

И съ презрѣніемъ сказала имъ красавица Гвашбарри: «Чего вы только спорите и негодуете? Гордъ великій Вестерванъ и главу его вѣнчаютъ звѣзды, но самъ онъ, ноги его здѣсь въ землѣ, изъ земли, какъ и мы. Въ немъ только немного больше земли, вотъ и все».

«Такъ чего-жъ онъ гордится? Кто сдѣлалъ его царемъ среди насъ?»

Улыбнулась красавица Гвашбарри, улыбнулась нехорошей улыбкой: «Кто сдѣлалъ его царемъ? А вы сами. Для меня онъ не царь, даже въ вѣнцѣ изъ звѣздъ. Я его царица».

И горы кругомъ засмѣялись, ибо ниже всѣхъ ихъ была Гвашбарри.

«Подождите — не встанетъ еще завтра солнце, и у ногъ моихъ ляжетъ Вестерванъ».

И вновь засмѣялись насмѣшливо горы, но красавица Гвашбарри не смѣялась и не говорила.

И весь длинный, лѣтній день она сіяла и улыбалась. Солнце стало заходить и, какъ чары, розовые чары, легли лучи его на весь мѣръ. И блѣдная Гвашбарри вспыхнула, точно блестя красотою и любовью.

И увидѣлъ высокій Вестерванъ это сіяніе и обернулъ онъ свой надменный взоръ туда внизъ, въ долины, и глядѣлъ, глядѣлъ въ нѣмомъ изумленіи на дивную красоту.

Ниже спустилось солнце и еще ярче зардѣлась красавица Гвашбарри, будто отъ взора великаго царя горъ. И по долинамъ пронесся крикъ: «Гвашбарри, поцѣлуй меня, или я умру».

Пораженные, стояли горы кругомъ и молчали, а отзвукъ переносилъ слова изъ долины въ долину.

И улыбнулась Гвашбарри и отвѣтила:

«Какъ быть тому, ты высокъ безконечно, царь, а я такъ низка? Какъ мнѣ достичь твоей вѣнчанной звѣздами главы?» И вновь раздался тотъ же крикъ Вестервана. И красавица съ ледянымъ сердцемъ, Гвашбарри, чарующимъ шепотомъ дала свой отвѣтъ: «Ты любишь меня, наклонись ко мнѣ и поцѣлуй меня».

Ниже и ниже наклонился онъ, пока не легъ къ ногамъ Гвашбарри. Но солнце сѣло, и попрежнему, какъ всегда, холодная и надменная, стояла красавица Гвашбарри — и у ногъ ея лежалъ развѣнчанный навсегда великій Вестерванъ, а на небѣ сіялъ его звѣздный вѣнецъ.

Точно слышишь эти говорящія горы и видишь ихъ лица, точно это смуглые раджи и красавицы рани, царицы волшебныхъ дворцовъ!

Волшебство, да только волшебство, въ которое вѣрятъ, вотъ ключъ къ индійскимъ сказкамъ, такъ, какъ ихъ рассказываетъ народъ, такъ, какъ ихъ собираетъ заботливая рука тѣхъ, кому дороги и милы эти преданія другаго, далекаго отъ насъ, европейцевъ, народа, который въ давніе средніе вѣка послалъ къ намъ на усладу столько чудныхъ своихъ сказокъ. Какъ часто и въ дѣтствѣ, и послѣ мы читали эти сказки, переиначенныя, передѣланныя, и не знали, что намъ ихъ переслали наши далекіе индійскіе братья.

Когда индійскій рассказчикъ чувствуетъ, что рассказъ затянулся и надо кончить сказку, онъ, какъ и мы сейчасъ, говоритъ:

«Зачѣмъ ты сохнешь, терновый кустъ?
А чего ѣсть меня корова твоя?
Зачѣмъ ты ѣшь его, корова?
А чего не смотришь за мною твой пастухъ?
Зачѣмъ ты не смотришь за нею, пастухъ?
А чего не даетъ мнѣ рису невѣстка твоя?
Зачѣмъ ты, невѣстка, не даешь ему рису?
А чего плачетъ мое дитя?
Зачѣмъ ты плачешь, дитя?
А чего щиплетъ меня муравей?
Зачѣмъ ты щиплешь дитя, муравей?
Куть! Куть! Куть!»

Сергій Ольденбургъ

Царевна Лабамъ

Жиль былъ въ нѣкоторомъ государствѣ царь и былъ у этого царя одинъ единственный сынъ, отрада и утѣшеніе его старости. Царевичъ страстно любилъ охоту и нерѣдко цѣлыми днями пропадалъ изъ дома. Это очень беспокоило мать его, царицу, и вотъ однажды призвала она сына и сказала ему: «Сынъ мой, успокой мое сердце, обѣщай исполнить мою просьбу. Когда ѣдешь на охоту, поѣзжай всюду куда вздумается, но никогда не ѣзди въ ту сторону». Она указала рукою на югъ. Царица знала, что въ той сторонѣ, гдѣ-то далеко за лѣсами и долами, живетъ царевна чудной красоты, прекрасная Лабамъ, и что кто только слышитъ про нее, тотъ забудетъ все на свѣтѣ, броситъ отца и мать и отправится искать царевну.

Царевичъ почтительно выслушалъ мать и обѣщавъ сообразоваться съ ея желаніемъ. Тѣмъ не менѣе, въ душу его закралось любопытство узнать, чѣмъ вызвано такое странное запрещеніе; и вотъ какъ-то разъ, выѣхавъ на охоту, онъ рѣшилъ свернуть въ запрещенную сторону. Долго ѣхалъ онъ, не замѣчая ничего особеннаго, наконецъ попалъ въ густую чащу и увидѣлъ вокругъ себя безчисленное множество попугаевъ. Царевичъ на удачу пустилъ стрѣлу въ одного изъ нихъ и вся стая мгновенно поднялась и взвилась высоко надъ его головою. На мѣстѣ остался лишь самый крупный изъ нихъ, царь ихъ, Хариманъ.

Очувшись одинъ, онъ закричалъ имъ вслѣдъ человѣческимъ голосомъ: «Эй вы! Какъ смѣете улетать и оставлять меня одного въ опасности? Вотъ расскажу я про вашу измѣну царевнѣ Лабамъ!»

Услышавъ грозный окрикъ своего повелителя, всѣ попугаи снова слетѣлись вокругъ него. Царевичъ долго не могъ прійти въ себя отъ изумленія. Какъ, птица и говоритъ человѣческимъ голосомъ? И кто такая царевна Лабамъ, о которой упомянулъ попугай? Онъ подошелъ поближе къ Хариману. «Скажи мнѣ, кто эта царевна Лабамъ? Гдѣ она живетъ?» Но попугай только насмѣшливо посмотрѣлъ на него. «Не видать тебѣ никогда ни царевны Лабамъ, ни страны ея, уходи откуда пришелъ, дерзкій чужеземецъ!»

И съ этими словами онъ подаль знакъ; вся стая снялась и исчезла въ поднебесьи.

Оскорбленный царевичъ съ досадою бросилъ оружіе оземь и поѣхалъ домой. Молча

Царевичъ на удачу пустилъ стрѣлу въ одного изъ нихъ.

прошелъ онъ въ свои покои, легъ на постель и нѣсколько дней упорно отказывался отъ пищи и питья и никого не допускалъ къ себѣ. Родители его были въ отчаяніи. Наконецъ царевичъ заговорилъ. «Гдѣ царевна Лабамъ?» спросилъ онъ. «О, скажите мнѣ, гдѣ искать ея! Я долженъ ѣхать за нею. Скажите, гдѣ искать ея царство?»

«Никто не знаетъ гдѣ оно!» печально отвѣчали царь и царица.

«Такъ я самъ попытаюсь найти дорогу!» упрямо заявилъ царевичъ.

«О не ѣзди, дорогой», умоляла царица, «не покидай насъ! Не найти тебѣ заколдованнаго царства, только напрасно погубишь свою молодую жизнь!»

Но царевичъ упорно стоялъ на своемъ. «Я, долженъ ѣхать искать ее, хотя бы это стоило мнѣ жизни. Можетъ быть боги укажутъ мнѣ путь къ ней. Если останусь въ живыхъ и найду ее, я вернусь къ вамъ. Не вернусь, значитъ я погибъ и никогда больше васъ не увижу... А все-таки я не могу не ѣхать». И имъ пришлось отпустить его, хотя много слезъ было пролито при прощаніи.

Отецъ далъ ему пышное одѣяніе и великолѣпнаго коня. Онъ снабдилъ его также всякаго рода оружіемъ и драгоценнымъ лукомъ со стрѣлами; не забылъ и сумку съ золотыми монетами, такъ какъ золото всегда могло понадобится въ пути. Мать же вынесла ему небольшой узелокъ съ сладкими лепешками, издѣліемъ рукъ своихъ. «Возьми, дитя мое», со слезами сказала она, «проголодаешься въ пути, подкрѣпись этими лепешками».

Царевичъ сѣлъ на коня и пустился въ путь. Онъ ехалъ, куда глаза глядятъ, все дальше и дальше по направленію къ югу, пока не заѣхалъ въ дикое пустынное мѣсто. Посреди лежалъ прудъ, окаймленный тѣнистыми деревьями. Царевичъ спѣшилъ, освѣжилъ самъ въ пруду, выкупалъ коня и сѣлъ отдохнуть на берегу. «Пора приняться за лепешки», сказалъ онъ себѣ, «поѣмъ, выпью воды и поѣду дальше». Онъ развязалъ узелокъ и вынулъ одну лепешку. Въ срединѣ оказался муравей. Онъ взялъ другую; тамъ тоже сидѣлъ муравей. Царевичъ одну за другой перебралъ всѣ лепешки и въ каждой нашелъ по муравью. «Ну, нечего дѣлать!» рѣшилъ онъ, выкладывая лепешки на землю, «не стану ѣсть, пускай за меня муравьи ѣдятъ».

Тутъ явился къ нему муравьиный царь. «Царевичъ», сказалъ онъ ему, «ты былъ добръ къ намъ и мы не забудемъ тебя. Если окажешься въ бѣдѣ, вспомни обо мнѣ и я явлюсь къ тебѣ на помощь съ моимъ народомъ».

Сынъ раджи вѣжливо поблагодарилъ муравья, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ дальше.

Онъ ѣхалъ и ѣхалъ все впередъ, наконецъ снова заѣхалъ въ чащу и увидѣлъ тамъ тигра, который громко вылъ, повидимому отъ боли. «Что ты такъ реवेशь?» спросилъ царевичъ. «Что съ тобою приключилось?»

«У меня заноза сидитъ въ ногѣ вотъ ужъ двѣнадцатый годъ», отвѣчалъ тигръ, "и такъ страшно болить! я не могу удержаться отъ крика».

«Дай мнѣ посмотрѣть свою лапу», сказалъ царевичъ. «Я постараюсь вынуть занозу. Только вотъ что: вашъ братъ, тигръ, плохо помнитъ услугу, ты, пожалуй, съѣшь меня въ благодарность?»

«О нѣтъ», воскликнулъ звѣрь, «никогда не рѣшусь я съѣсть своего благодѣтеля!»

Царевичъ остриемъ кинжала вырѣзалъ занозу изъ лапы тигра. Тотъ такъ сильно рычалъ при этомъ, что тигрица изъ сосѣдней джонгли услышала ревъ супруга и бросилась къ нему на помощь. Тигръ издали увидѣлъ ее и спряталъ царевича въ кусты. «Кто смѣлъ обидѣть тебя?» грозно зарычала тигрица.

«Никто не обижалъ меня», отвѣчалъ тигръ, «напротивъ, пришелъ ко мнѣ невѣдомый царевичъ и вынулъ занозу изъ моей лапы. Если ты обѣщаешь не вредить ему, я покажу его тебѣ».

«Неужели ты думаешь, что я рѣшусь вредить ему послѣ такой услуги! Скорѣй зови его, чтобъ я могла выразить ему свою благодарность».

Тигрь позваль царевича и оба, тигрь и тигрица, склонились передь нимъ въ знакъ благодарности. Они всячески угощали его и ухаживали за нимъ и цѣлыхъ три дня не отпускали отъ себя. Каждый день царевичъ осматриваль лапу тигра, наконецъ на третій день рана совсѣмъ зажила и царевичъ рѣшилъ ѣхать дальше. «Царевичъ», сказалъ ему тигрь при прощаньи, «я не забуду твоей услуги. Если когда-нибудь ты очутишься въ бѣдѣ, вспомни объ насъ и мы оба явимся къ тебѣ на помощь?»

Царевичъ благодариль и поѣхаль дальше. Онъ ѣхаль и ѣхаль не останавливаясь, пока опять не заѣхаль въ чащу. Тамъ, на полянкѣ, увидѣль онъ четырехъ факировъ, учитель которыхъ умеръ и оставилъ имъ въ наслѣдство четыре вещи: постель-самолетъ, сумку, каменную чашу и дубинку съ веревкой. Постель-самолетъ несла своего обладателя всюду куда ему только вздумается; сумка доставляла все, что только могъ пожелать ея хозяинъ; каменная чаша сама при первомъ требованіи наполнялась водою, какъ бы далеко не былъ источникъ, а дубинкѣ съ веревкою достаточно было сказать, если кто вздумаетъ напасть на ея хозяина, «дубинка, колоти всѣхъ, кого ни попало!» и дубинка примется колотить, а веревка вязать, пока со всѣми не покончатъ.

Четыре факира ссорились изъ-за этихъ предметовъ и никакъ не могли подѣлить ихъ между собою.

Царевичъ сказалъ имъ: «Не ссорьтесь по пустому, я помирю васъ. Я выпущу четыре стрѣлы по четыремъ направлѣнїямъ. Кто первый найдетъ первую стрѣлу получитъ постель; кто найдетъ вторую, пусть беретъ сумку; кто третью, тому достанется чаша, а кто принесетъ четвертую, пусть довольствуется дубинкою съ веревкою». Факиры согласились и принцъ натянулъ лукъ.

Высоко взвилась стрѣла и исчезла въ воздухъ. Всѣ факиры бросились вслѣдъ за нею. А царевичъ, тѣмъ временемъ, соскочилъ съ коня, вскочилъ на постель, прихватилъ съ собою сумку, чашу и дубинку и пожелаль очутиться въ странѣ царевны Лабамъ. Постель тотчасъ же понеслась по воздуху и скоро опустилась на землю на границѣ царства прекрасной Лабамъ. Царевичъ забралъ свои сокровища и пошелъ пѣшкомъ. Скоро на пути его показался городъ, а на самомъ краю его небольшая лачужка. Царевичъ направился къ ней. На порогъ стояла старуха. «Кто ты такой?» спросила она. «Откуда ты?»

«Я изъ дальнихъ странъ», отвѣчалъ царевичъ. «Я сильно усталъ и измучился дорогой. Позволь мнѣ, матушка, переночевать у тебя».

Старуха покачала головою. «Не могу я дозволить этого, сынъ мой, царь нашъ строго запретилъ чужеземцамъ останавливаться въ странѣ. Спѣши скорѣе уйти изъ города». «Сжался надо мною, матушка, пусти хоть на одну ночку! Теперь ужъ скоро стемнѣетъ и дикіе звѣри растерзають меня въ пустынѣ».

«Нечего дѣлать», вздохнула старуха, «оставайся сегодня ночевать, но завтра чѣмъ свѣтъ ты долженъ уходить, а то если царь узнаетъ, что я приютила тебя, онъ велитъ схватить меня и посадить въ тюрьму».

Съ этими словами она впустила его въ домъ, чему царевичъ былъ несказанно радъ. Старуха принялась было готовить ему обѣдъ, но онъ остановилъ ее. «Не трудись, матушка, у меня все найдется. Сумка, дай намъ пообѣдать!» сказалъ онъ, постукивая по своей сумкѣ и тотчасъ же передь ними появилось великолѣпное угощеніе на двухъ золотыхъ блюдахъ. Старуха и царевичъ сѣли вмѣстѣ за трапезу.

Когда они кончили, женщина встала, чтобъ идти за водою. «Не трудись, матушка», снова остановилъ ее царевичъ, «у меня и вода подъ рукою». Онъ досталь свою чашу, сказалъ ей: «Чаша, дай воды!» и чаша тотчасъ же стала наполняться водою. Царевичъ

крикнулъ: «Вода остановись!» и вода остановилась. «Вотъ видишь, матушка», сказали онъ удивленной старухъ, «съ этою чашею я во всякое время могу достать тебѣ воды; тебѣ незачѣмъ идти къ колодцу».

Тѣмъ временемъ уже стемнѣло. «Отчего ты огня не засвѣтишь?» спросилъ царевичъ.

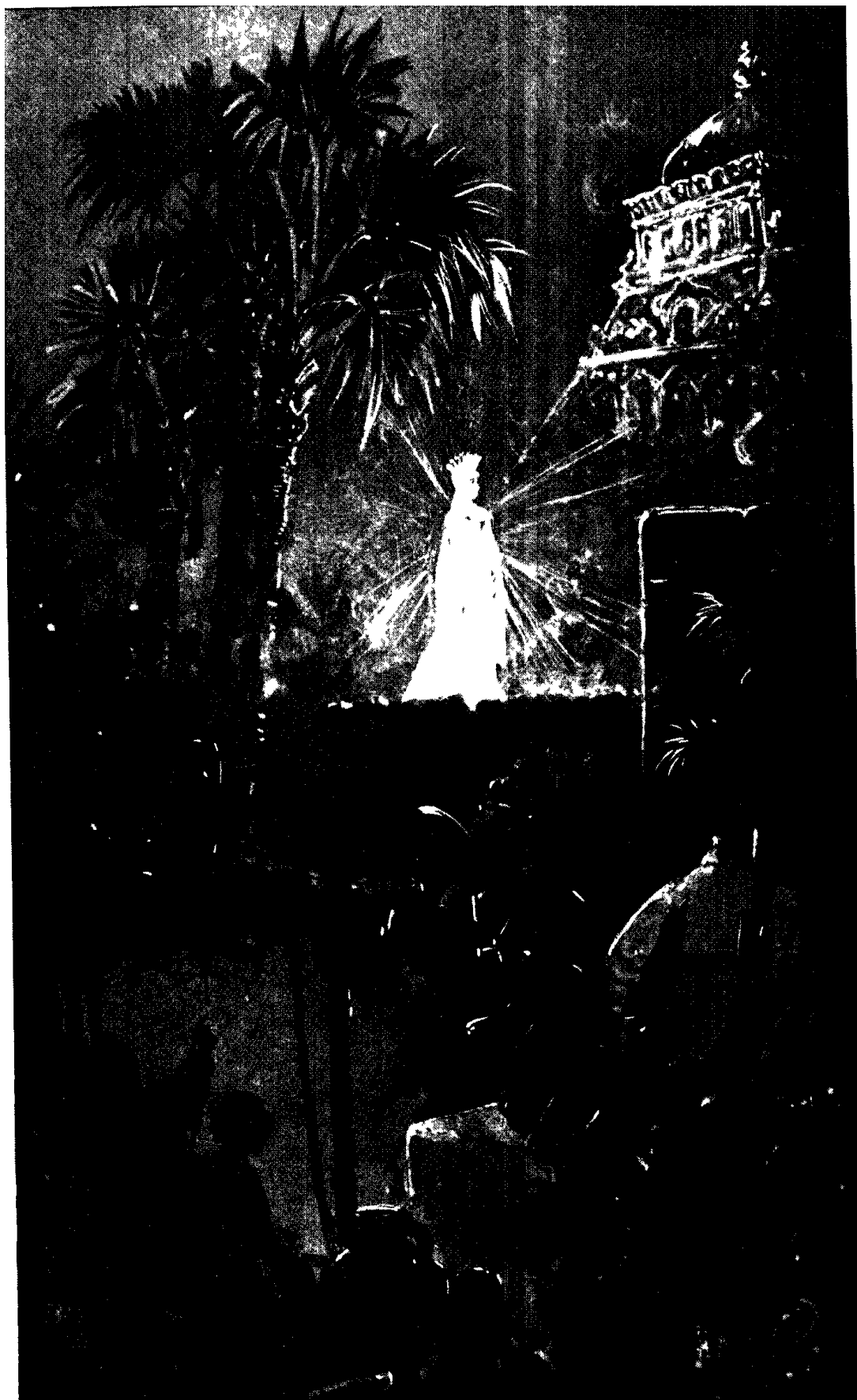
«Нѣтъ надобности, сынъ мой», отвѣчала старуха. «Царь не велитъ намъ освѣщать жилища, такъ какъ съ насту пленіемъ ночи дочь его, царевна Лаба, выходитъ изъ дворца и садится, на крышу. А она такъ сіяетъ, что озаряетъ всю страну, и поля, и дома наши и мы при этомъ свѣтѣ можемъ работать не хуже, чѣмъ днемъ».

И дѣйствительно, скоро царевна показалась на крышѣ. Одежда, ея сверкала золотомъ и серебромъ; волосы густою волною падали до самыхъ пятъ, на головѣ красовалась повязка изъ жемчуговъ и алмазовъ. Царевна вся свѣтилась тихимъ сіяніемъ какъ яркій мѣсяцъ и была такъ прекрасна, что ночь обращалась въ день подъ блескомъ ея красоты. Днемъ, она никогда не выходила изъ дворца; она показывалась только ночью. Зато подданные отца ея съ нетерпѣніемъ ждали ея появленія на дворцовой крышѣ и, озаренные ея волшебнымъ свѣтомъ, спѣшили закончить начатое днемъ дѣло.

Царевичъ спокойно сидѣлъ на порогѣ хижины и любовался царевною. «Какъ она прекрасна!» шепталъ онъ съ восторгомъ. Царевна посидѣла нѣкоторое время на крышѣ, потомъ встала и, удалилась въ свои покои, гдѣ скоро заснула. Царевичъ тоже вошелъ въ хижину, подождалъ пока старуха заснетъ, сѣлъ на постель-самолетъ и пожелалъ перенестись въ спальню царевны. Онъ тотчасъ же очутился тамъ. Царевна крѣпко спала среди своихъ прислужницъ. «Сумка, мнѣ надо бетеля, много бетеля!» шепнулъ царевичъ, и драгоценные листья мигомъ усѣяли полъ опочивальни. Царевичъ же спокойно вернулся въ домъ старухи. На слѣдующее утро прислужницы царевны увидѣли листья и принялись съ восторгомъ жевать ихъ. «Гдѣ вы достали столько бетеля?» спросила удивленная царевна. «Мы, нашли ихъ у ложа твоего о, повелительница!» отвѣчали прислужницы. Никто не видалъ царевича и не зналъ откуда взялись благовонные листья.

Ранымъ рано на слѣдующій день старуха разбудила царевича.

«Утро настало», говорила она, «пора тебѣ уходить! Узнаетъ царь, что ты тутъ, онъ посадитъ меня въ тюрьму».

Царевна вся свѣтилась тихимъ сїяніємъ

«Охъ, матушка, дорогая, позволь мнѣ еще денекъ остаться. Я не въ силахъ встать, я совсѣмъ нездоровъ сегодня».

«Что жъ дѣлать? Оставайся пожалуй». И онъ остался, и они опять пообѣдали вмѣстѣ изъ сумки и добыли воду изъ чаши.

Когда наступила ночь, царевна снова тихо засіяла на крышѣ, а въ полночь, когда всѣ улеглись, она вернулась въ свою опочивальню и крѣпко заснула. Царевичъ снова сѣлъ на свою постель и полетѣлъ къ царевнѣ. «Сумка, дай мнѣ покрывало!» приказалъ онъ сумкѣ и тотчасъ же въ рукахъ его оказалась великолѣпная тончайшая шаль, Онъ осторожно накинулъ ее на спящую царевну и вернулся въ лачугу, гдѣ мирно проспалъ до утра.

На слѣдующее утро царевна тотчасъ же замѣтила великолѣпное покрывало и очень обрадовалась. «Взгляни, матушка», сказала она матери, «это вѣрно боги шлютъ мнѣ въ подарокъ. Откуда иначе могла взятъ такая чудная шаль? Она слишкомъ прекрасна для смертной?».

«О да, дитя мое, это вѣрно подарокъ боговъ, согласилась мать.

Когда на слѣдующее утро старуха напомнила царевичу, что пора уходить, онъ снова отвѣтилъ ей: «Матушка, право я чувствую, что совсѣмъ еще болѣнъ». «Оставь меня еще на нѣсколько дней. Никто не увидитъ меня, я не выйду изъ хижины». И старуха, которой очень пріятно было имѣть такого гостя, оставила его въ покоѣ.

Снова наступила ночь, снова царевна въ пышномъ убранствѣ вышла на крышу и снова въ полночь скрылась во дворецъ. Тогда царевичъ сѣлъ на постель-самолетъ и очутился около спящей царевны. «Сумка, кольцо мнѣ!» шепнулъ онъ и въ рукахъ его оказалось роскошное кольцо. Онъ осторожно взялъ руку царевны и надѣлъ ей на пальчикъ кольцо.

Она тотчасъ же проснулась и съ испугомъ взглянула на него.

«Кто ты такой? Откуда ты и зачѣмъ ты здѣсь?»

«Не бойся, царевна. Я не воръ и зла тебѣ не сдѣлаю. Я сынъ великаго и мужественнаго царя. Попугай Хариманъ открылъ мнѣ твое имя и я бросилъ отца и мать, и поѣхалъ искать тебя».

«Если такъ», сказала царевна, «я не хочу, чтобъ тебя убивали; я скажу отцу и матери, что ты сынъ великаго царя и что я выбираю тебя своимъ мужемъ».

Царевичъ вернулся къ старухѣ, а царевна утромъ же объявила матери: «Сынъ великаго царя явился въ нашу страну и я рѣшила выйти за него». Мать пошла передать царю желаніе дочери.

«Хорошо», сказалъ царь, «я не препятствую, но кто желаетъ получить мою дочь, долженъ сперва исполнить то, что я ему велю. Не сможетъ — пусть пеняетъ на себя, а я велю казнить его. Пусть дадутъ царевичу немедленно восемьдесятъ пудовъ горчишнаго зерна и пусть онъ выжметъ изъ него масло въ теченіе дня. Не успѣетъ — умретъ съ закатомъ солнца».

Тѣмъ временемъ царевичъ уже объявилъ старухѣ, что собирается жениться на царевнѣ Лабамъ. Она пришла въ ужасъ. «Несчастный», воскликнула она, «забудь свою дерзостную мечту, бѣги скорѣе изъ нашей страны! Много царей и царевичей перебивало здѣсь; всѣ они сложили головы за красу нашей лучезарной Лабамъ, всѣхъ погубилъ ея суровый отецъ. Онъ предлагаетъ хитрыя задачи всѣмъ искателямъ ея руки, а задачи его невыполнимы и всѣ платятся жизнью за свою смѣлость. И тебя, о сынъ мой, убьютъ, если ты не скроешься отсюда, не бросишь нелѣпой мысли». Такъ причитала старуха, но царевичъ и слышать ничего не хотѣлъ.

Скоро пришли въ домикъ старухи посланные отъ царя и повели царевича во дворець. Тамъ царь высказаль ему свои условія и велѣль выдать ему восемьдесятъ пудовъ горчишнаго сѣмени. «Обрати ихъ въ масло къ слѣдующему утру», сказалъ онъ. «Всякій кто желаетъ жениться на моей дочери, долженъ безпрекословно исполнить мой приказъ. Кому задача не по силамъ, того я велю казнить. И такъ, выполни ее или готовься къ смерти». Царевичъ нѣсколько смутился, но не захотѣль однако отказаться отъ царевны и согласился на условіе.

Печально сидѣль онъ въ лачужкѣ и обдумываль свое положеніе. «Какъ справиться мнѣ съ такимъ количествомъ?» думаль онъ. Вдругъ вспомнилъ онъ о муравьиномъ царѣ и тотъ тотчасъ же предсталъ передъ нимъ «Что такъ печалень, царевичъ?» спросилъ онъ.

Царевичъ молча указаль ему на чудовищную кучу горчишнаго сѣмени. «Только-то?» сказалъ муравей, «будь спокоенъ, ложись и спи, а къ утру все будетъ готово».

Обрадованный царевичъ легъ и заснулъ, а муравьи быстро исполнили за него всю работу.

На слѣдующее утро онъ отнесъ масло царю. «Постой, это еще не все», сурово встрѣтилъ его царь. «Потрудись еще за мою дочь. У меня сидятъ въ клѣткѣ два демона; убей ихъ въ бою и Лабамъ будетъ твоя». Царь задолго до того поймалъ двухъ страшныхъ демоновъ и, не зная что съ ними дѣлать, заперъ ихъ въ клѣтку. Онъ не прочь былъ бы избавиться отъ нихъ, но какъ убить ихъ не зналь, а выпустить на волю боялся изъ опасенія, чтобъ они не вредили его народу. Вотъ почему онъ рѣшилъ, что всѣ искатели руки прекрасной царевны должны вступать въ борьбу съ этими чудовищами.

Услышавъ о демонахъ, царевичъ призадумался и попросилъ отсрочки. Бой былъ назначенъ на слѣдующій день.

Царевичъ, вернувшись въ лачугу старухи, сталъ раздумывать, не поможетъ-ли ему въ этомъ дѣлѣ другъ его, тигръ. И тигръ мгновенно предсталъ передъ нимъ. «Что такъ печалень, царевичъ?» спросилъ онъ.

Сынъ раджи рассказалъ про демоновъ. «Не бойся», успокоилъ его тигръ, «ложись спать и не о чемъ не печалься, завтра мы съ женою покончимъ съ демонами».

На утро царевичъ досталь изъ сумки два чудныхъ плаща, затканыхъ золотомъ и серебромъ и усѣянныхъ драгоцѣнными камнями. Онъ накинулъ ихъ на своихъ тигровъ и повелъ ихъ къ царю. «Могутъ друзья мои вступить за меня въ бой съ демонами?» спросилъ онъ. «Вотъ и отлично!» рѣшилъ царь, которому было въ сущности все равно кто убьетъ его демоновъ, лишь бы они были убиты. «Такъ выпускайте демоновъ, мои тигры готовы», сказалъ царевичъ. Тигры и демоны яростно набросились другъ на друга и скоро оба демона лежали растерзанные на землѣ.

Однако царь все еще не хотѣль отдавать своей дочери.

«Ты такъ искусень», насмѣшливо сказалъ онъ, «слетай-ка на облака, тамъ лежитъ моя литавра, ударъ въ нее два раза и тогда получишь прекрасную Лабамъ».

Это порученіе не затрудняло царевича. Спокойно вернулся онъ домой, сѣлъ на постель-самолетъ, мигомъ очутился надъ облаками и звонко ударилъ по литаврѣ, такъ что гуль ея разнесся по всему царству. «Хорошо», сказалъ царь, когда юноша снова явился передъ нимъ. «Не спорю, что ты все исполниль какъ требовалось. Теперь окажи мнѣ еще одну услугу и Лабамъ твоя». «Если смогу — все готовъ сдѣлать», отвѣчалъ царевичъ.

Царь указаль ему на огромный пень въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дворца. «Завтра при мнѣ разруби его надвое вотъ этимъ топоромъ». Онъ подалъ ему красивый топоръ — изъ воска!

Царевичъ ничего не сказалъ и пошелъ себѣ домой. Тутъ онъ долго сидѣлъ понуря голову: «Что теперь стану дѣлать? Муравьи выручили меня уже разъ изъ бѣды, тигры тоже сослужили свою службу. Но кто поможетъ мнѣ разрубить дерево восковымъ топоромъ?» Ночью онъ отправился къ царевнѣ, чтобъ проститься съ нею передъ смертью.

«Завтра меня уже не будетъ въ живыхъ», грустно сказалъ онъ.

«Отчего такъ?» удивилась она.

«Отецъ твой приказываетъ мнѣ разрубить столѣтній стволъ восковымъ топоромъ».

Онъ мигомъ очутился подѣ облаками и звонко ударилъ по литаврѣ.

«Не тужи, царевичъ мой», ласково сказала тогда царевна. «Теперь моя очередь помочь тебѣ». Съ этими словами она вырвала волосъ изъ головы своей и подала его царевичу. «Завтра незамѣтно отъ всѣхъ шепни стволу царевна Лабамъ велить тебѣ расколотся отъ ея волоса, а самъ осторожно положи волосъ вдоль лезвія воскового топора».

Царевичъ исполнилъ въ точности приказаніе царевны а затѣмъ въ присутствіи всего двора высоко взмахнулъ топоромъ... И, о чудо! Лишь только волосъ въ лезвіи коснулся дерева оно съ трескомъ распалось на двѣ половины.

«Теперь ты вполне заслужилъ мою дочь!» промолвилъ царь, и всѣ громко привѣтствовали красавца жениха лучезарной Лабамъ.

Свадьбу отпраздновали съ большимъ торжествомъ. Всѣ цари и царевичи окрестныхъ странъ были приглашены на празднество.

Черезъ нѣсколько дней царевичъ собрался съ женою въ обратный путь къ своимъ родителямъ. Царь отпустилъ ихъ, снабдивъ ихъ великимъ множествомъ верблюдовъ, слугъ и драгоценностей. И они пышнымъ караваномъ прибыли въ страну царевича, гдѣ были встрѣчены всеобщимъ ликованіемъ и долго жили въ счастье и полномъ довольствѣ.

Царевичъ всю жизнь съ благодарностью вспоминалъ о своихъ друзьяхъ, муравьиномъ царѣ и тигрѣ и хранилъ въ почетѣ сумку, чашу, постель и дубинку. Только

дубинка изнывала въ бездѣйстви, такъ какъ ни разу не пришлось пустить ее въ ходъ за неимѣніемъ враговъ.

Волшебное кольцо

У одного богатого купца былъ сынъ, малый не глупый, но очень легкомысленный. Старикъ боялся, что послѣ его смерти деньги попадутъ въ плохія руки и потому рѣшилъ при жизни испытать способности сына къ торговлѣ. Онъ далъ ему три тысячи рупій и велѣлъ идти въ чужіе края попытать счастья. Юноша взялъ деньги, быстро снарядился въ путь и отправился пѣшкомъ бродить по свѣту. Шелъ онъ день, шелъ другой; ничего особеннаго не приключилось. На третій увидѣлъ онъ въ полѣ кучу пастуховъ, о чемъ-то оживленно спорившихъ. Оказалось, что они собираются убить какую то собаку.

— Ой, не убивайте бѣдное животное, — вмѣшался юноша. — Продайте мнѣ собаку, я дамъ вамъ за нее тысячу рупій.

Торгъ живо состоялся и юноша беззаботно продолжалъ путь. По пятамъ за нимъ шла спасенная собака. Вскорѣ встрѣтилась имъ толпа поселянъ. Они тоже спорили и кричали; на этотъ разъ изъ-за какой то кошки.

— Ой, не убивайте бѣдное животное, снова вмѣшался мягкосердечный юноша. — Продайте мнѣ кошку: я дамъ вамъ тысячу рупій.

Тѣ съ радостью согласились и юноша весело продолжалъ путь съ кошкою на рукахъ.

Немного далѣе пришлось ему идти черезъ селеніе. Тамъ на площади столпился народъ: только что поймали змѣю и собирались ее убить.

— Отдайте мнѣ змѣю, — вступился юноша. — Хотите за нее тысячу рупій?

Удивились люди такой неслыханной щедрости и поспѣшили отпустить свою добычу. Пошелъ дальше купеческій сынъ и на этотъ разъ невольно призадумался. На сердцѣ то у него было легко, зато и въ карманъ не тяжелѣе. «Дуракъ же я!» — подумалъ онъ — «ну куда пойду теперь безъ денегъ? Какъ теперь отцу на глаза покажусь? А дѣлать нечего! Хочешь не хочешь, приходится домой идти: не далеко уйдешь съ пустыми руками». И онъ побрелъ домой.

— Ахъ ты болванъ, ахъ ты мотъ безразсудный! — закричалъ на него отецъ, какъ только узналъ все. — Для того ли далъ я тебѣ деньги, чтобы ты ихъ по вѣтру пустил? Убирайся съ глазъ моихъ долой, живи въ хлѣву со скотомъ, пока не сознаешь своей глупости.

И несчастный юноша вышелъ изъ дома и поселился въ хлѣву. Спалъ онъ на подстилкѣ для скота, питался скудными остатками ихъ пищи и единственными товарищами его были собака, кошка и змѣя, добытая такою дорогою цѣною. Животныя эти сильно привязались къ нему и весь день слѣдовали за нимъ по пятамъ, а ночью спали около него. Кошка обыкновенно располагалась у него въ ногахъ, а собака въ головахъ; змѣя же ложилась ему на грудь такимъ образомъ, что голова ея свѣшивалась въ одну сторону, а хвостъ въ другую. Однажды ночью змѣя заговорила человѣческимъ голосомъ.

— Знаешь-ли, дорогой хозяинъ, кого ты спасъ? Я дочь могущественнаго царя змѣй, Индрашаха. Въ тотъ день, какъ меня поймали, я вышла было изъ своего царства подышать свѣжимъ воздухомъ... и вотъ меня схватили и убили бы непременно, если бы ты во время не подоспѣлъ на помощь. Какъ мнѣ отблагодарить тебя за такое благодѣяніе? Ты такъ несчастливъ теперь изъ-за насъ! Брось все, пойдѣмъ къ моему отцу! Онъ съ радостью приметъ спасителя своей дочери.

— Да какъ попасть мнѣ къ нему? — спросилъ удивленный юноша. — Веди меня, я пойду за тобою.

— Вотъ и прекрасно, благодарѣтель мой! Видишь тамъ горы вдали? На самой вершинѣ течетъ священный родникъ. Стоитъ только нырнуть въ него и мы очутимся во владѣніяхъ моего отца. Вотъ то будетъ радость! Отецъ непременно захочетъ отблагодарить тебя. Какъ? я просто придумать не могу! Мой совѣтъ, если онъ предоставитъ тебѣ самому выбрать награду, проси кольцо съ его правой руки и заколдованный горшечекъ съ ложкою. У тебя тогда ни въ чемъ не будетъ недостатка. Стоитъ тебѣ приказать кольцу и явится передъ тобою богатѣйшій дворецъ, а прикажешь горшечку съ ложкою — вмигъ появятся самыя вкусныя и изысканныя кушанья.

Юноша отправился за змѣею къ источнику и уже собирался прыгнуть въ него, когда услышалъ за собою жалобный возгласъ.

— О хозяинъ ! На кого ты насъ покидаешь? Что станемъ дѣлать безъ тебя? — Такъ плакались кошка съ собакой. Вѣрныя животныя бросились вслѣдъ за хозяиномъ, но нагнали его лишь у самага родника.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, друзья ! Ждите меня здѣсь. Я скоро вернусь. — И съ этими словами купеческій сынъ отважно прыгнулъ въ воду и исчезъ изъ вида.

— Что же намъ теперь дѣлать? — спросила печально собака у кошки.

— Будемъ ждать здѣсь, какъ велѣлъ хозяинъ. Насчетъ пищи не безпокойся. Я проберусь въ селеніе и добуду тамъ достаточно на двоихъ. — Сказано — сдѣлано и оба друга зажили спокойно, выжидая возвращенія хозяина.

Купеческій сынъ и змѣя благополучно достигли цѣли своего путешествія и послали гонца доложить о себѣ змѣиному царю. Царь повелѣлъ немедленно привести къ нему вновь прибывшихъ.

— Передайте царю, что я не смѣю идти безъ согласія повелителя моего, купеческаго сына. Онъ спасъ меня отъ лютой смерти и я на всю жизнь его раба, — отвѣчала змѣя. Тогда царь самъ со всѣми приближенными вышелъ къ нимъ на встрѣчу, нѣжно обнялъ дочь и ласково привѣтствовалъ дорогого гостя.

Нѣсколько дней прожилъ юноша у змѣинаго царя, который всячески старался выразить ему свою признательность. Онъ повелъ его осматривать несмѣтныя сокровища подземнаго царства и предлагалъ ему выбрать себѣ любое.

Но юноша, помня совѣты змѣи, попросилъ лишь кольцо и волшебный горшечекъ. Индрашахъ съ восторгомъ вручилъ ему то и другое.

Тогда купеческій сынъ распростился съ гостепріимными хозяевами и вышелъ обратно на свѣжій воздухъ. Тамъ встрѣтилъ онъ друзей своихъ, кошку и собаку. Радости ихъ не было конца.

Долго сидѣли они, рассказывая другъ другу свои похождения, затѣмъ перешли рѣку, выбрали удобную поляну и рѣшили тутъ же испытать силу волшебнаго кольца. Купеческій сынъ сказалъ кольцу нѣсколько словъ и передъ нимъ мгновенно явился роскошный дворецъ, съ великолѣпнымъ садомъ, а изъ дворца вышла ему навстрѣчу прелестная молодая дѣвушка, съ длинными до пять золотистыми волосами.

Купеческій сынъ женился на красавицѣ и зажилъ весело во дворцѣ со своими друзьями. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ и счастьемъ ихъ, казалось, не будетъ конца. Но вотъ однажды молодая женщина сидѣла у окна и расчесывала свои роскошные волосы. При этомъ у ней выпало нѣсколько волосковъ. Она тутъ же намотала ихъ на кусочекъ тростника и выбросила въ окно. Тростникъ попалъ въ рѣку, которая протекала какъ разъ подъ самымъ

окномъ, и поплылъ по теченію все дальше и дальше, въ сосѣднее царство. Поймалъ его царевичъ той страны, размоталъ волосы и залюбовался ими. Онъ былъ такъ пораженъ ихъ красотою, что потерялъ сонъ и здоровье. Заперся въ своей комнатѣ и все мечталъ, какъ прекрасна должна быть женщина съ такими волосами.

Такъ продолжалось нѣсколько дней и царевичъ совсѣмъ занемогъ съ тоски по невѣдомой красавицѣ. Царь и царица были въ отчаяніи. Они боялись, что сынъ ихъ умретъ съ горя, а между тѣмъ совсѣмъ не знали, какъ и гдѣ достать желанную принцессу. Рѣшили обратиться за совѣтомъ къ одной старой колдунѣ, теткѣ царя.

Старуха обѣщала помочь ихъ бѣдѣ и добыть прекрасную незнакомку въ жены царевичу. Для этого она обратилась въ пчелу и вылетѣла изъ дворца. Ея тонкое чутье скоро указало ей путь къ жилищу купеческаго сына. Тутъ она снова обратилась въ старую женщину и, опираясь на посохъ, побрела къ красавицѣ.

— Я твоя старая тетка, дитя мое, — какъ можно ласковѣе сказала она, когда очутилась передъ молодою женщиною. — Не узнаешь меня? Ну, конечно! Гдѣ-жъ тебѣ дитятко, меня узнать! Ты еще совсѣмъ крохотная была, какъ я отсюда ушла. И она принялась ласкать и цѣловать красавицу, чтобы увѣрить ее въ справедливости своихъ словъ.

Прекрасная жена купеческаго сына повѣрила ей. Она приласкала старуху, предложила ей остаться погостить у нихъ и отнеслась къ ней съ такою довѣрчивостью, что коварная гостя очень быстро разузнала все, что ей было надо. Дня черезъ три она завела рѣчь о волшебномъ кольцѣ.

— Ты напрасно, дитятко, оставляешь у мужа такую драгоценную бездѣлку, вкрадчиво сказала она. — Мужа такъ часто не бываетъ дома, онъ рыщетъ по полямъ и лѣсамъ; долго ли потерять кольцо на охотѣ!

Въ тотъ же день красавица стала просить кольцо у мужа, а тотъ, ничего не подозрѣвая, отдалъ его. На слѣдующее утро старуха попросила молодую женщину показать ей знаменитое кольцо. Но не успѣла та повернуться къ ней, какъ старуха выхватила у нея кольцо, снова обратилась въ пчелу и понеслась къ больному царевичу. Царевичъ чуть съ ума не сошелъ отъ радости, когда домъ купца съ прекрасною его обитательницею очутился среди дворцоваго сада.

Онъ вбѣжалъ въ домъ и тотчасъ же предложилъ красавицѣ быть его женою. Бѣдная женщина сначала только плакала и ломала руки, но затѣмъ придумала отдѣлаться хитростью.

— Дай мнѣ хоть мѣсяць сроку: мнѣ необходимо приготовиться къ свадьбѣ, — сказала она.

Тѣмъ временемъ купеческій сынъ вернулся домой съ охоты и обомлѣлъ отъ ужаса. Ни дома, ни жены! Передъ нимъ разстилалась та же равнина, которая была тутъ до того, какъ онъ получилъ кольцо отъ змѣйнаго царя. Въ отчаяніи опустился онъ на траву и рѣшилъ покончить съ собою.

Но вѣрные друзья его, собака и кошка, караулили его и теперь подбѣжали къ нему. Они видѣли, какъ исчезалъ ихъ дворецъ, и отъ испуга спрятались въ прибрежные кусты.

— Хозяинъ, умѣрь тоску свою, — говорили они. — Велико твое горе, но помочь ему можно: дай намъ мѣсяць срока и мы вернемъ тебѣ твое сокровище.

— О, бѣгите тогда скорѣе и да помогутъ вамъ боги. Верните мнѣ жену, больше мнѣ ничего не нужно!

Кошка и собака тотчасъ же пустились бѣжать и не останавливались, пока не дошли до того мѣста, куда перенесенъ былъ домъ ихъ хозяина.

— Дѣло то будетъ потруднѣе, чѣмъ мы ожидали, — сказала кошка. — Самъ царь повидимому, похитилъ домъ и жену хозяина. Надо дѣйствовать осторожно. Пойду въ домъ, постараюсь увидѣть нашу госпожу.

Собака спряталась въ кусты, а кошка прыгнула черезъ окно въ комнату, гдѣ сидѣла похищенная красавица. Та тотчасъ же узнала кошку и принялась рассказывать, какъ все случилось.

— Какъ бы намъ вырваться отсюда, — закончила она.

— Надо прежде всего узнать, гдѣ волшебное кольцо, — сказала кошка.

— Колдунья проглотила его.

— Ну такъ нечего беспокоиться, я достану его; а разъ оно будетъ въ нашихъ рукахъ, все остальное наше.

Кошка протиснулась съ молодою женщиной, осторожно сползла по стѣнѣ и скоро залегла около мышиной норки въ дворцовой оградѣ и притворилась мертвою.

Въ тотъ день какъ разъ была большая свадьба у мышей того округа и мыши со всѣхъ окрестностей собрались въ подземномъ покоѣ, у котораго караулила кошка. Вѣнчали старшаго сына мышинаго царя. Кошка разузнала про это, прислушиваясь къ писку собравшихся мышей. Она задумала схватить жениха, а въ видѣ выкупа потребовать отъ его родныхъ желаемой услуги.

Вотъ процессія съ пискомъ и визгомъ, какъ подобало торжеству, выскочила изъ норы. Еще минута... и кошка выхватила жениха и смяла его подъ собою.

— О отпусти, отпусти меня! — взмолился испуганный мышенокъ.

— Отпусти его, отпусти его, — завизжало все собраніе. — Сегодня день его свадьбы.

— Нѣтъ, нѣтъ, даромъ ни за что не отпущу, за услугу — согласна.

— Требуй чего хочешь, все сдѣлаемъ, — засуетились мыши.

— Достаньте мнѣ кольцо изъ живота колдуньи, царской тетки. Кольцо мнѣ очень нужно. Принесите его и получите своего мышенка, здоровымъ и невредимымъ. А не то— женихъ вашъ умретъ въ моихъ когтяхъ.

— Хорошо, хорошо! пропищали мыши въ одинъ голосъ. — Если не принесемъ кольца, можешь всѣхъ насъ съѣсть.

Такое смѣлое предложеніе понравилось кошкѣ. Однако порученіе оказалось очень скоро выполненнымъ. Въ полночь, когда колдунья заснула, одна изъ мышей забралась къ ней въ постель, подкралась къ самому лицу и сунула ей хвостъ въ горло. Колдунья сильно закашлялась, кольцо выпало и покатилося по полу. Напрасно искала его раздосадованная старуха: мышка раньше успѣла схватить его и бросилась съ нимъ на выручку плѣннаго мышенка.

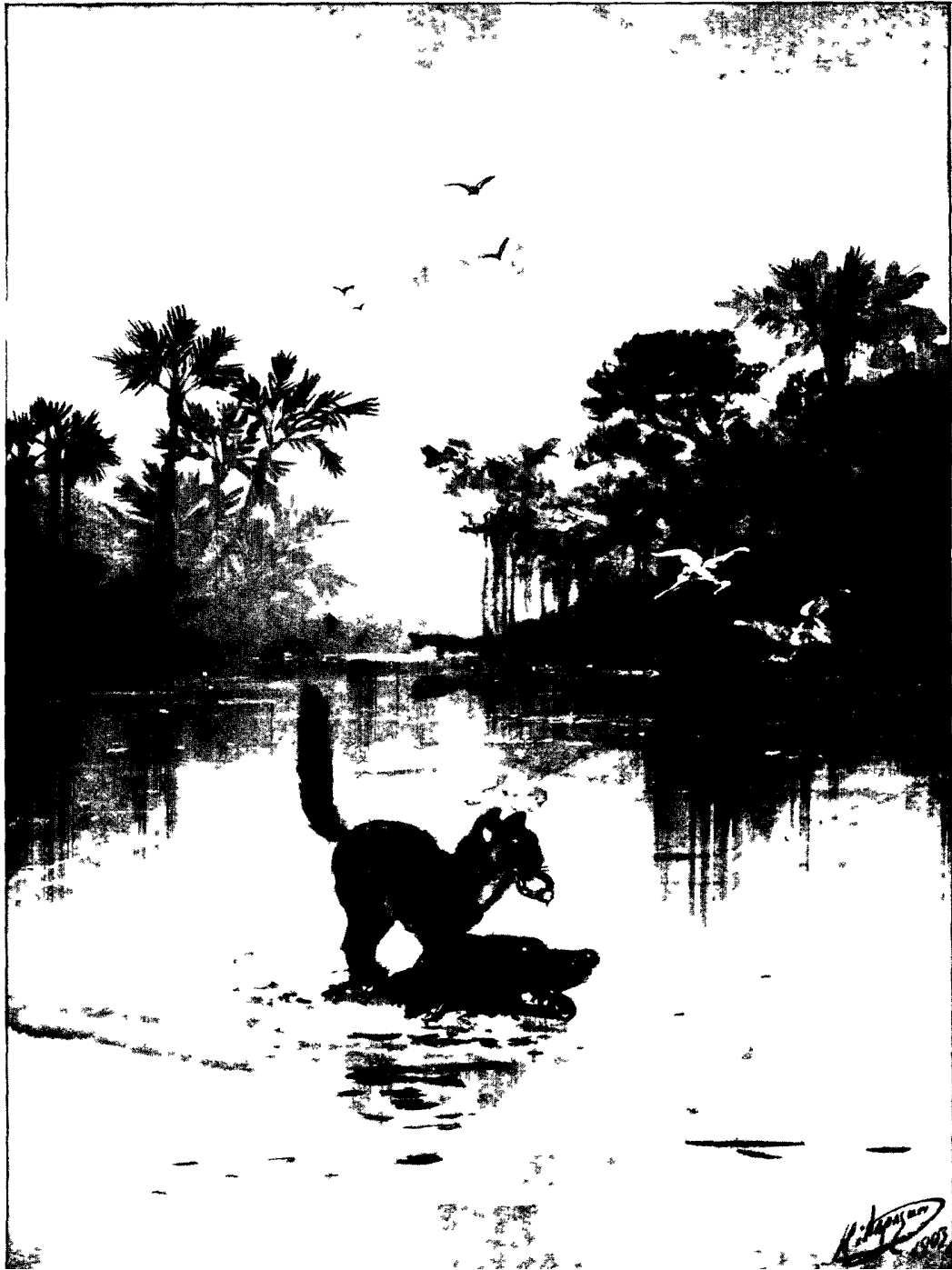
Кошка получила кольцо, разыскала собаку и объ побѣждали къ хозяину.

«Вотъ то онъ будетъ радъ!» думалось имъ и онѣ бѣжали такъ быстро, какъ только позволяли ноги. Пришлось имъ по дорогѣ переходить черезъ ручей. Собака плыла, а кошка сидѣла у нее на спинѣ. Надо сказать, что собака съ самага начала почувствовала зависть, что кошкѣ, а не ей, удалось добыть кольцо.

Она воспользовалась случаемъ и теперь погрозила кошкѣ, что сброситъ ее въ воду, если та не уступитъ ей кольца. Кошка передала ей кольцо. Весьма некстати, какъ оказалось, такъ какъ собака нечаянно упустила его въ рѣку и рыба проглотила его.

— Ой, что мнѣ дѣлать, что мнѣ дѣлать! — съ отчаяніемъ воскликнула собака.

— Что сдѣлано не вернешь, — отвѣчала кошка

Собака плыла, а кошка сидѣла у нея на спинѣ.

— Надо постараться поправить дѣло, а то намъ остается только утопиться съ горя. Бѣги, попробуй достать ягненочка и носи его сюда.

— Мигомъ достану! И собака побѣжала. Скоро она вернулась съ мертвымъ ягненкомъ. Кошка подлѣзла подъ ягненка, а собакѣ велѣла отбѣжать въ сторону и лежать смирно. Пролетала мимо волшебная птица, надарь, гроза рыбъ; одинъ взоръ ея сокрушаетъ кости самой крупной рыбы. Увидѣла птица ягненка, спустилась къ нему и запустила въ

него когти. Яростно выскочила изъ подъ ягненка кошка и вцѣпилась въ птицу, угрожая убить ее, если та не найдетъ утраченнаго кольца. Птица тотчасъ же обѣщала и скоро кольцо снова оказалось въ зубахъ у кошки.

— Идемъ, кольцо у меня, — сказала кошка.

— Не пойду, пока кольца не отдашь, — проговорила собака. — Я не хуже тебя сумѣю его нести. Отдай, или берегись! — Собака грозно оскалила зубы. Пришлось кошкѣ отдать кольцо.

Неосторожная собака снова выронила его на бѣгу. На этотъ разъ его подхватилъ коршунъ.

— Видишь, видишь, онъ летитъ съ нимъ къ тому дереву! — воскликнула кошка.

— Ой, ой, ой, что я несчастная надѣлала, — застонала собака.

— Глупое ты созданье ! Я такъ и знала, что этимъ кончится. Нечего теперь выть, только птицу спугнешь!

Рѣшено было спрятаться и ждать, пока стемнѣетъ и птица заснетъ. Ночью кошка забралась на дерево, задушила птицу и достала кольцо.

— Ну, теперь бѣжимъ, — сказала она, — а то пока мы здѣсь судимъ да рядимъ хозяинъ нашъ бѣдный умретъ съ горя, Бѣжимъ!

Пристыженная собака покорно просила у кошки прощенія за свой недостойный поступокъ. Она не рѣшилась болѣе выпрашивать кольцо и оба друга благополучно добрались до хозяина и вручили ему талисманъ.

И снова явился на равнинѣ волшебный дворецъ и златокудрая обитательница его, и снова полное счастье водворилось во кругъ соединенныхъ супруговъ.

Шакаль и аллигаторъ

Однажды голодный маленькій шакаль бродилъ по берегу рѣки, высматривая крабовъ, рыбокъ или чего-нибудь такого, чтобы утолить голодь. Случилось такъ, что на днѣ этой-же рѣки жилъ огромный аллигаторъ. Онъ тоже былъ очень голодень въ тотъ день и, конечно, не отказался бы отъ удовольствія съѣсть маленькаго шакала.

Шакаль давно уже бѣгалъ взадъ и впередъ по берегу, забѣгалъ туда, сюда и все же ничего не могъ найти перекусить. Наконецъ, какъ разъ около того мѣста, гдѣ лежалъ, зарывшись въ тину, аллигаторъ, мелькнуло что-то. Вода была очень мелка и прозрачна въ этомъ мѣстѣ, но сильно заросла тростникомъ, изъ за котораго шакалу не было видно чудовища. У самага берега изъ подъ одного корня шмыгнулъ маленькій крабъ... Недолго думая, шакаль сунулъ въ воду лапку, чтобы накрыть его, и... замеръ отъ ужаса! Лапка попала прямо въ разинутую пасть стараго аллигатора. «О смерть моя! — подумалъ шакаль. — Что теперь дѣлать? Это чудовище стащитъ меня въ воду и пропасть я на вѣки!» Однако онъ не растерялся и черезъ секунду крикнулъ уже веселымъ голосомъ: «Ловко, ловко, почтенный аллигаторъ! Вкусный корешокъ вамъ попался? Вы, можетъ быть, мечтаете, что это моя лапка? Пріятнаго аппетита!» Аллигаторъ, которому тина совсѣмъ залѣпила глаза, да и тростникъ мѣшалъ видѣть шакала, тотчасъ-же разжалъ пасть. «Тѣфу какая досада!» — проворчалъ онъ. — Я вѣдь въ самомъ дѣлѣ считалъ, что у меня въ зубахъ лапка шакала. А

онъ тутъ, какъ тутъ стоитъ, да еще смѣется надо мною.

Шакаль отбѣжалъ подальше отъ берега и громко крикнулъ: «Мудрецъ, мудрецъ, аллигаторъ, что и говорить! Спасибо, что отпустилъ!» Аллигаторъ страшно разсердился, но шакаль былъ уже слишкомъ далеко, чтобы онъ могъ его поймать.

На слѣдующій день шакаль снова пришелъ къ рѣкѣ за обѣдомъ. Однако онъ все-таки сильно побаивался аллигатора и рѣшилъ дѣйствовать осторожно.

«Странное дело» — началъ онъ самъ началъ онъ самъ с собою, достаточно громко, чтобы его могли слышать, — «обыкновенно, придешь къ рѣкѣ и видишь, какъ эти маленькіе крабики высовываются изъ подъ тины... поймашь ихъ, и ѣшь. Сегодня ни одного не видно!»

«А-га, милый другъ аллигаторъ, вотъ ты гдѣ?»

Аллигаторъ, зарытый въ тину у самага берега, не проронилъ ни одного слова. Онъ лукаво усмѣхнулся про себя и подумалъ: «Высуну-ка я кончикъ носа изъ тины; шакаль приметъ меня за краба, сунетъ свою лапу, а ужъ на этотъ разъ я его не выпущу!» Сказано сдѣлано.

Но лишь только шакаль замѣтилъ кончикъ носа аллигатора онъ тотчасъ же отскочилъ отъ берега. «Ага, милый другъ аллигаторъ, вотъ ты гдѣ! Полагаю, ловля здѣсь будетъ плохая лучше попытатъ счастья въ другомъ мѣстѣ». И съ этими словами онъ отправился выискивать себѣ обѣдъ совсѣмъ въ другой сторонѣ. Аллигаторъ страшно негодовалъ, что снова упустилъ добычу, и далъ себѣ слово дѣйствовать осмотрительнѣе.

На слѣдующій день издали подкарауливъ приближеніе своего мучителя, аллигаторъ искусно спрятался въ колу у самага берега, чтобъ тотчасъ же схватить шакала, когда тотъ подойдетъ. Но шакаль былъ такъ напуганъ аллигаторомъ, что уже не рѣшался сразу подходить близко къ водѣ. «Кто знаетъ, онъ можетъ быть притаился гдѣ-нибудь и схватить меня!» Однако голодъ взялъ свое. Онъ сталъ осторожно подкрадываться къ берегу. "Куда же всѣ мои крабики дѣвались! — прокричалъ онъ. — Ни одною не видно, а я такъ страшно голоденъ! Обыкновенно они и подъ водою сидятъ, такъ все булькаютъ булькаютъ... Такъ и видать какъ пузырьки вверхъ плывутъ, ПЛЫВУТЪ и лопаются... по-опъ по-опъ».

Слыша это аллигаторъ подумалъ. «Я притворюсь крабомъ». И онъ началъ сильно дуть полъ водою: Пуфъ, пуфъ. пуфъ, буль, буль, буль... Крупные пузыри забѣгали по поверхности, вода заколыхалась и завертѣлась вокругъ: шакаль тотчасъ же догадался, кто сидитъ на днѣ и со всѣхъ ногъ пустился бѣжать отъ рѣки. «Спасибо тебѣ, милостивый аллигаторъ, спасибо!» — успѣлъ онъ насмѣшливо крикнуть своему врагу. — Прости меня! право, ни за что бы не пришелъ, если-бъ подозрѣвалъ что ты тутъ!»

Аллигатору было невыразимо досадно, что коварному маленькому шакалу снова удалось провести его. «Погоди-ка» — свирѣпо проворчалъ онъ — «не уйдешь отъ меня въ другой разъ, сумѣю и я тебя перехитрить!»

Съ тѣхъ поръ онъ принялся зорко караулить шакала, но тщетно поджидалъ его въ течете нѣсколькихъ дней. Шакаль рѣшилъ, что теперь опасно стало ходить къ рѣкѣ, «кончится тѣмъ, что аллигаторъ какъ-нибудь изловчится, поймаетъ и съѣстъ меня», — думалъ онъ. — «Пойду лучше дикіе смоквы собирать въ джонгляхъ!» И онъ пересталъ ходить къ рѣкѣ и питался нѣкоторое время дикими смоквами и разными кореньями, которые выгребалъ лапами изъ земли.

Узнавъ про это аллигаторъ и рѣшилъ попытаться изловить шакала на сушѣ. Онъ выискалъ самое крупное въ окрестностяхъ фиговое дерево, подъ которымъ вся земля была усѣяна упавшими плодами, сгребъ ихъ въ большую кучу, притаился за нею и сталъ поджидать своего маленькаго врага. Шакаль не заставилъ себя долго ждать, но, не добѣжавъ до дерева, вдругъ остановился. Куча плодовъ возбудила въ немъ подозрѣніе. «Ой, ой, ой,» — подумалъ онъ, — «что-бы это могло быть? Ужъ не продѣлка-ли это друга моего, аллигатора?» И чтобъ разрѣшить этотъ вопросъ, онъ громко воскликнулъ: «Фу, фу, фу, какая куча негодныхъ плодовъ! Сочныя смоквы, какъ упадутъ съ дерева, такъ и покатаются въ разныя стороны по вѣтру, а эти лежатъ себѣ смирно! Вѣрно сухія какія нибудь, не стоитъ ихъ и трогать!» «Ого-го» — подумалъ аллигаторъ — «только-то? Подозрительный же этотъ шакаль! Надо подтолкнуть немного смоквы, онѣ покатаются и тогда онъ навѣрное придетъ ихъ ѣсть!»

Нѣ долго думая, огромный звѣрь встряхнулся. Дрогнула куча, покатались смоквы во всѣ стороны туда, сюда, такъ далеко, какъ никогда раньше ни катились...

Отскочилъ шакаль на сколько могъ дальше. «Очень благодаренъ тебѣ, аллигаторъ, что ты такъ предупредительно даешь знать о себѣ, — крикнулъ онъ.—Право, мнѣ бы и въ голову не пришло! Ты такъ искусно запрятался подъ кучею!»

Аллигаторъ, не помня себя отъ гнѣва, пустился за шакаломъ, но плутишка былъ уже далеко и онъ не могъ нагнать его.

Успокоившись, аллигаторъ сказалъ себѣ: «Я не потерплю, чтобъ этотъ нахаль продолжалъ безнаказанно смѣяться надо мною. Докажу ему, что я хитрѣе, чѣмъ онъ полагаетъ!» И такъ, раннимъ рано на слѣдующее утро аллигаторъ потащился насколько могъ скоро къ норѣ шакала. Онъ скоро нашель ее подъ холмомъ, осмотрѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, она оказалась пустая. Тогда онъ заползъ въ нее и притаился, выжидая, когда шакаль вернется домой. Черезъ нѣкоторое время, шакаль дѣйствительно направился къ дому, но, не доходя до него, остановился въ недоумѣніи «Что это такое! — сказалъ онъ про себя», — земля утоптана словно что-то тяжелое прошло по ней, вонь и комья валяются по обѣ стороны норы. Ужъ не пролѣзъ ли туда какой-нибудь звѣрь? Нѣтъ, не войду прежде, чѣмъ не разужу хорошенько въ чемъ дѣло!» И онъ закричалъ: «Домикъ мой домикъ, славный мой домикъ? Что не слышу твоего привѣта? Ты всегда отвѣчалъ на мой зовъ, если все у насъ благополучно? Или, можетъ, приключилось что-нибудь!»

«Коли такъ, лучше отозваться, — подумалъ аллигаторъ. — Пусть вообразить, что все въ порядкѣ!» И, смягчивъ свой грубый голосъ, онъ отозвался изъ глубины: «Привѣтъ тебѣ, дорогой хозяинъ!»

Вздрогнувъ отъ ужаса маленькій шакаль, узнавъ голосъ стараго аллигатора. «Опять это чудовище здѣсь! Надо попытаться извести его. Не смогу это сдѣлать — кончится тѣмъ, что какъ-нибудь попадусь ему въ зубы, — сказалъ онъ себѣ. И онъ поспѣшилъ отвѣтить какъ ни въ чемъ не бывало: «Спасибо, домикъ мой дорогой! Пріятно слышать твой милый голосокъ. Сейчасъ иду, надо только дровецъ запасти обѣдъ готовить». Съ этими словами онъ принялся поспѣшно стаскивать къ норѣ всѣ сухія вѣтви и хворостинки, какія только могъ собрать. А аллигаторъ тѣмъ временемъ сидѣлъ притаившись и внутренне посмѣивался надъ своею выдумкою. "Надулъ таки этого маленькаго урода, — думалъ онъ. — Вотъ онъ сейчасъ вбѣжитъ сюда и уже на этотъ разъ я не промахнусь!»

Шакаль тѣмъ временемъ набралъ достаточно количество хвороста, обложилъ имъ входъ въ нору и насколько смогъ затолкалъ внутрь, а затѣмъ поджегъ его. Сухіе сучья затрещали и запылали яркимъ пламенемъ, дымъ наполнилъ нору, огненные языки потянулись къ аллигатору. Тщетно пытался онъ спастись, пламя скоро задушило его, а маленькій шакаль радостно бѣгалъ вокругъ костра, подпрыгивая и подпѣвая:

Что? хорошъ ли домикъ мой, другъ мой аллигаторъ?

Вамъ удобно-ль тамъ сидѣть? Тепло-ль, и уютно-ль?

Динь-данъ, динь-данъ... врагъ мой погибаетъ...

Динь-данъ, динь-данъ...

Больше нечего бояться: сталъ онъ грудой пепла!

Веселись нашъ славный родъ и звони побѣду!

Динь-данъ, динь-данъ, динь, динь-данъ.

Царевичъ-рыба

Принесли однажды на царскую кухню нѣсколько рыбъ. Пока слуги возились, приготавливая остальной обѣдъ раджи, всѣ рыбы заснули; лишь одна маленькая рыбка осталась въ живыхъ. Одна изъ прислужницъ замѣтила это, взяла рыбку и пустила ее въ сосудъ съ водою. Скоро послѣ того пришла на кухню молодая рани (царица), увидѣла рыбку и такъ понравилась она ей, что она приказала оставить ее себѣ, въ видѣ забавы. У царицы не было дѣтей и скоро она всѣми силами своей души привязалась къ рыбкѣ и любила, и холила ее, какъ ребенка. Вѣсть о затѣѣ царицы облетѣла весь городъ и народъ сталъ звать счастливую рыбку Маччи-раджа, что значитъ рыба-царевичъ. Скоро Маччи-раджа выросъ настолько, что уже не помѣщался въ небольшомъ сосудѣ; его перевели въ болѣе просторный; онъ выросъ и изъ него — его перевели въ большой чанъ. Наконецъ, стало ему тѣсно и въ чану: царица приказала тогда вырыть глубокой прудъ, обнесенный каменною стѣною, и поселила тамъ своего любимца, а два раза на дню сама ходила къ нему кормить его варенымъ рисомъ.

Надо сказать, что хотя всѣ въ государстве считали, что Маччи-раджа самая обыкновенная рыба, на дѣлѣ было не совсѣмъ такъ. Маччи-раджа былъ напротивъ по природѣ самый настоящій царевичъ, какимъ-то проступкомъ прогнѣвившій боговъ и въ наказаніе обращенный ими въ рыбу.

Однажды, когда царица принесла ему обѣдъ и, по обыкновенно, сидѣла съ нимъ у пруда, Маччи-раджа сказалъ ей: «Матушка-царица, мнѣ скучно жить все одному. Не найдешь ли ты мнѣ невѣсту?» Царица обѣщала постараться исполнить его просьбу и тотчасъ же разослала гонцовъ по всему государству, искать невѣсту для своего названнаго сына. Тщетно ждала она; отовсюду получался тотъ же отвѣтъ: «Да не гнѣвается царица, никто не рѣшается отдать дочери на сѣденіе чудовищной рыбѣ, хотя она и Маччи-раджа и такъ дорога царицѣ».

Рани не знала, что предпринять. Маччи-раджа такъ страшно скучалъ, а она готова была отдать все, лишь бы достать ему жену. Снова разослала она гонцовъ, предлагая сотни тысячъ тому, кто рѣшится разстаться съ дочерью ради ея любимца. Долго безуспѣшно странствовали гонцы; даже нищіе не льстились на деньги: никто не вѣрилъ, чтобы дѣвушка могла уцѣлѣть; всѣ были убѣждены, что шлютъ дочь на вѣрную смерть. Наконецъ, дошли гонцы до одной деревни, гдѣ жилъ человекъ, недавно овдовѣвшій и женившійся на другой. Отъ первой жены осталась у него одна дочь и у второй тоже была своя. Мачеха ненавидѣла падчерицу, всячески мучила ее, заваливала непосильною работою, кормила скудно и вообще старалась всѣми средствами избавиться отъ нея, чтобъ дѣвушка не могла быть соперницею ея родной дочери. Только прослышала она про царскихъ гонцовъ, какъ послала за ними. Отца на ея счастье не было дома и она торопилась закончить торгъ до его возвращенія. «Давайте деньги и берите мою дочь въ невѣсты Маччи-раджѣ», сказала она. «Пусть ѣсть ее рыба» — подумала она про себя — «хоть намъ больше мѣшать не будетъ!» Позвала она падчерицу, объявила ей, что отсылаетъ ее ко двору съ царскими гонцами и велѣла идти на рѣку вымыть одежду свою. Отца не было дома, некому было заступиться за бѣдняжку. Она покорно пошла къ рѣкѣ и принялась усердно мыть одежду, проливая горькія слезы надъ своею несчастною долею. Слезы одна за другою лились изъ глазъ ея и капали въ нору престарѣлой кобры, жившей у самага берега. Кобра захотѣла узнать, откуда

попадаютъ къ ней эти капли, высунула голову изъ норы и увидала дѣвушку. «О чемъ плачешь ты такъ горько, дитя?» ласково спросило мудрое животное. "О, господинъ мой, какъ мнѣ не плакать! Я такъ несчастна: отца нѣтъ дома, а мачеха продала меня царскимъ гонцамъ въ жены Маччи-раджѣ, рыбѣ чудовищу, и онъ меня съѣстъ!» Кобра привѣтливо посмотрѣла на дѣвушку. «Не бойся ничего, дитя, ничего дурного съ тобою не случится. Знай, что Маччи-раджа, къ которому тебя везутъ, не рыба, а заколдованный царевичъ. Возьми вотъ эти три камешка, — съ этими словами кобра подала ей три круглыхъ булыжника — «завяжи ихъ въ уголокъ своего плаща. Когда тебя отведутъ въ помѣщеніе, приготовленное для тебя царицею, смотри не спи, а то рыба подплыветъ и проглотитъ тебя. Будь все время насторожѣ: какъ только слышишь плескъ воды, бери камень въ руку и, какъ только рыба покажется, бросай въ нее: она тотчасъ же нырнетъ ко дну. Еще два раза выплыветъ рыба и еще разъ нырнетъ, а на третій — чары рушатся и царевичъ приметъ свой прежній видъ». Дѣвушка взяла камешки и рѣшила попытать счастья, хотя ей съ трудомъ вѣрилось, чтобъ это дѣйствительно могло помочь дѣлу.

Когда ее привели во дворецъ, царица милостиво приняла ее и была поражена ея нѣжною красотою. Она приказала одѣть ее въ богатые одежды и осторожно спустить въ корзину за ограду пруда, гдѣ былъ приготовленъ для нея особый покой. Помѣщеніе было роскошно убрано и бѣдная дѣвушка, войдя туда, на минуту забыла свой страхъ и залюбовалась невиданнымъ великолѣпіемъ. Она была бы вполне счастлива, что такъ далеко отъ мачехи и избавлена отъ тяжелой работы, не будь передъ нею этой черной бездонной пропасти и страха, что вотъ-вотъ сейчасъ выплыветъ Маччи-раджа.

Прошло нѣсколько тяжелыхъ часовъ ожиданія; вдругъ раздался плескъ воды и мелкія волны забѣгали у порога, все больше и больше, и шумъ все слышнѣе... Дѣвушка замерла отъ страха. Огромная рыбья голова показалась надъ водою: то шель къ ней Маччи-раджа съ разинутою пастью! Бѣдняжка схватила камешекъ и быстро бросила его въ чудовище: Маччи-раджа мгновенно исчезъ въ глубинѣ. Второй разъ вынырнулъ онъ и поплылъ къ ней: она снова швырнула въ него камень и онъ снова скрылся. Но вотъ третій разъ показался онъ надъ водою. Глаза его яростно сверкали въ темнотѣ, широко раскрытая пасть грозила на этотъ разъ такъ близко, близко... Дѣвушка дико вскрикнула и что есть силы метнула въ нее камнемъ... «Не бойся, красавица», раздался надъ нею привѣтливый голосъ: передъ нею стоялъ красивый юноша. Дѣвушка разрыдалась отъ неожиданности. «Не бойся, — продолжалъ царевичъ. — Я тотъ, кого ты избавила отъ грознаго заклятія, и никогда не буду я въ силахъ отплатить тебѣ за это. Но согласись быть моею женою и я буду вполне счастливъ».

Затѣмъ онъ спокойно отошелъ и сѣлъ на порогъ, раздумывая о своей странной судьбѣ.

Чуть забрежжило утро, толпа любопытныхъ собралась къ пруду поглядѣть, не сѣлъ ли Маччи-раджа свою молоденькую жену. Каково же было всеобщее удивленіе, когда, заглянувъ за ограду пруда, увидѣли не безобразную голову Маччи-раджи, но прекраснаго принца! Скоро новость долетѣла до дворца. Пришелъ царь, пришла царица, пришли всѣ приближенные, всѣ дивились чуду и не знали, какъ выразить свою радость. Спустили корзину, подняли въ ней молодого раджу съ женою; и возликовали, слыша ихъ необыкновенную повѣсть. Царица говорила: «Вотъ сердце не обмануло меня: я въ самомъ дѣлѣ нашла себѣ сына». Народъ тоже былъ въ восторгѣ отъ юной четы и разстилалъ ковры на пути ихъ отъ пруда до самаго дворца, и всѣ кричали: «Бѣгите, привѣтствуйте молодого

...Огромная рыба голова показалась надъ водою...

принца и принцессу! О, какъ божественно прекрасны они! взгляните, взгляните, какое благородство! То смертные, подобные богамъ!»

На слѣдующій день праздновали свадьбу царевича и празднествамъ не было конца.

Молодые нѣкоторое время прожили спокойно. Но вотъ прослышала мачеха о счастья ненавистой ей падчерицы и пошла навѣстить ее. Она скрыла, насколько возможно, свои настоящія чувства и представилась въ восторгѣ отъ такой неожиданной перемены судьбы; юная же царевна была такъ добра и незлоблива, что совсѣмъ забыла жестокое обращеніе мачехи и стала радушно принимать ее. Однажды царевна сказала

супругу: «Я такъ давно не видѣла отца. Дозволь мнѣ, возлюбленный, идти навѣстить его, заглянуть въ свое родное селеніе».

«Иди, пожалуй — отвѣчалъ онъ. — Но не оставайся долго въ отсутствіи, о свѣтъ очей моихъ! для меня нѣтъ счастья безъ тебя».

Она пошла, обѣщая скоро вернуться. Отецъ былъ въ восторгѣ видѣть ее, мачеха же, напротивъ, хотя и притворилась ласковою, но радовалась лишь тому, что царевна оказалась въ ея власти, и рѣшила во что бы то ни стало погубить ее. Она призвала къ себѣ свою собственную дочь и сказала: «Неправда ли обидно, что сестра твоя будетъ царицею всей страны, а мы на вѣкъ обречены подчиняться ей? А вѣдь ты не хуже ея могла бы быть царицею! Послѣдуй моему совѣту и ты будешь на ея мѣстѣ».

Она научила ее, какъ завлечь царевну къ рѣкѣ, а тамъ утопить ее. Мысль самой сдѣлаться царицею плѣнила дѣвушку и она согласилась. Вскорѣ послѣ того пошли обѣ сестры гулять и очутились незамѣтно у самой рѣки. «Сестрица! — ласково заговорила коварная дѣвушка. — Ты такъ прекрасна въ своемъ богатомъ уборѣ! Хотѣла бы я хоть на минутку приложить къ сѣбѣ твои драгоцѣнныя украшенія: пойдутъ ли они ко мнѣ?»

— Конечно, пойдутъ! Давай надѣнемъ ихъ, а потомъ ты посмотришь въ водѣ, красиво ли!

Царевна быстро отстегнула свое роскошное ожерелье и накинула его на шею сестры; но въ ту же минуту та грубо толкнула ее и царевна навзничь упала въ воду. Дѣвушка подождала съ минуту, не выплыветъ ли гдѣ ея тѣло, а затѣмъ побѣжала назадъ къ матери. «Матушка, вотъ ея ожерелье! Она насъ больше не потревожить».

Когда царевна упала въ воду, она тотчасъ же лишилась чувствъ и пошла ко дну. Проплывала мимо старый другъ ея, кобра, подхватила безчувственную царевну и быстро понесла къ своей норѣ. У этой норы было два выхода: одинъ шелъ прямо въ воду, съ берега, а другой надъ водою и выходилъ въ открытое поле. Вотъ туда и вынесла кобра царевну, привела ее въ чувство и оставила жить у себя.

Тѣмъ временемъ злая мачеха нарядила свою дочь въ богатую одежду царевны и повела ее во дворецъ:

«Вотъ жена твоя, о царевичъ, здрава и невредима, прими ее обратно». Посмотрѣлъ царевичъ на жену и подумалъ, что жену его какъ будто подмѣнили. Но такъ какъ было уже довольно темно, а дѣвушка была одного роста съ его женою и искусно переряжена, онъ рѣшилъ, что ошибся. Однако на слѣдующій день его снова взяло сомнѣніе: «Или жена моя сильно измѣнилась, или это не она» думалось ему. «Она была всегда такъ мила, ласкова и весела, такъ мило болтала... а эта рта не разжимаетъ!» Потомъ ему стало тяжело подозрѣвать нѣжно-любимую жену: «Можетъ быть она просто устала съ дороги», утѣшалъ онъ себя «и потому не въ духѣ». Наконецъ, на третій день не выдержалъ. Рѣзко сорвалъ онъ пышный уборъ, подъ которымъ наполовину скрывалось лицо царевны, и съ ужасомъ увидѣлъ передъ собою не прелестное личико своей молоденькой супруги, а совсѣмъ другую женщину. «Пооди вонъ отсюда, негодное созданье!» гнѣвно крикнулъ онъ. «Я щажу твою жизнь, такъ какъ ты лишь недостойное орудіе въ рукахъ другой». И онъ тотчасъ же приказалъ разыскать мачеху жены своей. «Пусть отдастъ мнѣ жену, или я велю повѣсить старую вѣдьму!» Но тщетно искали ее по всей странѣ: она бѣжала, какъ только услышала, что царевичъ выгналъ ея дочь.

Тѣмъ временемъ спасенная царевна продолжала жить у семиглавой кобры. Все семейство змѣи полюбило ее, какъ родную дочь, и не было вещи, въ которой бы ей отказали. Лишь на одно желаніе встрѣчала она постоянный отпоръ — это желаніе вернуться

къ супругу. А она такъ страстно этого желала, бѣдная маленькая рани! «Нѣтъ, не позволю тебѣ одной блуждать по свѣту, дитя!» — каждый разъ отвѣчала старая кобра на ея мольбы. — Пусть приходитъ за тобою супругъ, съ радостью отпущу тебя, а пока живи со мною».

И она принуждена была остаться.

Проходили дни, у царевны родился сынъ и назвала она его Маччи-Лалль по имени Маччи-раджи. Мальчикъ спокойно росъ и хорошѣлъ съ каждымъ днемъ. Это былъ прелестный ребенокъ, веселый и живой; онъ никогда не скучалъ и весь день проводилъ въ игрѣ съ маленькими кобрами. Было ему уже года три отъ роду, когда мимо проходилъ случайно продавецъ запястьевъ, весело позвякивая своимъ товаромъ. Царица купила у него нѣсколько штукъ и надѣла ихъ на ручки и на ножки маленькаго царевича. Но ребенокъ былъ такъ рѣзвъ, что къ слѣдующему же дню запястья были сломаны. Снова остановили торговца и купили новыя, и такъ пошло изо дня въ день. Царевичъ, играя, постоянно ломалъ нѣжныя украшенія, а мать покупала ему новыя и торговецъ скоро разбогатѣлъ отъ продажи запястьевъ, за которыя щедро платила царица. Кобра разрѣшила ей брать, сколько вздумается, изъ скопленныхъ ею сокровищъ, такъ какъ казна ея была неистощима.

Пока царевна въ печали, но спокойно, жила у кобры, несчастный Маччи-раджа блуждалъ по всей странѣ, не зная покоя ни днемъ, ни ночью, всюду разыскивая жену, но не находя никакихъ слѣдовъ ея. Отъ горя и заботы онъ почти потерялъ разсудокъ: весь день ходилъ онъ безостановочно съ мѣста на мѣсто и жалобно стоналъ: «Она пропала, она пропала!»

Разъ, когда онъ въ сотый разъ спрашивалъ о ней жителей ея родной деревни, попался ему на глаза старый торговецъ запястьями, котораго онъ раньше не встрѣчалъ. «Ты откуда?» — спросилъ царевичъ. «Я былъ недалеко отсюда, у рѣки; тамъ продавалъ запястья одной молодой женщинѣ въ змѣиной норѣ». «Въ змѣиной норѣ? Молодой женщинѣ?» — воскликнулъ пораженный раджа. «Да, да. Тамъ есть женщина и ребенокъ. Такой чудный ребенокъ! Я не видывалъ такого красавца! Ему около трехъ лѣтъ и онъ такъ рѣзвъ, что постоянно ломаетъ запястья, а мать ему каждый день новыя покупаетъ».

«Не знаешь ли, какъ зовутъ ребенка?» — нетерпѣливо перебилъ Маччи-раджа. «Кажется, Маччи-Лалль, насколько мнѣ помнится, — небрежно отвѣчалъ торговецъ, — мать его такъ при мнѣ назвала...» — «Неужели? — подумалъ раджа — неужели это моя жена? «Вотъ что другъ мой, — сказалъ онъ торговцу, — мнѣ хотѣлось бы видѣть этихъ странныхъ людей: можешь меня туда провести?»

— Отчего же нѣтъ? только не сегодня. Теперь ужъ темно и мы ихъ напугаемъ; завтра же я снова туда пойду и проведу тебя. А пока пойдемъ-ка ко мнѣ; переночуй у меня, ты, повидимому, совсѣмъ изнемогъ отъ дальняго пути». Маччи-раджа пошелъ съ нимъ. На слѣдующее утро, чуть начинало разсвѣтать, онъ разбудилъ торговца. «Идемъ смотрѣть тѣхъ людей!» — «Что ты? подожди, куда такъ рано? Надо сперва закусить, тогда ужъ и пойдемъ». Пришлось раджѣ подождать, пока торговецъ, не торопясь, собрался въ путь.

Еще не доходя до норы, раджа увидѣлъ вдали прелестнаго мальчика, беззаботно играющаго съ молодыми кобрами.

Когда торговецъ подошелъ поближе, позвякивая запястьями, нѣжный голосокъ раздался изъ внутренности норы: «Иди сюда, красавчикъ мой, бѣги примѣривъ запястья!» И раджа, слыша этотъ голосъ, задрожалъ отъ радости и припалъ лицомъ къ отверстию норы. «О, ты, чей чудный голосъ звучитъ въ ухахъ моихъ, покажи волшебный ликъ твой». — «Супругъ мой, супругъ! — вскрикнула царевна и стремглавъ бросилась къ нему: — О, наконецъ-то, нашелъ ты меня!» И она принялась рассказывать ему, какъ все случилось,

какъ злая сестра хотѣла ее утопить, какъ спасла ее семиглавая кобра, какъ все время заботилась о ней и ея ребенкѣ, какъ ни за что не хотѣла отпустить ее отъ себя, пока самъ раджа не придетъ за женою. «А теперь пойдѣмъ, покажись мудрому змѣю. Онъ замѣнилъ мнѣ отца». — «О отецъ мой, кобра, могу я теперь идти къ супругу? онъ самъ пришелъ за мною». «Иди, дитя мое, я не стану задерживать тебя, разъ супругъ самъ сумѣлъ тебя найти». — А жена кобры сказала: «Голубка наша, тяжело намъ разставаться съ тобою: ты все время была намъ словно родная дочь». И всѣ маленькія кобры горевали и плакали о любимомъ товарищѣ своихъ игръ, веселомъ маленькомъ Маччи-Лалль.

Кобра вынесла въ подарокъ своей нареченной дочери самую лучшія драгоцѣнности своей сокровищницы. И молодая чета вернулась домой, гдѣ жила долгіе годы въ мирѣ и полномъ счастье, какъ только могутъ быть счастливы смертные.

Харисарманъ

Жиль былъ въ одномъ селеніи бѣдный браминъ по имени Харисарманъ. Былъ онъ очень бѣденъ и очень глупъ и потому не могъ приискать себѣ никакого занятія и постоянно голодалъ со своею многочисленною семьею. Наконецъ ему посчастливилось поступить на службу къ одному богатому домовладѣльцу, по имени Стуладатта. Туда же пристроилась и его жена, въ качествѣ прислужницы.

Однажды Стуладатта давалъ богатый пиръ по случаю свадьбы одной изъ своихъ дочерей. Харисарманъ, сидя на порогѣ своей хижины недалеко отъ дома, видѣлъ, какъ стекаются къ хозяину многочисленные родственники и друзья жениха. «Наконецъ-то» думалъ онъ «угощусь я на славу, да и семьѣ моей вѣрно кое-что перепадетъ въ домѣ хозяина!» Но увы! время шло, а никто не вспоминалъ о бѣдномъ, голодномъ браминѣ.

Онъ былъ въ отчаяніи и вечеромъ, когда жена зашла къ нему, сказалъ ей. «Я знаю, что ума у меня большого нѣтъ, да притомъ же я бѣденъ: вотъ мною всѣ и пренебрегаютъ. Прикинусь свѣдущимъ въ колдовствѣ: можетъ начать меня уважать. Право, жена, если представится случай, шепни слово хозяину, что я знатокъ по этой части».

Всю ночь раздумывалъ онъ о своей затѣѣ, а къ утру, пока всѣ спали, пробрался на конюшню, вывелъ коня, на которомъ пріѣхалъ женихъ, и припряталъ въ безопасномъ мѣстѣ, недалеко отъ дома. Утромъ друзья жениха тотчасъ же замѣтили пропажу. Стуладатта былъ въ отчаяніи: пропажа коня могла считаться дурнымъ предзнаменованіемъ. Однако, не смотря на всѣ старанія, коня нигдѣ не могли найти. Тутъ подошла къ хозяину жена Харисармана: «Отчего не пошлешь ты за моимъ мужемъ, господинъ? Онъ человекъ великой мудрости, испытанной въ астрономіи и магіи. Онъ найдетъ тебѣ коня. Пошли за нимъ».

Стуладатта тотчасъ же послалъ за браминомъ. Харисарманъ явился. «Что тебя нужно отъ меня, господинъ?» сказалъ онъ съ неудовольствіемъ. — «Вчера у тебя былъ пиръ и ты забылъ про меня, а сегодня у тебя бѣда въ домѣ, такъ ты вспомнилъ обо мнѣ». — «Прости меня, честный отецъ», смиренно отвѣчалъ Стуладатта, «и не откажи помочь мнѣ». Тутъ онъ рассказалъ ему о пропажѣ и просилъ указать, кто взялъ коня. Харисарманъ усѣлся среди пола, долго шепталъ и выводилъ разныя діаграммы, наконецъ — промолвилъ: «Конь стоитъ на пограничной линіи къ югу отсюда. Кто его увелъ, того тамъ теперь нѣтъ. Идите скорѣе и берите коня». Люди побѣжали и привели коня и всѣ восхваляли мудрость Харисармана. Съ тѣхъ поръ всѣ стали бояться и уважать брамина и онъ зажилъ спокойно и весело въ домѣ Стуладатты.

Слава о его мудрости скоро облетѣла весь край и дошла до самаго раджи. Какъ разъ въ это время пропало во

Люди побѣжали и привели коня.

дворцѣ большое количество золота и драгоценныхъ камней, а такъ какъ вора никакъ не могли найти, раджа повелѣлъ послать за умнымъ браминомъ. Бѣдный Харисарманъ! Онъ проклиналъ тотъ день, когда вздумалось ему похвастать своими необычайными знаніями, но дѣлать было нечего. Ему оставалось лишь одно — выгадать время. «Завтра открою я тебѣ тайну, великій государь!» — сказалъ онъ. Раджа согласился, но приказалъ отвести ему комнату рядомъ съ своею опочивальнею и приставить стражу къ его дверямъ. Харисарманъ совсѣмъ приунылъ и съ трепетомъ сталъ ждать слѣдующаго утра.

Жила въ томъ дворцѣ женщина, по имени Джива (что значитъ языкъ). Ей тоже не спалось въ эту ночь, такъ какъ именно она выкрала драгоценности изъ дворца и теперь боялась, что мудрый браминъ откроетъ ея преступленіе. Она осторожно подкралась ночью къ двери Харисармана — стража въ то время спала — и приложила ухо къ щелкѣ, чтобъ подслушать, что онъ тамъ дѣлаетъ. Харисарманъ тоже не спалъ; онъ сидѣлъ на полу, жалобно стоналъ и бранилъ свое безразсудство: «О, языкъ мой, языкъ!» слышалось Дживѣ. Вотъ горькіе плоды невоздержанности! Трепещи, жалкое созданье, скоро, скоро постигнетъ тебя достойное наказаніе!» Такъ причиталъ браминъ, взывая къ собственному языку, но Джива ясно слышала свое имя и рѣшила, что мудрецъ знаетъ все. Она пробралась къ нему и упала передъ нимъ на колѣни: «О браминъ! пощади несчастную Дживу. Я все тебѣ отдамъ! Сокровища тамъ въ саду за дворцомъ... подъ гранатовымъ деревомъ... у меня лишь немного золота при себѣ... Возьми все, спаси Дживу!» Не мечталъ Харисарманъ, что спасеніе такъ близко! Онъ гордо выпрямился и простеръ надъ нею руку. «Отойди, ничтожное созданіе. Къ чему твои признанія! Мнѣ открыто все, и настоящее, и прошедшее, и будущее... Но ты прибѣгла къ моему покровительству и я спасу тебя. Неси мнѣ все, что осталось при тебѣ!» Джива поклонилась ему до земли и исчезла, а Харисарманъ весело разсуждалъ про себя: «Судьба — великое дѣло! Но кто бы могъ подумать что свершится невозможное! Я браню свой языкъ, а языкъ-воръ бросается къ моимъ ногамъ!»

Успокоенный, онъ крѣпко заснулъ, а на слѣдующее утро торжественно повелѣлъ раджу въ садъ и указалъ ему сокровища, скрытая подъ гранатовымъ деревомъ. «Воръ исчезъ и унесъ остальное», заявилъ онъ. «Онъ теперь внѣ твоихъ владѣній, забудь о немъ». Раджа

быль въ восторгѣ отъ мудрости брамина и назначилъ ему въ награду доходъ со многихъ деревень.

Небывалое счастье Харисармана возбудило много завистниковъ. Особенно негодоваль великій визирь. «Тебя обошли, великій государь!» — шепнулъ онъ раджѣ. «Какъ можетъ человѣкъ знать то, чего не дано знать человѣку безъ долготной науки. Этотъ браминъ просто безчестный человѣкъ и промышляетъ темными дѣлами. Кто знаетъ, не въ соглашеніи ли онъ съ ворами? Надо было бы испытать его мудрость какой нибудь хитростью». Раджа призадумался и рѣшилъ послѣдовать совѣту. На слѣдующій день онъ взялъ закрытый кубокъ, велѣлъ посадить въ него лягушку и потребовалъ къ себѣ Харисармана. «Браминъ, отгадай что въ этомъ кубкѣ! Отгадаешь, окажу тебѣ великія почести, не отгадаешь — поступятъ съ тобою какъ съ лжецомъ и обманщикомъ!» Задрожалъ Харисарманъ и рѣшилъ, что смертный часъ его насталъ. Вспомнилъ онъ всю свою несчастную жизнь, свое дѣтство, отца... Вспомнилъ, какъ отецъ въ веселыя минуты называлъ его «лягушенкомъ»... и съ воплемъ воскликнулъ «О, лягушенокъ, лягушенокъ! не зналъ ты, не вѣдалъ, что столь чудный кубокъ будетъ могилою твоего жалкаго существованія». «Слышите, слышите! Онъ сказалъ лягушенокъ!» закричали всѣ окружающіе и всѣ принялись громко восхвалять его и съ благовѣніемъ шептали; «Ничто не скрыто отъ мудраго брамина: онъ знаетъ даже о лягушкѣ». Раджа былъ пораженъ. Онъ выразилъ Харисарману свое благоволеніе, щедро наградилъ его золотомъ и всякими драгоценностями, даровалъ ему даже зонтикъ и почетную колесницу. Такъ въ мирѣ и спокойствіи прожилъ мудрый браминъ остальные дни своей жизни.

Странная исторія

Жили были въ одномъ государствѣ царь съ царицею и скучали они очень о томъ, что не было у нихъ дѣтей. Жила тутъ же во дворцѣ собачка и тоже печалилась о томъ, что не было у нея щенятъ. И вотъ въ одинъ прекрасный день случилось, наконецъ, во дворцѣ желанное прибавленіе семейства, но — о странная прихоть судьбы! — у царицы въ золоченой люлькѣ оказалось два хорошенькихъ щеночка, а у собачки въ конурѣ — двѣ прелестныхъ дѣвочки. Легко представить себѣ ужасъ и огорченіе царской четы. Нѣсколько разъ пробовала царица присвоить себѣ прелестныхъ крошекъ, но собака всегда ухитрялась

„У собачки оказались двѣ прелестныя дѣвочки“

унести обратно тѣхъ, кого считала своею собственностью. Эта постоянная борьба за дѣвочекъ совсѣмъ измучила бѣдную собаку. «Кончится тѣмъ, что все таки отымутъ у меня крошекъ, да еще убьютъ меня вдобавокъ», думала собака. «Унесу ихъ подальше въ джонгли,

а то ихъ измучаютъ вѣчнымъ перетаскиваніемъ». Она дождалась ночи, схватила малютокъ въ зубы и утащила ихъ далеко, далеко въ джонглю. Тамъ она устроила имъ уютный уголокъ въ пещерѣ у прозрачнаго родника. Каждый день бѣгала она въ городъ и приносила оттуда всякаго рода пищу. Не упускала она также случая стащить что-нибудь красивое изъ одежды или драгоценностей для своихъ дочурокъ. Такимъ образомъ дѣвочки ни въ чемъ не нуждались и беззаботно росли и хорошѣли съ каждымъ днемъ.

Случилось разъ, что, пока собака была въ отсутствіи, въ джонглѣ охотились два молодыхъ царевича. Охота не давалась имъ въ тотъ день; измученные зноемъ и жаждою, они остановились на возвышеніи подъ деревомъ и послали приближенныхъ поискать воды въ окрестностяхъ, но никто ничего не могъ найти. Въ это время къ дереву подбѣжала одна изъ охотничьихъ собакъ: она была забрызгана грязью. Одинъ изъ царевичей обратилъ на это вниманіе окружающихъ. «Пусть пойдетъ кто-нибудь за нею и она укажетъ, гдѣ нашла воду». Двое изъ людей пошли за собакою и она привела ихъ къ ручью у той пещеры, гдѣ находились дѣти. Дѣвочки такъ испугались незнакомцевъ, что при появленіи ихъ запрятались въ самый темный уголокъ пещеры. Тѣмъ не менѣ посланные царевичей успѣли разглядѣть ихъ. Вернувшись къ дереву, они доложили: «Мы дѣйствительно нашли чудный родникъ у подножія скалы и у родника пещеру, но, что всего удивительнѣе, въ пещерѣ сидятъ двѣ очаровательныя дѣвочки въ богатыхъ одеждахъ. Онѣ по-видимому испугались насъ и куда-то скрылись». Тогда оба царевича пожелали пройти къ тому мѣсту и, когда увидѣли прелестныхъ дѣтей, они были такъ очарованы ими, что стали уговаривать ихъ вѣхать съ ними въ ихъ царство и сдѣлаться ихъ женами. Долго пришлось царевичамъ

уговаривать испуганных бѣдняжекъ, но, наконецъ, онъ согласился и всѣ вмѣстѣ отправились домой, гдѣ принцы скоро женились на найденыхъ.

Тѣмъ временемъ собака вернулась къ пещерѣ и была въ страшномъ горѣ, не найдя своихъ пріемныхъ дѣтей. Бѣдное животное тотчасъ же бросилось ихъ розыскивать. Много лѣтъ пришлось ей странствовать, много бѣдъ претерпѣть, пока, наконецъ, на двѣнадцатомъ году странствованія она не забѣжала случайно въ тотъ городъ, где жили царевны. Случилось, что какъ разъ въ то время старшая изъ нихъ, царица, смотрѣла изъ окна. Она тотчасъ же узнала бѣжавшую мимо собаку, выбѣжала на улицу, схватила на руки усталое животное, внесла къ себѣ, устроила ей удобную постель на полу, обмыла, накормила ее и, вообще, очень ласково обошлась съ нею.

Собака отдохнула немного у нея, затѣмъ стала собираться въ путь. «Я счастлива, что нашла тебя, дитя мое, и счастлива тѣмъ, что ты такъ добра ко мнѣ, но нельзя мнѣ дольше остаться у тебя: надо мнѣ розыскать сестру твою, а потомъ я вернусь къ тебѣ». — «Отдохни, матушка, у меня до завтра», уговаривала царица. «Сестра живетъ по близости; завтра я пошлю за нею, она сама придетъ къ тебѣ». Но измученная долгою разлукою собака не захотѣла ждать: она побѣжала къ дому второй сестры. Вторая царевна тоже сидѣла у окна и видѣла, какъ къ дому подбѣжала какая то тощая собака. «Неужели наша пріемная мать?» подумала она. «Что скажетъ супругъ, когда узнаетъ, что эта ужасная уродина моя мать?» И она поспѣшно приказала прислугѣ отогнать собаку. Пустили въ нее камнемъ и камень попалъ собакѣ прямо въ голову; собака, опасно раненая, бросилась обратно въ домъ старшей дочери. Царица изъ окна видѣла, какъ ранили бѣдное животное. Она выбѣжала къ ней навстрѣчу, унесла въ домъ и принялась всячески ухаживать за нею, приговаривая: «Ахъ, матушка, зачѣмъ ушла ты изъ моего дома?» Но напрасны были всѣ старанія: къ вечеру бѣдной собаки не стало. Что было дѣлать царицѣ? Ей не хотѣлось оставлять трупъ безъ погребенія, а между тѣмъ каждую минуту могъ вернуться раджа и найти во дворцѣ дохлую собаку животное нечистое. Она взяла трупъ и отнесла его въ небольшую комнатку, куда раджа рѣдко заходилъ. Для большей безопасности, она прикрыла трупъ опрокинутою корзиною.

Надо же, чтобы какъ разъ въ тотъ день раджа направился къ женѣ черезъ эту комнату. Онъ замѣтилъ опрокинутую корзину и приподнял ее. Что за диво? Подъ корзиною оказалось чудное изваяніе собаки въ натуральную величину изъ литого золота, усыпанное брилліантами, изумрудами и другими драгоценными камнями. Раджа позвалъ жену и спросилъ: «Откуда у тебя такая собака?» Царица испугалась и не рѣшилась сказать правду, а вывернулась ложью: «Ахъ, это подарочекъ отъ моихъ родителей».

«Подарочекъ!» воскликнулъ удивленный раджа. «Ты называешь это подарочкомъ? Да знаешь ли, что цѣны его хватитъ купить полъ нашего государства? Богатые же люди, твои родители, что могутъ дѣлать такіе подарки! Какъ это ты никогда мнѣ о нихъ не говорила? Гдѣ они живутъ?»

Пришлось придумывать вторую ложь. Ахъ, зачѣмъ рѣшилась она на первую? «Родители мои далеко отсюда — въ джонглѣ».

— «Что-жь? Я непременно хочу навѣстить ихъ. Проводи меня къ нимъ».

Бѣдная царица! На этотъ разъ она искренно пожалѣла о свой выдумкѣ. «Что скажетъ теперь царь мой и повелитель, когда узнаетъ, что во всемъ этомъ нѣтъ ни слова правды? Онъ, вѣрно, велитъ отрубить мнѣ голову». — Подумавъ немного, она сказала царю: «Если позволишь, я поѣду сперва предупредить ихъ о нашемъ посѣщеніи; вели приготовить мнѣ

паланкинъ». На самомъ же дѣлѣ она рѣшила отправиться въ джонгли и тамъ лишитъ себя жизни, чтобы выйти изъ затрудненія.

Она отправилась. Проѣхавъ нѣкоторое пространство, она увидѣла большое гнѣздо бѣлыхъ муравьевъ, а надъ нимъ кобру съ широко разинутою пастью. «Пойду къ кобрѣ, суну ей палецъ въ пасть, пусть укуситъ меня и покончитъ мою печальную жизнь» — подумала царица. Она приказала носильщикамъ подождать ее, говоря, что вернется черезъ нѣсколько минутъ, а сама побѣжала къ муравейнику и сунула палецъ въ пасть кобры. Оказалось, что въ горлѣ кобры торчала большая заноза и очень ее беспокоила. Палецъ царицы сдвинулъ занозу и кобра почувствовала себя значительно лучше. Она привѣтливо обратилась къ царицѣ: «Дитя мое, чѣмъ мнѣ отблагодарить тебя за услугу?» Царица со слезами рассказала все безъ утайки и умоляла кобру укуситъ ее и дать ей возможность умереть. «О нѣтъ, дитя мое, я этого, конечно, не сдѣлаю», ласково отвѣчала кобра. «Ты дурно поступила, что солгала супругу, но ты такъ добра и такъ привѣтлива, что я постараюсь помочь тебѣ. Веди сюда супруга: я позабочусь доставить тебѣ такихъ родителей, чтобы тебѣ не было стыдно за нихъ». Царица весело вернулась домой и на слѣдующій день пригласила царя ѣхать навѣстить родителей.

Когда они подѣхали къ тому мѣсту, гдѣ царица видѣла кобру, глазамъ ихъ предстало чудное зрѣлище. Вмѣсто безплодной до толѣ пустыни, передъ ними возвышался чудный дворецъ, двадцати четырехъ миль длины и столько же ширины, съ душистыми садами, рощами и пышными фонтанами. Стѣны были сдѣланы изъ литого золота и драгоценныхъ камней; блескъ отъ нихъ сіялъ на сотни миль въ окружности. Сотни слугъ, въ богатомъ одѣяніи, неподвижно стояли въ ожиданіи приказаній вдоль длиннаго ряда высокихъ покоевъ. А въ самомъ отдаленномъ изъ нихъ на золотомъ тронѣ сидѣла величественная царская чета, которая признала себя отцемъ и матерью молодой царицы.

Раджа съ женою прожили около шести мѣсяцевъ въ чудесномъ дворцѣ и все это время было сплошнымъ рядомъ празднествъ и всякаго рода увеселеній. Наконецъ, они собрались въ обратный путь, нагруженные богатыми подарками. Передъ отъѣздомъ царица розыскала друга своего, кобру. «Ты устроила все это великолѣпіе, чтобы выручить меня изъ бѣды» — сказала она съ поклономъ, «но что теперь дѣлать? Супругу моему такъ понравилось здѣсь, что онъ собирается снова пріѣхать сюда погостить. Что будетъ, если онъ ничего не найдетъ? онъ страшно разсердится на меня». — «Не бойся, дитя мое, успокаивала ее кобра: когда отъѣдете отсюда миль на двадцать, обернись назадъ и увидишь, что будетъ». На этомъ онѣ разстались. Царица поѣхала въ обратный путь и не преминула обернуться, когда отъѣхала на назначенное ей разстояніе. Увы! Весь роскошный дворецъ стоялъ въ яркомъ пламени и огненные языки поднимались до небесъ. Раджа тотчасъ же поскакалъ назадъ, въ надеждѣ спасти хоть кого-нибудь и предложить имъ пріютъ въ своемъ дворцѣ: онъ засталъ лишь груды развалинъ и никого въ живыхъ.

Добрый раджа былъ сильно опечаленъ судьбою мнимыхъ родственниковъ жены.

Прослышавъ другой братъ про великолѣпные подарки, полученные царемъ отъ тестя, и сталъ упрекать жену, что она умолчала ему о своихъ родителяхъ и ни разу не предложила съѣздить къ нимъ въ гости. Молодая женщина молча выслушала его и побѣжала къ сестрѣ, узнать въ чемъ дѣло и о какихъ сокровищахъ говорить царевичъ. Царица сначала даже разговаривать съ нею не хотѣла. «Уйди отъ меня, злая ты, я и говорить съ тобою не хочу. Ты убила бѣдную собаку, нашу пріемную мать».

Однако кончилось тѣмъ, что она рассказала ей про кобру.

— «Я тоже пойду къ кобрѣ и получу отъ нея сокровища», — сказала сестра.

— «Ахъ, иди куда хочешь, уйди только съ глазъ моихъ!» — отвѣчала царица, которая не могла простить ей смерти преданнаго животнаго.

Царевна заказала себѣ паланкинъ и объявила мужу, что ѣдетъ въ джонглю предупредить родственниковъ о его посѣщеніи. Такъ же, какъ и сестра ея, царица, она увидѣла муравейникъ, а надъ нимъ кобру съ разинутою пастью.

Не долго думая, царевна подбѣжала къ кобрѣ и ткнула ей пальцемъ въ пасть. Но, увы! змѣя тотчасъ же укусила ее за палець и несчастная царевна упала мертвая на песокъ.

Местъ царевны Чандры

Ужены одного богатаго купца не было дѣтей. Она постоянно горевала объ этомъ, а однажды не выдержала и пришла вся въ слезахъ къ мужу: «Что я за несчастная, что нѣтъ у меня дѣтей! Хоть бы одинъ ребеночекъ былъ и то я была бы вполне довольна!» — «Есть о чемъ горевать!» спокойно отвѣчалъ мужъ на ея сѣтованія. «Если у тебя нѣтъ ребятъ, за то у сестры твоей ихъ восемь или девять; отчего бы не взять намъ одного изъ нихъ? И ей будетъ легче, и тебѣ веселѣе». Жена купца дѣйствительно пошла къ сестрѣ и взяла отъ нея на воспитаніе младшаго сына, шестимѣсячнаго младенца. Хорошая женщина всей душою привязалась къ ребенку и воспитывала его, какъ родного сына.

Прошло нѣсколько лѣтъ; мальчикъ начиналъ уже ходить въ школу.

Разъ, когда онъ возвращался оттуда, онъ повздорилъ съ однимъ товарищемъ, и тотъ во время драки сшибъ его съ ногъ и порядочно избилъ его. Мальчикъ съ воплемъ прибѣжалъ домой. Приемная мать заботливо обмыла и перевязала его раны, но не бросилась за тѣмъ мальчишкой, который его избилъ, разсуждая такъ: «Невозможно держать ребенка на привязи. Если я теперь того мальчишку поймаю и накажу, онъ наверное, при случай вдвое отомститъ моему. Оставлю его лучше въ покоѣ». Но ребенокъ не такъ понялъ дѣло. Онъ остался очень недоволенъ, какъ ему казалось, равнодушіемъ своей приемной матери и сталъ ворчать: «Сейчасъ видно, что не настоящая мать! Мать не потерпѣла бы, задала бы этому мальчишкѣ, чтобъ онъ не смѣлъ меня больше трогать; а теткѣ что за печаль?» Жена купца слышала упрекъ ребенка и очень огорчилась. «Вѣдь вотъ съ колыбели рощу я ребенка, а нѣтъ у него ко мнѣ настоящаго чувства, какъ къ родной матери. Напрасны всѣ мои труды: онъ все-таки въ душѣ останется мнѣ чужой». И она рѣшила отдать ребенка обратно сестрѣ. «Что такъ?» съ удивленіемъ спросила та, когда жена купца привела къ ней мальчика. «Вѣдь ты хотѣла оставить его себѣ на всю жизнь?» Жена купца не стала ничего объяснять, а сказала просто: «Мнѣ кажется лучше не отнимать его отъ матери; пусть онъ будетъ общимъ нашимъ ребенкомъ и живетъ то у тебя, то у меня. Мы обѣ станемъ заботиться о немъ».

Отъ мужа она не стала скрывать правды. «Ты знаешь какъ я любила и баловала мальчика, какъ растила его цѣлыхъ семь лѣтъ, а все же онъ любитъ меня не такъ, какъ любитъ мать, которую почти никогда не видитъ. Нѣтъ, чужого ребенка растить не стоитъ! Я не успокоюсь пока не вымолю себѣ сына у Магадео (бога)?» «Вотъ безумная женщина! Пора бы, кажется, покориться своей судьбѣ. Ну, гдѣ ты найдешь Магадео? Полагаю, что путь на небо тебѣ не извѣстенъ?»

«Я пойду и буду искать его», упрямо продолжала женщина, «буду искать пока не найду, а если никогда не найду, — что жъ дѣлать? Знаю только, что домой я не вернусь, пока не буду знать, что молитва моя услышана».

Мужъ не сталъ задерживать ее и она въ тотъ же день ушла изъ дома. Долго бродила она по джонглѣ, много дней и ночей скиталась по пустынѣ, оставивъ далеко за собою родную страну, наконецъ дошла до большой рѣки. Тутъ она присѣла отдохнуть и замѣтила что по близости расположились еще двѣ женщины, по-видимому, то же издалека. То была царица сосѣдней области Мадуря Тинивелли, рани Каплинге, и одна танцовщица.

Ни царица, ни танцовщица, ни жена купца никогда раньше не встрѣчались. Женщины съ удивленіемъ посмотрѣли другъ на друга: никто изъ нихъ не рассчитывалъ встрѣтить кого-нибудь въ этомъ пустынномъ мѣстѣ.

Царица заговорила первая: «Кто ты и куда идешь?» спросила она жену купца. «Я жена купца, иду изъ дальней страны, ищу Магадео. Онъ милосердъ, а я такъ хотела бы имѣть ребенка! А ты, благородная женщина, скажи мнѣ, кто ты такая и куда направляешь свой путь?» спросила она въ свою очередь царицу. «Я такая же несчастная какъ ты», со вздохомъ промолвила рани, «хотя называюсь царицею страны. Не радуютъ меня ни роскошь, ни власть: у меня нѣтъ дѣтей и я то же пошла искать Магадео, чтобъ вымолить у него ребенка. А ты кто и куда идешь?» обратилась Коплинге къ третьей женщинѣ. «Я танцовщица и у меня тоже нѣтъ дѣтей и я тоже ищу Магадео, чтобъ просить у него ребенка». — «Такъ отчего бы намъ не продолжать путь вмѣстѣ?» предложила жена купца, «вѣдь цѣль у всѣхъ насъ та же». Царица и танцовщица тотчасъ же согласились и три женщины вмѣстѣ двинулись въ путь.

Онъ шли все дальше и дальше, все глубже заходя въ пустыню. НИГДѢ не попадалось имъ живого существа, нигдѣ не рѣшались онѣ остановиться для ночлега; ноги ихъ страшно опухли и болѣли, одежда лохмотьями висѣла на исхудалыхъ плечахъ; онѣ давно ужъ питались лишь дикими ягодами и кореньями джонгли. Не было у нихъ ни покоя днемъ, ни сна ночью; часъ за часомъ, день за днемъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, годъ за годомъ, такъ шли и шли онѣ, пока передвигались ноги.

Вотъ пришли онѣ на берегъ огромной рѣки и остановились въ отчаяніи: передъ ними былъ грозный огненный потокъ и никакого способа переправы, никого ни на томъ, ни на другомъ берегу.

Рани и танцовщица горько заплакали: "Увы! Къ чему теперь наши страданія и тревоги? Какъ идти дальше? Пропало все!" Но мужественная жена купца не унывала. «Какъ? останавливаться теперь, когда ужъ такъ много пройдено? Ни за что: проложимъ себѣ путь черезъ огонь!» и она храбро бросилась въ огненные волны. Спутницы однако не посмѣли двинуться за нею.

«Идите, идите смѣло», кричала имъ между тѣмъ жена купца уже съ середины рѣки, «огонь не жжетъ, онъ не страшень. Идемте искать Магадео; онъ вѣрно на той сторонѣ!» Но женщины уныло покачали головой. «НѢТЪ, страшно рѣшиться, иди одна. Мы будемъ ждать тебя здѣсь. Если найдешь Магадео, вспомни о насъ».

Жена купца махнула рукою и пошла дальше, а огненные волны безвредно неслись мимо нея.

Когда она вышла на противоположный берегъ, она вступила въ дикую область, гдѣ на каждомъ шагу попадались слоны, буйволы и львы, тигры и медвѣди. Со всѣхъ сторонъ рычали они на нее и скалили зубы. Но женщина безстрашно шла мимо ихъ. «Умрешь лишь одинъ разъ», разсуждала она, «лучше погибнуть здѣсь, чѣмъ вернуться не достигнувъ цѣли». И дикіе звѣри пропускали ее невредимою.

Смотрѣлъ съ облака на землю Магадео и жалко стало ему бѣдной женщины, двѣнадцать лѣтъ скитавшейся по свѣту въ надеждѣ встрѣтить его. Онъ поставилъ среди пустыни чудное манго, а у подножія свѣтлый источникъ; самъ же принялъ образъ странствующаго факира и всталъ подъ деревомъ. Но женщина такъ занята была своими мыслями, что не замѣтила факира, и слишкомъ спѣшила, чтобъ соблазниться отдыхомъ. Тогда факиръ окликнулъ ее: «Женщина, женщина, куда спѣшишь? Иди, отдохни здѣсь!» Она бѣгло взглянула на

...На каждомъ шагу попадались ей слоны, буйволы и львы, тигры и медвѣди...

него: «Что тебѣ до меня, благочестивый отецъ? Твори свои молитвы и оставь меня!»— «Остановись», крикнулъ онъ опять, «выслушай меня!» Она молча покачала головой. Тогда Магадео всталъ прямо передъ нею, но уже не въ образѣ факира, а въ полномъ блескѣ повелителя небесъ. Бѣдная женщина пала ницъ у ногъ его. «Куда спѣшишь ты, женщина, скажи мнѣ?» — «О, милостивый господинъ, я ищу Магадео. Я двѣнадцать лѣтъ брожу по пустынь, тщетно взывая къ нему; я хочу просить, да даруетъ онъ мнѣ ребенка». — «Не ищи болѣе», властно отвѣчалъ Магадео, «я тотъ, кого ты ищешь. Возьми это манго», и онъ подаль ей одинъ изъ плодовъ съ чудеснаго дерева у ручья, «съѣшь его и иди спокойно домой: молитва твоя услышана».

Тутъ она вспомнила о двухъ спутницахъ своихъ. «Господинъ мой! Насъ трое спѣшило къ тебѣ, но двѣ остались у огненной рѣки: ихъ смутилъ грозный потокъ. Будь милостивъ, скажи, какъ дать и имъ дѣтей?»

«Если хочешь, подѣлись съ ними своимъ манго и у нихъ то же будутъ дѣти».

Съ этими словами Магадео исчезъ, а жена купца, веселая и счастливая, пошла обратно къ тому мѣсту, гдѣ съ нетерпѣніемъ ждали ее царица и танцовщица. "Я нашла Магадео», отвѣчала жена купца на ихъ расспросы, «онъ далъ мнѣ волшебное манго и позволилъ подѣлиться съ вами, чтобъ у всѣхъ насъ были дѣти". Она раздавила сочный плодъ, отдала сокъ рани, кожу танцовщицѣ, а ядро и мякоть оставила себѣ.

Всѣ весело пошли въ обратный путь. Рани и танцовщица скоро достигли своей страны Мадурѣ Тинивелли, а женѣ купца пришлось еще долго странствовать прежде чѣмъ дойти до города, гдѣ жилъ ея мужъ.

Она такъ страшно исхудала и измѣнилась за время путешествія и пришла въ такихъ лохмотьяхъ, что прежніе друзья едва узнали ее и всѣ смѣялись надъ нею. Купецъ тоже сказалъ женѣ:

«Не вижу большой пользы отъ твоего долгаго странствованія; ты вернулась хуже всякой нищенки и всѣ смѣются надъ тобою».

«Пусть смѣются», спокойно отвѣчала она. «Я видѣла Магадео, я съѣла волшебное манго и у меня будетъ ребенокъ».

Дѣйствительно, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ у купца родился сынъ. Около того же времени у рани Коплинге родилась дочь и у танцовщицы то же.

Всѣ три женщины были вполне счастливы; каждая изъ нихъ оповѣстила о радостномъ событіи всѣхъ друзей и знакомыхъ и каждая сообразно своему состоянію устроила пиръ для бѣдныхъ въ видѣ благодарственной жертвы Магадео. Жена купца назвала сына своего Койла, въ память ядра манго, танцовщица — дочь свою Маули, въ честь сладкой мякоти плода, а малютку-царевну назвали Чандра,¹ «такъ какъ она была прекрасна и нѣжна, какъ свѣтлый мѣсяцъ».

Чандра была такъ красива и такъ мила, что одинъ взглядъ ея покорялъ всѣ сердца. Она безспорно была красивѣйшимъ ребенкомъ во всей странѣ и что поражало всѣхъ это то, что она родилась съ двумя драгоцѣннѣйшими запястьями вокругъ ногъ и эти запястья постепенно росли по мѣрѣ ея роста. Такихъ запястьевъ еще никто никогда не видалъ; драгоцѣнные камни на нихъ сверкали какъ солнце, такъ что глазамъ было больно смотрѣть на нихъ, а вокругъ висѣли крошечные золотые колокольчики и они звенѣли, когда кто-нибудь подходилъ къ ребенку. Царская чета не могла налюбоваться на дѣвочку. Вскорѣ

¹ Мѣсяцъ.

послѣ ея рожденія были разосланы гонцы по всему государству созвать ученыхъ браминовъ, чтобъ узнать судьбу царевны. Собрались мудрые старцы со всѣхъ концовъ страны. Долго молчали они, наконецъ самый мудрый изъ нихъ промолвилъ: «Если хотите спасти государство, удалите ребенка изъ страны: она современемъ спалитъ всю область».

Раджа задрожалъ отъ гнѣва: «Дерзкій лжець и обманщикъ!» крикнулъ онъ. «Ты мнѣ головою отвѣтишь за свои слова». — «Голова моя въ твоей власти», покорно отвѣчалъ ученый браминъ, «но не упрекай меня во лжи». Пусть принесутъ немного шерсти, я докажу тебѣ истину своихъ словъ».

Принесли шерсть; браминъ приложилъ ее къ волосамъ ребенка: шерсть мгновенно вспыхнула и сгорѣла вся до тла, опаливъ руки окружающихъ. «Какъ сгорѣла теперь шерсть, такъ сгоритъ однажды и вся страна, если царевна останется въ живыхъ», повторилъ браминъ. Всѣ придворные испуганно переглянулись. «Если такъ», мрачно рѣшилъ раджа, «пусть немедленно удалятъ ребенка».

Напрасно плакала и молила бѣдная царица, тщетно упрашивая раджу отмѣнить суровый указъ. Раджа былъ неумолимъ. Велѣно было положить ребенка въ большой ящикъ, снести на границу государства къ большой рѣкѣ, что впадала въ самое море, и бросить въ потокъ. Царица заказала великолѣпный ларець изъ золота и драгоценныхъ камней, бережно уложила туда ребенка и велѣла спустить внизъ по рѣкѣ.

Ларець плылъ, плылъ, наконецъ доплылъ до страны, гдѣ жилъ знакомый намъ купецъ съ своею женою. Какъ разъ въ это время купецъ вышелъ къ рѣкѣ омыть лицо и замѣтилъ плывущій мимо драгоценный ящикъ. «Эй, другъ! крикнулъ онъ рыбаку, который по близости растилалъ свой неводъ: «брось все, да лови вонъ тотъ ящикъ... вонъ тамъ на рѣкѣ... тащи его сюда». — Только, если поймаю, ящикъ мой? — «Хорошо, хорошо, ящикъ твой, а что внутри — мое». Рыбакъ закинулъ сѣть и подтянулъ ящикъ къ берегу. Трудно сказать, кто былъ болѣе удивленъ — купецъ или рыбакъ, когда разсмотрели свою добычу. Ларець былъ весь изъ золота, а внутри спало прелестное дитя! Да и не простое дитя, а повидимому какая-то царевна, такъ какъ одежда на ней была изъ золотой ткани, а на крошечныхъ ножкахъ сіяло два запястья чудной работы. Когда купецъ нагнулся надъ нею, дѣвочка проснулась и съ улыбкой потянулась къ нему.

Это сразу плѣнило его. «Бери ящикъ», сказалъ онъ рыбаку, «а ребенокъ мой». Рыбакъ остался доволенъ дѣлежемъ: дѣтей у него было много и онъ былъ бѣденъ; а купецъ былъ богатъ и у него былъ одинъ единственный сынъ.

Онъ принесъ дѣвочку домой. «Смотри, жена, вотъ намъ и невѣстушка въ домъ!» Развѣ не хорошая жена нашему сыну?»

Жена купца сразу полюбила прелестную малютку и стала холить и лелѣять ее какъ родную дочь. Когда же дѣвочка стала ходить, она обручила ее съ сыномъ своимъ, Койла.

Годы шли. Купецъ съ женою мирно отошли въ царство тѣней, а Койла и Чандра выросли, поженились и считались самою красивою четою въ странѣ: Койла мужественный, сильный, съ царственнымъ видомъ юнаго льва, Чандра стройная и нѣжная какъ пальма, съ лицомъ спокойнымъ и прекраснымъ какъ серебряный мѣсяць.

Тѣмъ временемъ Маули, дочь танцовщицы (и одно изъ чадъ волшебнаго манго), тоже подросла въ странѣ Мадурѣ Тинивелли и также обратилась въ замѣчательно красивую дѣвушку. Она плясала и пѣла такъ хорошо, что затмѣвала всѣхъ другихъ дѣвушекъ. Голосъ ея былъ какъ у перепелки и такой звонкій, что разносился по воздуху на двѣнадцать дней пути. Мать ея постоянно кочевала съ мѣста на мѣсто, останавливаясь то въ томъ, то въ

другомъ городѣ, такъ что однажды оказалась съ дочерью на границе государства, гдѣ жили Койла и Чандра.

Разъ Койла гулялъ по окрестностямъ города и до него издали донеслись звуки чуднаго пѣнія. Очарованный пошелъ онъ на голосъ, чтобъ видѣть поближе пѣвицу. Голосъ то смолкалъ, то снова раздавался гдѣ-то впереди; Койла все шель, шель, зашелъ въ джонгли, шель день, шель другой. Голосъ какъ будто звучалъ яснѣе, но все же никого не было видно и Койла продолжалъ идти. Такъ шель онъ одиннадцать дней, наконецъ на двѣнадцатый вышелъ прямо на поляну, гдѣ расположился таборъ танцовщицы. Онъ увидѣлъ прелестную дѣву, среди огромной толпы собравшагося народа. Она пѣла и танцѣвала передъ очарованными зрителями, и красиво размахивала надъ головою душистою гирляндою цвѣтовъ.

Койла былъ такъ пораженъ ея чуднымъ пѣніемъ, что остановился какъ вкопанный на опушкѣ джонгли и боялся шевельнуться, чтобъ не нарушились очарованія.

Смолкло пѣніе и всѣ столпились вокругъ пѣвицы. «О, чудная дѣва!» кричали всѣ «не покидай насъ, оставайся здѣсь! Выбирай себѣ мужа по сердцу, любаго изъ насъ и живи здѣсь». Дѣвушка подумала съ минуту; число ея поклонниковъ было такъ велико, что она не знала на комъ остановиться. «Пусть будетъ по-вашему!» смѣясь рѣшила она, «ловите гирлянду! На кого она упадетъ, тотъ будетъ моимъ мужемъ». И она высоко взмахнула гирляндою, перекутила ея раза три надъ головою и со всей силы метнула ее отъ себя.

Размахъ былъ такъ силенъ, что цвѣты мгновенно перелетѣли за черту собравшейся толпы, и, прежде чѣмъ Койла успѣлъ опомниться, упали къ нему на плечо.

Всѣ бросились къ счастливому избраннику и остановились въ изумленіи: онъ казался имъ слишкомъ прекрасенъ для простаго смертнаго. Неужели спустился къ нимъ одинъ изъ жителей небесъ? Всѣ окружили его и радостно потащили въ таборъ. «Тебѣ, тебѣ досталась гирлянда! Тебѣ прекраснѣйшему изъ смертныхъ! Ты будешь мужемъ нашей Маули». Напрасно отбивался отъ нихъ Койла: «Я пришелъ только послушать», говорилъ онъ, «я не могу долго оставаться. Я не здѣшной страны, у меня дома есть уже жена. — «Намъ дѣла нѣтъ до этого», кричали всѣ, «вѣрно судьба твоя остаться здѣсь! Ты будешь мужемъ красавицы Маули! Голосъ ея такъ волшебнo звучитъ, танцы ея такъ плѣняютъ взоръ! Ты долженъ быть ея мужемъ: выборъ палъ на тебя!»

Койла стоялъ въ нерѣшительности, не зная, что предпринять. Тутъ ему поднесли кубокъ волшебнаго питья. Онъ, ничего не подозрѣвая, выпилъ и разомъ забылъ все, что относилось до его прежней жизни, женился на прекрасной пѣвицѣ и остался съ нею въ таборѣ. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Койла безпечно жилъ среди цыганъ, ничего не дѣлая, наслаждаясь пѣніемъ Маули и любуясь ея танцами. Разъ мать Маули подошла къ зятю и сказала: «Зятекъ, вижу, что ты порядочно таки лѣнивое существо; сколько времени ужъ живешь ты съ нами, а пользы отъ тебя немного! Намъ самимъ приходится кормить и одѣвать тебя. Пора тебѣ встряхнуться: иди, достань денегъ, а не то убирайся вонъ изъ дома и не видать тебѣ болѣе жены твоей, Маули». Грубыя слова женщины привели Койла въ себя. Онъ въ первый разъ вспомнилъ о родинѣ своей и о Чандрѣ и въ немъ проснулось страстное желаніе отдѣлаться отъ Маули и вернуться къ своей прежней жизни. Случай казался ему благопріятнымъ. «Пустите меня на родину», сказалъ онъ цыганамъ, «тамъ у жены моей есть два запястья огромной цѣнности. Одного изъ нихъ съ излишкомъ хватить возмѣститъ всѣ ваши расходы на меня.

Цыгане согласились. Койла вернулся домой. Чандра сначала ничего слышать не хотѣла, когда Койла признался ей въ своей женитьбѣ и попросилъ отдать ему запястье. «Ты

отправился блуждать по свѣту, не подумалъ, что покидаешь меня одну; ты женился на танцовщицѣ и спокойно жилъ среди ея родичей, а теперь вернулся обманомъ выманить у меня запястье, то запястье, которое родилось со мною и выросло со мною вмѣстѣ? Ты хочешь подарить его второй женѣ? Нѣтъ, ни за что. Иди къ ней и къ друзьямъ своимъ, не дамъ тебѣ запястья!» Койла покорно выслушалъ упреки жены. «Я былъ виноватъ передъ тобою, возлюбленная, но меня отуманили волшебнымъ питьемъ и я на время забылъ о тебѣ. Теперь же я чувствую, что никого не люблю кромѣ тебя. Но я не хочу быть безчестнымъ передъ тѣми, дай мнѣ расчитаться съ ними и я тотчасъ же вернусь къ тебѣ, своей единственной, любимой женѣ».

Чандра отдала мужу запястье и предложила сопутствовать ему, на что Койла съ радостью согласился. Черезъ нѣсколько дней они подходили къ столицѣ сосѣдней страны и на окраинѣ зашли отдохнуть въ домикъ старой торговки молокомъ. Старуха привѣтливо встрѣтила молодую чету, накормила ихъ и предложила переночевать. На слѣдующій день Койла сказалъ женѣ: «Останься здѣсь. Старуха позаботится о тебѣ, а я пройду въ городъ и продамъ запястье». Чандра не стала настаивать и отпустила мужа одного. Ни Койла, ни Чандра не подозрѣвали, что раджа той страны и рани его Коплинге были родителями молодой женщины, да и вообще никто изъ дѣтей манго не зналъ о своемъ происхожденіи и о странствіи матерей въ поискахъ за Магадео.

Незадолго до появленія Койлы и Чандры въ странѣ рани Коплинге отдала почистить пару запястьевъ придворному золотыхъ дѣлъ мастеру. Надъ домомъ этого послѣдняго росло высокое дерево, а на немъ свили себѣ гнѣздо орель съ орлицею и вывели орлятъ. Орлята, птицы очень шумныя, галдѣли весь день и страшно надоѣдали купцу и его семьѣ. Разъ, когда старыхъ птицъ не было дома, золотыхъ дѣлъ мастеръ залѣзъ на дерево, сбросилъ гнездо и убилъ птенцовъ. Орлы вернулись вскорѣ и рѣшили отомстить жестокому торговцу. Подглядевъ въ лавкѣ одно изъ драгоценныхъ запястьевъ царицы, орель спустился и исчезъ съ нимъ въ облакахъ.

Ювелиръ былъ въ отчаяніи; «Что теперь станемъ дѣлать?» стоналъ онъ. «Купить такое запястье — не хватитъ всего моего состоянія, а сдѣлать новое — потребуется много лѣтъ работы. Сказать что потерялъ его? Мнѣ не повѣрятъ, решатъ, что я укралъ и велятъ казнить. Единственное, что можно сдѣлать, это какъ нибудь оттянуть время и подыскать что-нибудь подходящее». Когда на слѣдующій день царица прислала за запястьемъ, онъ отвѣчалъ: «Еще не готово, принесу завтра». Такъ повторялось много дней подрядъ. Это наконецъ надоѣло посланнымъ и они стали угрожать ему; тогда ювелиръ рѣшился отослать уцѣлѣвшее запястье, великолѣпно вычищенное, и просилъ передать царицѣ, что второе поспѣетъ черезъ нѣсколько дней; самъ же неумоимо продолжалъ искать запястье достаточно цѣнное, чтобъ замѣнить утраченное, но ничего не могъ найти.

Тѣмъ временемъ Койла вошелъ въ городъ, выбралъ себѣ уголокъ недалеко отъ базара, разложилъ на улицѣ коврикъ, положилъ на него запястье, а самъ сѣлъ рядомъ въ ожиданіи покупателей. Онъ былъ такъ хорошъ, что смотрѣлъ настоящимъ царевичемъ, несмотря на свой скромный нарядъ, а запястье рядомъ съ нимъ сверкало, какъ лучезарное свѣтило. Немудрено, что всѣ заглядывались въ его сторону; что продавщицы, проходя мимо съ кувшинами на головахъ, роняли свои кувшины и даже не горевали о погибшемъ товарѣ; что многіе мужчины и женщины, выглядывавшіе изъ оконъ, теряли равновѣсіе и падали на улицу. Зрѣлище было слишкомъ необычайно!

Однако не находилось покупателей для сверкающаго запястья. «Кому по средствамъ такая драгоценность?» говорили всѣ, покачивая головой. Только царица можетъ носить

такое». День уже клонился къ вечеру и Койла собирался уже уходить, когда къ нему подошелъ тотъ золотыхъ дѣлъ мастеръ, что потерялъ царское запястье. Одного взгляда было достаточно, чтобъ онъ понялъ какое цѣнное украшеніе лежитъ передъ нимъ. «Надо во что бы то ни стало получить его», подумалъ онъ, ничего не сказавъ красивому продавцу, а пошелъ къ женѣ: «Иди сейчасъ же къ этому незнакомцу, заговори съ нимъ какъ можно ласковѣе, уговори его зайти къ намъ отдохнуть и переночевать. Надо втереться въ его довѣріе и отнять у него запястье. Оно еще болѣе цѣнно, чѣмъ запястье царицы, но очень похоже на то и никто не догадается о подмѣнѣ».

Жена пошла впередъ, а мужъ за нею.

«Зайди къ намъ, какъ просить жена», ласково приглашалъ онъ Койлу. «Ты торгуешь драгоценностями и я тоже, значитъ мы нѣкоторымъ образомъ братья по ремеслу. Къ тому же ты чужеземецъ, а уже темнѣетъ. Отдохни у насъ, переночуй, завтра снова выйдешь на продажу».

Такъ уговаривали коварные люди довѣрчиваго Койла, прикрывая свой злой умыселъ льстивыми словами.

Дома они накормили его и приготовили ему удобную постель. Утромъ же, чѣмъ свѣтъ, торговецъ поднялъ тревогу, послалъ за стражею и приказалъ вести Койла на судъ во дворецъ. «Онъ укралъ запястье царицы, которое было мнѣ отдано въ чистку и хотѣлъ продать его на базарѣ». Напрасно увѣрялъ Койла въ своей невинности и объяснялъ, что это запястье его жены: никто не хотѣлъ вѣрить чужеземцу. Его привели во дворецъ и ювелиръ обвинилъ его передъ царемъ: «Этотъ человекъ укралъ запястье царицы. Всякій, кто бы сдѣлалъ это, подлежитъ казни. Прикажи казнить его».

Послали за царицею, чтобъ показать ей запястье, но лишь только взглянула она на него, какъ узнала запястье Чандры, дочери своей, и залилась слезами. «Нѣтъ, нѣтъ, это не мое запястье, государь! Это не смертныхъ рукъ издѣліе! Взгляни, оно совсѣмъ другое чѣмъ мое... Слышишь, какъ оно звенить, какъ всѣ колокольчики звенять, лишь приближаешься къ нему? Неужели ты забылъ? Это запястье моей крошки, моей красавицы... радости моей! Сокровища моего! Откуда оно? Какъ попало сюда, въ этотъ городъ, на базаръ, ко всѣмъ этимъ злодѣямъ? Вѣрно торговецъ укралъ мое запястье, а теперь добылъ это. Распроси его, узнай все поподробнѣе. Не вѣрь ему! Смертная рука такъ не работаетъ! Это запястье моей Чандры».

Всѣ съ соболѣзнованіемъ смотрѣли на царицу; всѣ были увѣрены, что она помѣшалась. Царицу увели, всѣ принялись разглядывать драгоценное украшеніе и единогласно рѣшили, что именно такое видѣли на царицѣ, и что смѣлый воръ подлежитъ казни. Ювелиръ торжествовалъ. Запястье отнесли къ царице. Она со слезами заперла его въ крѣпкій ларецъ, отдѣльно отъ другихъ драгоценностей.

Стража отвела Койла за городъ, въ джонгли. Тамъ хотѣли отрубить ему голову, но онъ просилъ разрѣшенія самому покончить съ собою, наставилъ противъ груди свой острый кинжалъ и упалъ на него. Кинжалъ былъ такъ остеръ, что разрубилъ юношу какъ разъ на двѣ половины. Его такъ и оставили лежать.

Когда вѣсть о происшествіи облетѣла городъ, многіе, видѣвшіе наканунѣ юношу на базарѣ, заволновались. «Тутъ что-то не такъ! Раджа поторопился. Гораздо вѣроятнѣе, что бѣдняга не красть запястья. Невѣроятно такъ рѣшиться открыто продавать на базарѣ краденную вещь! Такой красавецъ, такой благородный на видъ! Нѣтъ, раджу просто обошли злые люди». И всѣ жалѣли несчастнаго продавца, Многіе даже плакали о немъ. Чтобъ прекратить толки, раджа издалъ указъ, которымъ подъ страхомъ смерти запрещалось

обсуждать происшествіе и проливать слезы о погибшемъ юношѣ. Народъ примолкъ и даже втихомолку боялись упомянуть о Койлѣ, хотя всякій по прежнему думалъ о его жалкой участи.

Рано утромъ того дня какъ это случилось, старая молочница, въ домѣ которой за городомъ пріютилась Чандра, принесла своей гостьѣ чашу съ молокомъ. Та не успѣла хлебнуть, какъ отступила въ ужасѣ. «Матушка, что ты сдѣлала? У меня полонъ ротъ крови!» — «Что ты, что ты, голубка, вѣрно злой сонъ тебя смутилъ! Какая тутъ кровь! Самое свѣжее, тепленькое молочко. Попробуй, доченька, попробуй еще, успокойся!» Чандра снова нагнулась къ чашѣ и чуть прикоснулась къ ней губами. «Нѣтъ, нѣтъ, не могу: это чистая кровь!» И она горько заплакала. «Вѣрно страшная бѣда надо мною! Всю ночь видѣла я тревожные сны; утромъ свадебное ожерелье мое распалось надвое; теперь это молоко какъ кровь для меня... Пусти меня, матушка, пусти! Я побѣгу искать супруга: онъ вѣрно погибъ».

Добрая женщина старалась успокоить взволнованную гостью. «Что за странная мысль? Ну, съ чего ему погибать? Онъ былъ совсѣмъ здоровъ вчера, когда шелъ продавать запястье. Онъ вѣдь говорилъ, что скоро вернется. Имѣй терпѣніе, онъ сейчасъ явится!» — «Нѣтъ, нѣтъ», продолжала Чандра, «я чувствую, что нѣтъ его больше въ живыхъ. О, сжался надо мною, пусти меня! Я хочу найти его, я хочу умереть вмѣстѣ съ нимъ». — «Нѣтъ, дитя мое», твердо остановила ее старуха, «я не пущу тебя. Ты слишкомъ прекрасна, чтобъ бѣгать одна по улицамъ въ чужомъ городе. Мужъ твой не будетъ доволенъ, если вернется и не застанетъ тебя здѣсь. А вдругъ ты не найдешь дороги, да нападешь на лихихъ людей? тебя похитятъ, увезутъ какъ рабу. Вѣдь мужъ просилъ тебя никуда не ходить. Имѣй терпѣніе, обѣщай сидѣть смиренно, а я скорѣе побѣгу въ городъ и поищу твоего супруга. Живаго или мертваго я верну его тебѣ».

И прихвативъ съ собою посуду съ молокомъ, чтобъ не возбуждать подозрѣній, старуха быстро пошла къ городу.

Въ городѣ она стала медленно бродить по улицамъ, высматривая не увидитъ ли гдѣ Койла или не услышитъ ли что-нибудь о прекрасномъ незнакомцѣ съ чуднымъ запястьемъ. На улицѣ никого не было видно, и ничего не слышно: всѣ опасались нарушить указъ. Это сильно возбудило подозрительность старухи, и она стала еще внимательнѣе осматривать каждый уголокъ и всѣ улицы въ окрестностяхъ рынка, гдѣ было болѣе вѣроятности встрѣтить Койла; при этомъ она не переставала выкрикивать свой товаръ, только постоянно мѣняла его названіе, проходя по той же улицѣ. Сперва кричала она: «Молока, кто хочеть молока!» потомъ «Масла, кто хочеть масла» и т. д.

Наконецъ, какая-то женщина, все время съ любопытствомъ слѣдившая за нею изъ окна, окликнула ее: «Тетка, а тетка! Что ты вздоръ болтаешь? Ты вотъ разъ шесть прошлась по нашей улицѣ и разъ шесть прокричала разный товаръ въ той же посудинѣ. Пожалуй, подумаютъ, что смысла у тебя въ головѣ не больше, чѣмъ у вчерашняго красавца! Тотъ весь день просидѣлъ на мѣстѣ съ однимъ запястьемъ, а оттуда прямехонько на смерть пошелъ за свои труды».

«Ты о комъ это?» — спросила женщина, какъ можно спокойнѣе, хотя у самой колѣни задрожали отъ испуга. «Ой, да ты видно не городская, что ничего не знаешь! Говорить то объ этомъ нельзя: раджа грозитъ повѣсить всякаго, кто заикнется о немъ... Ахъ, какой былъ красавецъ!» — «А гдѣ жъ онъ теперь?» шепотомъ спросила старуха. «Вонъ тамъ! Видишь тамъ на полѣ кучка народа? Царскій золотыхъ дѣлъ мастеръ обвинилъ его въ кражѣ и его казнили. Только многіе считаютъ его невиннымъ... Смотри никому не говори, что я тебѣ

разказала». Старуха бросилась по тому направлѣнію, куда указывала словоохотливая женщина, но когда добѣжала до мѣста и увидѣла распавшійся на двѣ половины трупъ Койла, она упала на колѣни и громко зарыдала. Кувшинъ скатился съ ея головы и разбился вдребезги. Рыданія старухи привлекли вниманіе стражи, нѣсколько человѣкъ бросилось къ ней: «Тетка, тетка! Запрещено плакать о мертвецѣ: смерть грозитъ послушнику царскаго приказа!» — «Да развѣ я о мертвецѣ? Что мнѣ до него! Кувшинъ мой разбился, не видите развѣ черепки валяются? Молоко то, молоко все пролито! Какъ тутъ не плакать!» — И она снова залилась слезами. «Тише, тише, не плачь, велика важность, весь то кувшинъ ничего не стоитъ! Пойдемъ, мы тебѣ золотой добудемъ!»

«Не надо мнѣ ни золотого, ни серебрянаго!» сердито кричала старуха. «Мой глиняный для меня дороже. Моего дѣда дѣдъ, моей бабушки бабушка еще носили его. И надо же было ему разбиться!» И старуха бережно стала собирать черепки, словно вся бѣда была въ разбитомъ сосудѣ.

Она прибѣжала домой въ слезахъ и бросилась къ Чандрѣ: «Дитя мое, несчастная дочь моя! Ты права! Горе, горе намъ!» И она рассказала ей все видѣнное и слышанное.

Какъ стрела, выпущенная изъ лука помчалась Чандра прямо во дворецъ, прямо въ тотъ покой, гдѣ сидѣлъ раджа: «Какъ смѣлъ ты убить моего супруга?» крикнула она, дрожа отъ негодованія.

При звукѣ ея голоса въ отдаленныхъ покояхъ царицы со звономъ раскрылся крѣпко замкнутый ларецъ, на глазахъ у всѣхъ выкатилось чудесное запястье и, минуя закрытыя двери, звеня обвилось вокругъ ноги разгнѣванной царевны.

Раджа въ ужасѣ смотрѣлъ на нее не въ силахъ произнести слово. Она же въ дикомъ отчаяніи упала на колѣни, въ иступленіи рвала на себѣ одежду, рвала свои роскошныя волосы и, каждый разъ какъ она прикасалась къ нимъ, волны пламени бѣжали отъ нихъ по всѣмъ направлѣніямъ. Старуха молочница, нагнавшая ее лишь во дворцѣ, бросила ей на голову кусокъ масла въ надеждѣ утишить огонь; двѣ другія женщины бросились водою тушить ея волосы, а тѣмъ временемъ уже пылало 19 порядковъ домовъ! «О, голубка, пощади наши бѣдныя лачуги! Пощади, несчастный пригородъ!.. Вѣдь я сдѣлала для тебя все что могла!» Такъ молила перепуганная старуха. И Чандра опомнилась и остановила огонь съ той стороны, гдѣ жила молочница и ея друзья. Но огонь разгорался по другимъ направлѣніямъ: горѣлъ дворецъ, горѣлъ городъ, пылало жилище коварнаго торговца; онъ и жена его задохнулись въ пламени и орель выклеваль сердца ихъ въ отмщеніе за смерть своихъ птенцовъ.

Танцовщица Маули и мать ея, наблюдавшія издали за пожаромъ, тоже погибли, охваченныя огненною волною. Чандра пошла къ тому мѣсту, гдѣ лежало тѣло прекраснаго Койла и долго рыдала надъ нимъ. Вдругъ къ ногамъ ея съ неба упала игла съ крѣпкою ниткою. Она радостно схватила ее: «О, если бы сросить обѣ половины!» и она принялась бережно сшивать ихъ одна съ другою. Когда же работа была кончена, она съ жаркою мольбою подняла руки къ небу. «О Магадео!» взывала она: «Я сдѣлала все, что можетъ сдѣлать слабая рука человѣка! Я соединила обѣ половины: верни имъ жизнь!» И Магадео сжалился надъ нею и вернулъ душу Койла и тотъ снова ожилъ. Какъ описать безумную радость свиданія?

Чандра и Койла мирно вернулись на родину, но до сихъ поръ въ странѣ Мадурра Тинивелли показываютъ слѣды выжженной небеснымъ пламенемъ равнины.

Отважный горшечникъ

Однажды, во время страшной бури съ громомъ, молніей и ливнемъ, огромный тигръ бѣжалъ мимо селенія и, чтобъ укрыться отъ непогоды, залегъ у стѣнки полуразвалившейся лачуги. Тамъ жила нищяя старуха. Она была очень стара и очень бѣдна, а лачуга ея совсѣмъ покривилась отъ ветхости, и дождь беспрепятственно протекалъ во многихъ мѣстахъ. Это ужасно надоѣдало старухѣ; она бѣгала изъ угла въ уголь, перетаскивая то одну вещь, то другую изъ подъ просвѣтовъ крыши, вздыхала, кряхтѣла и все время причитала: «Ой, горе мое, ой, бѣда лихая! Какое мученіе! Того и жди, что крыша провалится! Кажись, сбѣгись всѣ звѣри пустыни не такъ это страшно, какъ это вѣчное капъ-капъ, капъ-капъ!» И она суетливо принималась снова сдвигать постель и гремѣть утварью, спасая ее отъ мокроты. Тигръ, который лежалъ свернувшись у стѣнки, все слышалъ и думалъ про себя: «Это что за вѣчное капъ-капъ такое? Знать, что-то очень страшное: старуха ворчитъ, что для нея звѣри пустыни не такъ страшны... Что бы это могло быть?» А за стѣнкой шумъ все не унимался. «Вотъ гремитъ-то!»

О т в а ж н ы и

г о р ш е ч н и к ѣ .

Горшечникъ вскочилъ тигру на спину и погналъ къ себѣ домой.

прислушивался тигръ: «Вѣрно это самый капъ-капъ-то и есть».

Какъ разъ въ это время шель по дорогѣ горшечникъ. Онъ разыскивалъ сбѣжавшаго отъ него осла. Ночь была холодная и молодець перехватилъ нѣсколько лишнихъ глотковъ вкуснаго тодди (опьяняющій напитокъ изъ пальмоваго сока). При блескѣ молніи онъ разглядѣлъ какое-то крупное животное у хижины старухи и принялъ его за пропавшаго осла. Не долго думая, набросился онъ на лежавшаго тигра, схватилъ его за ухо и давай что есть силы награждать его колотушками, пинками и бранными словами! «Ахъ, ты злодѣй!» кричалъ онъ: «такъ то ты служишь мнѣ? Такъ-то заставляешь рыскать за собою по такой погодѣ, да еще въ такую темь? Вставай, лѣнтяй, вставай, пока я тебѣ всѣ ребра не

перебилъ!» Такъ бранилъ онъ и теребилъ тигра, нимало не подозрѣвая, съ кѣмъ имѣеть дѣло. Тигръ тоже не замѣтилъ его приближенія и не зналъ, кто такой обрушился на него, но чувствовалъ удары и невольно робѣлъ. «Ой, ой, ой, знать это вѣчное капъ-капъ нагрянуло! Немудрено, что старухѣ оно страшнѣе львовъ и тигровъ! Удары очень чувствительны!» Кончилось тѣмъ, что горшечникъ заставилъ тигра подняться, вскочилъ ему на спину и погналъ къ себѣ домой, всю дорогу понукая и подгоняя его ударами, въ полной увѣренности, что имеетъ дѣло съ осломъ. Дома онъ крѣпко спуталъ ему переднія ноги, подкрутилъ голову и, подвязавъ животное къ столбу передъ домомъ, спокойно пошелъ спать.

Поутру жена горшечника встала и выглянула изъ окна. И что же? Прямо передъ домомъ у столба стоялъ огромный связанный тигръ! Она бросилась къ мужу, разбудила его: — «Что это за животное приволокъ ты ночью?» — спросила она. — «Какое тамъ животное? Осла нашего привель». — «Осла? Поди-ка, взгляни, какого осла!» И она указала ему на тигра.

Горшечникъ былъ пораженъ не меньше, чѣмъ его жена. Онъ глупо смотрѣлъ передъ собою и ничего не понималъ. Потомъ принялся ощупывать себя. Нѣтъ, ничего, нигдѣ ни царапинки, а между тѣмъ настоящій свирѣпый тигръ стоялъ, привязанный имъ къ столбу!

Вѣсть о необыкновенномъ подвигѣ горшечника облетѣла всю окрестность; всѣ бѣжали къ нему и всѣ спрашивали, какъ онъ поймалъ тигра. Сочли нужнымъ послать о томъ особое донесеніе самому раджѣ: «человѣкъ-де изъ нашего селенія одинъ и безъ оружія поймалъ крупнаго тигра и привязалъ его къ столбу».

Раджа прочелъ донесеніе и рѣшилъ самъ на мѣстѣ провѣрить необычайное событіе. Немедленно были поданы кони и колесницы, и царь въ сопровожденіи всего двора отправился посмотреть на горшечника и на пойманнаго имъ звѣря.

Оказалось, что тигръ дѣйствительно былъ крупныхъ размѣровъ и давно ужъ считался грозою окрестностей. Все это было доложено царю и царь рѣшилъ примѣрно наградить отважнаго горшечника. Онъ пожаловалъ ему дома и землю, да денегъ цѣлую бочку, и сдѣлалъ его вельможею своего двора, причеиъ поручилъ команду надъ тысячею конницы.

Случилось, что сосѣдній раджа, уже давно враждовавшій съ царемъ той страны, объявилъ ему войну; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, лазутчики донесли, что у того раджи собрано огромное войско вдоль всей границы и что во всякую минуту онъ можетъ вторгнуться въ страну.

Тутъ ужъ никто не зналъ, что предпринять. Царь созвалъ своихъ военачальниковъ и спросилъ, кто изъ нихъ возьметъ на себя команду главными силами и вступить въ борьбу съ непріателемъ? Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что случай совсѣмъ исключительный, что страна слишкомъ мало подготовлена къ нападенію и что слишкомъ опасно брать на себя отвѣтственность главнаго начальства. Наконецъ, одинъ изъ нихъ рѣшился дать совѣтъ: — «Ты недавно о, повелитель, поручилъ начальство надъ тысячею конницы отважному горшечнику, поймавшему тигра. Отчего теперь не назначить его главнокомандующимъ? Человѣкъ, голыми руками совладавшій съ тигромъ, очевидно, храбрѣе и искуснѣе остальныхъ».

Раджа сразу повеселѣлъ. «Вотъ и прекрасно! сдѣлаемъ его главнокомандующимъ». Призвали горшечника и царь сказалъ ему: — «Твоей рукѣ вручаю я всѣ силы государства. Обрати въ бѣгство непріателя!» — «Да будетъ такъ!» нисколько не смущаясь отвѣчалъ

горшечникъ «только прежде чѣмъ выступить со всею арміей, дозвожь мнѣ одному пойти осмотрѣть позицію. Я долженъ составить себѣ понятіе объ ихъ числѣ и силахъ».

Царь согласился и горшечникъ вернулся къ своей женѣ. «Меня назначили главнокомандующимъ», сказалъ онъ. «По правдѣ сказать, положеніе немного затруднительное для меня. Придется скакать во главѣ арміи, а вѣдь тебѣ извѣстно, что я отъ роду не сиживаль на конѣ. Хорошо еще, что мнѣ удалось выпросить отсрочку: раджа разрѣшилъ мнѣ ѣхать осмотрѣть лагерь непріятели. Достань-ка мнѣ смирененькую лошадку, ты вѣдь знаешь, что я ѣздить верхомъ не умѣю. Придется выѣхать завтра утромъ».

Но горшечнику не удалось сдѣлать такъ, какъ онъ предполагалъ. Раджа чуть свѣтъ прислалъ ему чуднаго скакуна, богато разукрашеннаго, и просилъ ѣхать на немъ осмотрѣть вражескій станъ. Что было дѣлать несчастному горшечнику? Присланный конь былъ молодъ и горячъ; горшечникъ чувствовалъ, что если даже и сядетъ на него, все равно не усидитъ. А между тѣмъ не принять коня было невысказано.—«Не придется мнѣ ѣхать на своей лошаdkѣ», — грустно сказалъ онъ, когда остался наединѣ съ женою, — «но какъ поѣду я на этомъ чудномъ конѣ? Я и сѣсть-то на него не смогу». — «Да ты только не трусъ», — успокаивала жена: — «Какъ-нибудь залѣзь, а тамъ я привяжу тебя къ сѣдлу покрѣпче, ну и усидишь. Ты поѣзжай къ ночи, никто ничего не замѣтитъ».

Къ ночи жена подвела ему коня. — «Право не знаю, какъ приступиться», — переминался съ ноги на ногу горшечникъ. — «Какъ мнѣ попасть въ сѣдло? слишкомъ высоко». — «А ты скачи!» посовѣтовала жена. Началъ онъ скакать, но каждый разъ срывался. — «Не могу!» беспомощно заявилъ онъ, — «я все забываю, въ какую сторону повернуться, прежде чѣмъ скакать». — «Встань лицомъ къ мордѣ лошади». — «Вотъ оно что!» Онъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ и попалъ, наконецъ, въ сѣдло — головою къ хвосту! — «Такъ не годится» заявила жена, стаскивая его съ лошади, — «попробуй залѣсть не прыгая» — «Я не могу запомнить, когда лѣвая нога у меня въ стремени, что мнѣ дѣлать съ правою: куда ее совать?» — «Правая — въ правое стремя. Пстой, я тебѣ помогу». Послѣ безконечныхъ попытокъ и паденій — конь былъ свѣжій и плохо стоялъ — горшечникъ попалъ въ сѣдло. — «Жена, жена!» — крикнулъ онъ, — «прикручивай меня скорѣе, а то, право, я не утерплю, соскочу съ сѣдла!» Жена принялась усердно подвязывать его ноги къ стременамъ, а стремяна одно къ другому, перекутила веревку вокругъ туловища и шеи и подкрѣпила ее вдоль спины коня, вокругъ головы и хвоста.

Когда конь почувствовалъ непривычныя путы, онъ никакъ не могъ сообразить, что за странное существо сидитъ на его спинѣ и ну брыкаться и становиться на дыбы! Наконецъ, рванулся и понесся бѣшенымъ галопомъ по полямъ и лугамъ. — «Жена, жена! ты руки мнѣ забыла привязать!» — отчаянно кричалъ горшечникъ. — «Не робѣй, держись за гриву!» — крикнула та въ догонку. И все дальше и дальше несся конь, все дальше и дальше мчался всадникъ, мчался чрезъ плетни и овраги, ручьи и канавы, все дальше и дальше, мелькая, какъ молнія, то тутъ, то тамъ, галопомъ, галопомъ... Передъ нимъ разстилался ужъ вдали непріятельской лагерь...

Горшечнику не могла нравиться бѣшенная скачка. Онъ много разъ порывался соскочить съ лошади, но веревки крѣпко держали его, а бесплодныя усилія только еще болѣе горячили испуганнаго коня. Близость непріятели заставила его окончательно потерять голову. Вѣдь, они неслись прямехонько на вражескій станъ! Онъ сдѣлалъ отчаянное усиліе, чтобъ высвободиться изъ сѣдла... На пути пришлось молодое банановое деревцо; онъ, что было силы, вцѣпилъ въ него рукою въ надеждѣ, что веревки лопнутъ. Не тутъ-то было! Конь скакалъ во весь опоръ, а деревцо слабо держалось въ рыхлой почвѣ:

конь стрѣлою промчался мимо и — въ судорожно сжатой рукѣ злополучнаго всадника заколыхалось вырванное съ корнемъ деревцо!

Между тѣмъ, изъ непріятельскаго лагеря тоже замѣтили ихъ приближеніе. Тамъ уже дошли слухи, что высылается армія навстрѣчу, и приняли отчаяннаго всадника за одного изъ авангарда. — «Вонъ, вонъ» — кричали караульные, — «ѣдетъ всадникъ исполинскаго роста, на могучемъ конѣ! Онъ летитъ какъ стрѣла, и вырываетъ деревья на пути своемъ! Это кто-то изъ нашихъ враговъ: вѣрно вся армія за нимъ по пятамъ! О боги, что намъ дѣлать, если всѣ они таковы!» И побѣжали люди къ палаткѣ раджи и съ ужасомъ кричали: «Летитъ на насъ непріятельскій отрядъ» (исторія успѣла немного округлиться). «Это люди исполинскаго роста, на могучихъ лошадяхъ! Они яростно размахиваютъ вырванными съ корнемъ деревьями! У насъ есть люди, о раджа, но такихъ чудовищъ нѣтъ!»

За первыми вѣстниками бѣжали другіе съ воплемъ: «Правда, правда, о повелитель! Летитъ на насъ вся армія этихъ исполиновъ! Спасайся, кто можетъ! Бѣгите, кому жизнь дорога!» И весь лагерь, объятый ужасомъ, обратился въ бѣгство. Одни бѣжали потому, что

Полумертвый отъ толчковъ горшечникъ болтался на спинѣ измученнаго коня.

видѣли, другіе потому, что слышали отъ бѣжавшихъ, третьи, наконецъ, потому, что всѣ бежали, и никто не хотѣлъ оставаться самъ по себѣ. Раджу заставили подписать бумагу къ непріятельскому царю: «Согласенъ на всѣ условія. Предлагаю миръ» и скоро въ лагерь не осталось ни одного человѣка. Тотчасъ же вслѣдъ за ними прискакалъ туда измученный конь, а на спинѣ его, полумертвый отъ толчковъ, болтался горшечникъ съ банановымъ деревомъ въ рукахъ. Тутъ, наконецъ, лопнули веревки, всадникъ замертво грохнулся на землю, а конь самъ по себѣ остановился, такъ какъ не могъ больше бѣжать. Отлежавшись и придя въ сознаніе, горшечникъ сначала ничего не могъ понять отъ изумленія: богатый лагерь съ одеждою, оружіемъ и снарядами былъ окончательно пустъ.

Осторожно обходя лагерь — онъ еще не вѣрилъ своему счастью — онъ нашель въ главной палаткѣ письмо непріятельскаго раджи къ своему царю. Онъ взялъ письмо и поспѣшно направился домой, пѣшкомъ на этотъ разъ, такъ какъ онъ ни за что не рѣшился бы сѣсть снова на лошадь. Коня онъ все время велъ подъ уздцы. Прямымъ путемъ было не особенно далеко отъ дома и домой онъ поспѣлъ какъ разъ къ ночи. Жена выбѣжала встрѣчать его, внѣ себя отъ радости, что онъ такъ скоро вернулся. «Ахъ, жена, жена!» закричалъ онъ, какъ только увидѣлъ ее: «Сколько я перевидалъ съ тѣхъ поръ, какъ тебя оставилъ, и чего только не испыталъ! Ведь, я полсвета успѣлъ объѣхать! Да что вспоминать? Не стоитъ. А ты, вотъ, скорѣй бери это письмо, да посылай его съ гонцомъ къ царю, да ужъ коня заодно прихвати. Раджа по коню увидить, какъ я далеко ѣздилъ: конь едва ноги волочить! Кстати, будетъ лошадь отослана впередъ, я могу не ѣхать на ней, а то, пожалуй, пришлось бы. А было бы досадно: вѣдь, свалиться можно!» Жена тотчасъ же снарядила гонца къ царю съ письмомъ и конемъ и просила доложить раджѣ, что мужъ явится на слѣдующее утро, такъ какъ теперь слишкомъ позднее время, чтобъ беспокоить повелителя.

А на слѣдующее утро горшечникъ спокойно пошелъ во дворець, а народъ, видя его идущаго пѣшкомъ, съ восторгомъ восклицалъ: «Вотъ человекъ! Онъ такъ же скромень, какъ неустрашимъ. Онъ одинъ обратилъ въ бѣгство непріятеля, а теперь идетъ себѣ скромно пѣшкомъ, вмѣсто того, чтобъ выступать горделиво на могучемъ конѣ, какъ сдѣлалъ-бы всякій другой!»

Раджа вышелъ встрѣчать его у воротъ дворца и оказалъ ему всевозможныя почести. Условія мира были благополучно заключены между обоими государствами, а отважный горшечникъ вознагражденъ за свои заслуги высокимъ чиномъ и великими богатствами и прожилъ въ мирѣ и покоѣ всѣ остальные дни своей жизни.

Раджа Али-Марданъ и женщина-змѣя

Разъ могущественный царь Али-Марданъ, правитель Кашмира, охотился у береговъ озера Даль. Оставивъ въ сторонѣ приближенныхъ, онъ остановился у самого озера и залюбовался на гладкую серебристую поверхность, которая блестящею пеленою раскинулась отъ подножія горъ до царственного города Сринагара. Вдругъ гдѣ-то вблизи послышались рыданія... Царь обернулся и увидѣлъ подъ деревомъ горько плачущую дѣвушку чудной красоты. Онъ тотчасъ же подошелъ къ ней, ласково взявъ ее за руку и сталъ спрашивать кто она такая и какъ попала одна въ такое дикое мѣсто.

«О, повелитель!» отвѣчала она сквозь слезы: «я рабыня грознаго Сына Неба (Китайскаго императора). Я гуляла по цвѣтникамъ его обширныхъ садовъ и заблудилась. Какъ я вышла оттуда — не помню и какъ очутилась здѣсь — не знаю, но, конечно, мнѣ такъ и придется умирать здѣсь: я такъ устала и такъ страшно голодна!»

«О нѣтъ, прекрасная дѣва! Умереть тебѣ не придется разъ Али-Марданъ можетъ спасти тебя», воскликнулъ Царь, очарованный красотой дѣвушки. Онъ тотчасъ же подаль знакъ приближеннымъ и велѣлъ проводить ее со всевозможною осторожностью въ свой лѣтній дворецъ въ садахъ Шалимара. Тамъ, среди пышныхъ цвѣтниковъ, день и ночь журчали фонтаны, освѣжая алмазною росой благоухающій дернъ; тамъ, надъ мраморными коллонадами, склонялись нѣжныя вѣтви, отягченныя плодами; тамъ

Царь увидѣлъ подъ деревомъ дѣвушку чудной красоты.

солнце сверкало какъ то ярче и птицы щебетали нѣжнѣе. И вотъ въ этомъ то земномъ раю поселился Али-Марданъ съ чужеземною красавицею и, глядя въ черные очи ея, забылъ весь міръ, забылъ все, кромѣ ея чудной красоты. Такъ жили они нѣкоторое время. Все цвѣло и благоухало вокругъ нихъ и красавица съ каждымъ днемъ становилась все прекраснѣе и веселѣе, но Али-Марданъ не былъ счастливъ. Словно тяжелый камень лежалъ у него на

сердцѣ; лицо его приняло странный бѣловатый оттѣнокъ, а взглядъ становился неподвижнымъ, словно каменнымъ.

Проходилъ разъ мимо ограды сада слуга одного святого отшельника. Онъ возвращался отъ священнаго озера Гангабала, что лежитъ на снѣжной вершинѣ горы Гарамукъ и несъ оттуда сосудъ съ водою своему господину. Каждый годъ направлялся онъ такимъ образомъ къ священному озеру, но ни разу еще не пришлось ему проходить мимо садовъ Шалимара. Изъ-за высокой ограды виднѣлись верхушки фонтановъ; они сверкались и переливались какъ снопы солнечныхъ лучей. Слуга захотѣлъ поближе рассмотреть красивое зрѣлище.

Одна минута и онъ перелѣзъ черезъ стѣну и очутился въ саду. Онъ бродилъ какъ очарованный среди цвѣтниковъ, съ восторгомъ вдыхая въ себя опьяняющій ароматъ, прислушиваясь къ журчанью и плеску воды. Наконецъ, онъ страшно усталъ, сѣлъ подъ деревомъ и крѣпко заснулъ.

Царь въ это время проходилъ по саду. Онъ замѣтилъ распростертаго на землѣ человѣка и увидѣлъ, что онъ крѣпко держитъ что-то въ правой рукѣ. Али-Марданъ осторожно разжалъ пальцы спящаго и нашель крошечный ящичекъ, а въ немъ какую-то благовонную мазь.

Онъ еще разглядывалъ ее, когда спящій проснулся и, не чувствуя въ рукѣ ящичка, началъ громко стонать. Али-Марданъ подошелъ къ нему, показалъ коробочку и обѣщаль отдать ее, если тотъ чистосердечно объяснитъ въ чемъ дѣло.

«Великій государь!» сказалъ слуга, «эта коробочка принадлежитъ моему господину, святому отшельнику. Въ ней хранится мазь, обладающая многими волшебными свойствами. Она охраняетъ меня отъ всякаго зла и даетъ возможность сокращать разстояніе. Мой господинъ живетъ далеко, далеко отсюда, но, благодаря мази, я въ нѣсколько дней дохожу до священнаго озера и наполняю тамъ свой сосудъ, такъ что у господина моего всегда есть запасъ священной влаги».

«Скажи мнѣ правду! Дѣйствительно ли господинъ твой такой святой человѣкъ? Дѣйствительно ли можетъ онъ творить чудеса».

— О, царь! Онъ дѣйствительно святой человѣкъ. Нѣтъ для него ничего скрытаго на землѣ».

Царь почувствовалъ вдругъ непреодолимое желаніе видѣть святого старца. вмѣсто того, чтобъ отдать коробку слугѣ, онъ положилъ ее въ карманъ и сказалъ: «Иди къ господину своему и скажи ему, что царь Али-Марданъ завладѣлъ волшебною мазью и не отдастъ ее пока старецъ самъ не явится за нею». Онъ надѣялся, что отшельникъ будетъ такимъ образомъ принужденъ явиться къ нему.

Долго шель слуга. Съ помощью мази онъ пробѣгалъ это разстояніе въ нѣсколько дней, а теперь ему пришлось идти болѣе двухъ лѣтъ. Наконецъ онъ предсталъ передъ господиномъ, бросился къ ногамъ его и повѣдалъ ему все. Отшельникъ разсердился, но дѣлать было нечего. Ему трудно было обойтись безъ волшебной мази и онъ тот-часъ же снарядился въ путь ко двору Али-Мардана.

Царь встрѣтилъ его съ большими почестями и тотчасъ же возвратилъ ему коробку съ волшебною мазью.

Отшельникъ пристально взглянулъ на царя и царь тот-часъ же почувствовалъ странное облегченіе. Онъ далъ знакъ приближеннымъ удалиться.

— «Скажи мнѣ, о царь!» спросилъ отшельникъ, когда они остались одни, «отчего лицо твое покрыто такою блѣдностью, отчего взоръ твой холодитъ какъ камень? Давно ли

это такъ? Откройся мнѣ. Ты былъ ласковъ со мною, можетъ быть мнѣ удастся сдѣлать что-нибудь для тебя».

Царь понурилъ голову, но ничего не отвѣтилъ.

«Откройся мнѣ!» настаивалъ отшельникъ. «Не завладѣла ли сердцемъ твоимъ чужая женщина?»

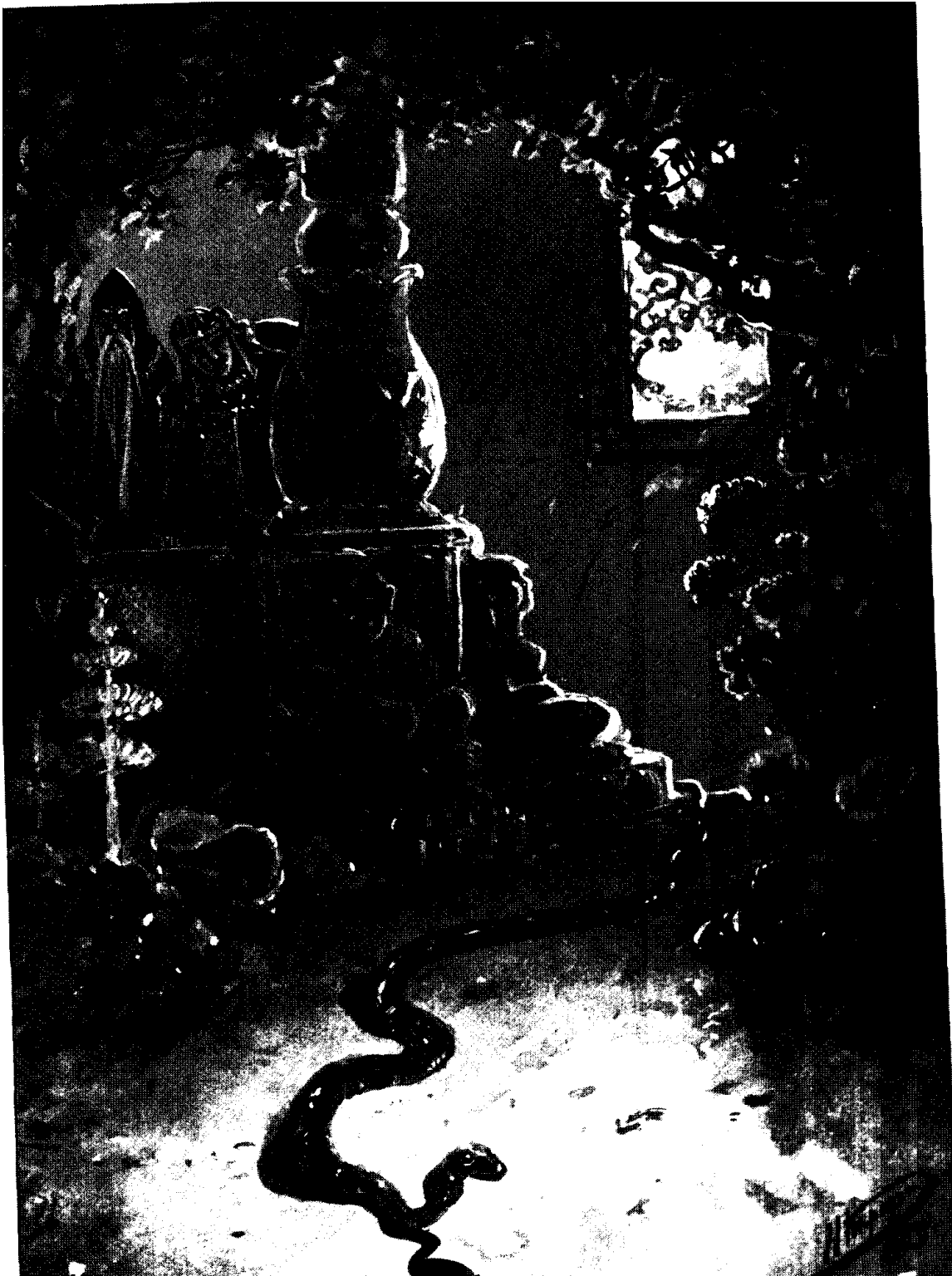
Тогда Али-Марданъ заговорилъ и чѣмъ больше онъ говорилъ, тѣмъ легче становилось у него на душѣ. Онъ разсказалъ отшельнику какъ охотился въ лѣсу, какъ нашелъ тамъ прекрасную рабыню Китайскаго императора, какъ привезъ ее въ свой дворецъ.

«Это не рабыня императора, это не женщина», твердо сказалъ отшельникъ, «это коварная ламія — страшная двухсотлѣтняя змѣя, которая обладаетъ свойствомъ превращаться въ женщину. Она губить всѣхъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло; она погубить тебя, царь, погубить и все твое царство!»

Царь Али-Марданъ гнѣвно сверкнулъ очами; онъ безумно любилъ чужеземку и не могъ допустить мысли, чтобъ подъ ея волшебною красою крылась отвратительная змѣя.

Отшельникъ упорно стоялъ на своемъ и царь, наконецъ, обѣщалъ сообразоваться съ его указаніями, но прежде всего провѣрить насколько справедливы слова старца.

Къ вечеру того же дня онъ приказалъ приготовить къ ужину лепешки изъ риса двухъ сортовъ: однѣ съ солью, другія съ сахаромъ и уложить ихъ на блюдѣ такъ, чтобъ съ одной стороны приходились соленыя, съ другой сладкія.

...Царь ясно увидѣль, какъ отвратительная скользкая змѣя, извиваясь, блеснула по полу и скрылась за дверью...

Когда царь по обыкновенію сѣлъ ужинать съ женою за одно блюдо, онъ повернулъ къ ней блюдо съ соленой стороны.

Красавица начала есть, и нашла лепешки очень солеными, но такъ какъ царь ѣлъ и ничего не говорилъ, она побоялась разсердить его и продолжала ѣсть молча.

Когда они пошли спать, царь, помня наставленія старца, скоро притворился спящимъ. Красавица же не могла спать: ее томила страшная жажда послѣ соленыхъ лепешекъ, а въ комнатѣ не было не капли воды; выйти же она боялась, такъ какъ женщина-змѣя, выходя ночью, должна принять свой настоящій видъ. Долго крѣпилась она, наконецъ не выдержала и, убѣдившись, что супругъ спитъ, проворно соскочила съ постели... Въ ту же минуту царь ясно увидѣлъ, какъ отвратительная скользкая змѣя извиваясь блеснула по полу и скрылась за дверью. Царь неслышно пошелъ за нею. Онъ видѣлъ, какъ она останавливалась по дорогѣ у каждаго фонтана, чтобъ глотнуть воды, какъ она дошла наконецъ до озера, какъ жадно стала пить изъ него, а затѣмъ погрузилась въ прохладныя волны и стала купаться.

Царь въ ужасѣ вернулся домой и молилъ отшельника избавить его отъ опасной очаровательницы, такъ какъ самъ не въ силахъ былъ предпринять что-либо противъ нея. Отшельникъ обѣщаль помочь, но лишь подъ условіемъ, чтобъ царь безпрекословно повиновался ему. Онъ приказаль изготвить печь изъ ста различныхъ металловъ, сплавленныхъ вмѣстѣ, къ печи придѣлать крѣпкую заслонку и тяжелый замокъ. Печь поставили въ тѣнистомъ углу сада и крѣпко приковали къ землѣ желѣзными цѣпями.

Когда все было готово, царь сказалъ женщинѣ-змѣѣ: «Сердце мое! Пойдемъ, исчезнемъ съ тобою на весь день въ саду! И обѣдъ тамъ сами себѣ сготовимъ!»

Она, ничего не подозрѣвая, согласилась. И они долго гуляли по саду, смѣялись и шутили; а когда проголодались принялись за работу и стали готовить себѣ обѣдъ.

Раджа затопилъ печь и сталъ мѣсить тѣсто, но дѣло не спорилось у него въ рукахъ и онъ попросилъ красавицу помочь ему испечь хлѣбъ. Она сначала отказалась, говоря, что терпѣть не можетъ стоять у огня, но когда царь упрекнулъ ее, что она вѣрно не любитъ его, если не хочеть исполнить его желанія, она нехотя согласилась и понесла сажать хлѣбъ въ печку.

Но не успѣла она нагнуться надъ устьемъ печки, какъ отшельникъ, подстерегавшій ее, толкнулъ ее въ огонь, захопнулъ дверцу и крѣпко-накрѣпко завернулъ замокъ.

Бѣшено закрутилась и завертѣлась въ огнѣ огромная змѣя... Неистовые скачки ее такъ потрясали печь, что, не будь крѣпкихъ цѣпей, печь, конечно, съ змѣею вмѣстѣ вылетѣла бы изъ сада! Но вырваться изъ печи змѣя не могла: отшельникъ крѣпко держаль ее могучими заклинаніями. Такъ прошло нѣсколько часовъ; наконецъ все смолкло; внутри печи все успокоилось.

Отшельникъ подождаль пока печь остынетъ и открылъ заслонку. Женщина-змѣя исчезла безъ слѣда; лишь въ одномъ углу оказалась куча золы, а въ ней маленькій круглый камень. Старецъ подаль его царю: «Возьми, о царь! Это вещество — сущность женщины-змѣи. Все, до чего бы ни коснуться этимъ камнемъ, превращается въ золото».

Царь нѣсколько минутъ задумчиво смотрѣлъ на камень. «Нѣтъ, святой отецъ», твердо сказалъ онъ: «не хочу я этого камня: жизнь человѣка ничто передъ такимъ сокровищемъ! Сколько зависти, распрей и крови повлечетъ за собою обладаніе имъ!»

И онъ взялъ волшебный камень и унесъ его далеко оттуда, и тамъ бросилъ въ глубокую рѣку, чтобъ не могъ онъ сѣять вражды и раздора между людьми.

Царскій цвѣтокъ

У одного раджи умерла жена, оставивъ ему двухъ малолѣтнихъ дочерей. Раджа вскорѣ послѣ того женился на другой и съ тѣхъ поръ заботы о дѣвочкахъ представилъ всецѣло молодой супругѣ. Новая царица очень равнодушно относилась къ падчерицамъ и даже нерѣдко обижала ихъ такъ, что дѣвочки далеко не были счастливы. Разъ старшая сказала младшей: «Что намъ здѣсь дѣлать? Мы никому не нужны, уйдемъ отсюда. Будемъ жить вдвоемъ, гдѣнибудь въ джунгль». Онѣ ушли изъ дворца и скрылись въ сосѣдней чащѣ. Нѣсколько дней бродили онѣ усталыя и голодныя, питающія дикими кореньями и плодами, наконецъ добрели до какого-то жилища. «Знаешь ли, сестрица», сказала младшая царевна: «это вѣрно дворецъ какого-нибудь ракшаса (людоеда). Но, кажется, дверь открыта и никого нѣтъ. Пойдемъ, поищемъ, не найдемъ ли чего поѣсть». Онѣ вошли. Домъ дѣйствительно оказался пустымъ. Онѣ нашли немного варенаго риса, съ удовольствіемъ съѣли его, потомъ вымели полъ, прибрали все въ комнатѣ и ужъ располагались отдохнуть, какъ вдругъ послышались тяжелые шаги: то возвращались домой людоедъ съ женою! Дѣвочки стремглавъ пустились бѣжать пробрались на самый верхъ дома и оттуда на крышу и спрятались тамъ за кучкою сноповъ. Съ этой крыши открывался видъ на внутренній дворъ съ одной стороны и на открытое поле съ другой. Это было любимое мѣсто

Здѣсь любили они отдыхать...

пребываніе супруговъ ракшасовъ. Здѣсь любили они отдыхать въ знойные лѣтніе вечера; здѣсь сушили они бѣлье; здѣсь обмолачивали и вѣяли зѣрно. Въ одномъ углу лежала еще большая куча необмолоченныхъ сноповъ и царевны были за ними въ полной безопасности.

Ракшасъ вошелъ въ домъ, посмотрѣлъ вокругъ и съ удивленіемъ спросилъ: «Кто это домъ убиралъ? Что-то ужъ очень чистой все такъ красиво разставлено... Жена, ты, что-ли?» — «Нѣтъ. Ума не приложу, кто могъ это сдѣлать!» съ недоумѣшемъ отвѣчала ракшаска. «Посмотри-ка, и дворъ выметень!» продолжалъ ракшасъ. «Это ты?» — «И не думала! Кто бы это могъ быть?» Ракшасъ уже стоялъ во дворѣ и поводилъ носомъ во всѣ стороны. «Постой-ка. Я чую кого-то... Кто то здѣсь есть. Я чую живую кровь и мясо. Кто то къ намъ забрался». — «Ну, вотъ, пустяки! Тебѣ всюду кровь мерещется! Весь день рыщешь и народъ сотнями глжешь, не мудрено, что кровью пахнетъ!» Нѣкоторое время слышно было какъ они шумѣли и бранились. «Ну, ладно, будь по-твоему, я пить хочу. Пойдемъ къ колодцу напьемся». Они подошли къ колодцу и стали спускать туда тяжелый сосудъ. Только этого и ждала младшая царевна, наблюдавшая съ крыши. Она быстро сбѣжала внизъ, улучила минуту, когда оба ракшаса, стоя на цыпочкахъ, наполовину свѣсились въ колодець, ловко схватила и того, и другого за пятки и разомъ толкнула въ колодець. Тамъ они и утонули.

Царевны завладѣли домомъ и зажили спокойно. Онѣ нашли тамъ много золота и драгоценныхъ вещей, а также цѣлыя кучи всевозможныхъ богатыхъ одеждъ, награбленныхъ ракшасами. Около дома были сараи для скота и обширныя пастбища. Каждое утро младшая царевна выгоняла скотъ въ поле и возвращалась только къ ночи, а старшая оставалась дома, готовила обѣдъ и прибирала въ домѣ. Младшая, самая умная изъ нихъ, часто, уходя въ поле, говорила сестрѣ: «Сестрица, берегись, чтобъ кто тебя не увидѣлъ. Ты такая красавица! Смотри, если вдругъ позоветъ тебя кто-нибудь, воды кто попроситъ или нищій какой забредетъ, выйди, если хочешь, только прикрой себя лохмотьями, да лицо, хоть сажею, мазни, чтобъ не похитили тебя, мою голубку, не разлучили бы насъ съ тобою?». — Не бойся, сестрица, все сдѣлаю, какъ велишь. Время шло и никто не проходилъ той стороною. Разъ, однако, младшая царевна только что ушла въ поле, какъ вдали показалась толпа охотниковъ. То былъ царевичъ той страны со своими приближенными. Они уже нѣсколько дней охотились въ джонглѣ вдали отъ жилья, сильно устали и хотѣли пить, а воды нигдѣ не оказывалось. Царевичъ первый замѣтилъ красивый домъ. «И кому это пришла охота строить такой дворець среди глухого лѣса?» воскликнулъ онъ. «Впрочемъ для насъ же лучше: навѣрно не откажутся владѣльцы дать намъ глотокъ воды». — Нѣтъ, нѣтъ, нельзя туда идти!» заволновались придворные, «тамъ, вѣрно ракшасы живутъ». — «Посмотримъ и увидимъ», рѣшилъ царевичъ. «Не думаю, чтобъ тамъ скрывалось что-либо ужасное: нигдѣ не шелохнется, никто не показывается». Онъ сталъ стучать въ закрытую дверь: «Отзовись, хозяинъ! будь милостивъ, дай воды испить мнѣ и моимъ людямъ!» Но все по-прежнему было тихо. Царевна слышала голосъ и побѣжала въ свою комнату наскоро вымазать лицо сажею и прикрыть лохмотьями свой блестящій нарядъ. Царевичъ тѣмъ временемъ потерялъ терпѣніе и гнѣвно дергалъ дверь, приговаривая: «Ей вы тамъ, отворяйте скорѣе не то дверь выломаю!» Маленькая царевна смертельно испугалась; едва успѣвъ мазнуть себѣ лицо, она сбѣжала по лѣстницѣ съ кружкой воды и, открывъ дверь, молча поднесла ее царевичу; говорить она не рѣшалась, такъ была напугана. Царевичъ взялъ кружку, поднесъ ее къ губамъ. «Что за странное явленіе!» подумалъ онъ, глядя на дрожащую дѣвушку. «Даже была бы недурна, только ужъ очень грязна, да и одежда не въ особенномъ порядкѣ. Что за черныя пятна у нея на лицѣ и на рукахъ? Что-то тутъ подозрительно». И, не долго думая, царевичъ плеснулъ водою прямо въ лицо царевнѣ. Дѣвушка вскрикнула и отскочила: потоки грязи струились по ея лицу и открывали нѣжныя прелестныя черты... Она хотѣла бѣжать, но царевичъ крѣпко держалъ ее за руку. «Кто ты? говори правду? Откуда пришла? Кто твои родители? Отчего

ты одна такъ далеко въ пустынь? Отвѣчай, или я голову тебѣ снесу». И онъ сдѣлалъ движеніе будто хочеть выхватить мечъ. Царевна такъ испугалась, что едва слово могла выговорить; кое какъ пробормотала она, что она дочь раджи, что бѣжала отъ мачехи въ джонгли, что нашла домъ пустымъ и поселилась тамъ. И она горько зарыдала. «Не плачь, прелестное дитя, прости мою грубость. Не бойся, я возьму тебя съ собою въ свой дворець, ты будешь моею женою». Но она отъ страха даже не слышала, что онъ ей говорилъ и продолжала неутѣшно рыдать. Про сестру она ничего не сказала царевичу, даже не упомянула о ней. «Этотъ злодѣй грозить убить меня. Онъ и сестру убьетъ, если узнаетъ, что у меня есть сестра». Бѣдная маленькая царевна! Царевичъ, напротивъ, былъ очень добрый человѣкъ и, знай онъ, что у царевны есть сестра, онъ никогда не рѣшился бы разлучить ее съ нею. Но онъ ничего этого не зналъ, а видѣлъ только, что царевну никакими словами не успокоишь и потому распорядился, чтобъ ее осторожно посадили въ паланкинъ и несли во дворець.

Когда царевна увидѣла себя въ паланкинѣ и почувствовала, что ее несутъ, куда, — неизвѣстно, она пришла въ отчаяніе. Она живо представила себе ужасъ сестры, когда та найдетъ домъ пустымъ и стала придумывать, какъ бы дать ей знать о себѣ. На шеѣ у царевны было богатое ожерелье въ нѣсколько рядовъ крупнаго жемчуга. Она быстро распустила его, разорвала покрывало на мелкіе кусочки и стала завязывать по жемчужинкѣ въ каждый лоскутокъ. Отъ времени до времени она выбрасывала на дорогу по лоскутку; такъ дѣлала она въ продолженіе всего пути. Послѣдній лоскутокъ упалъ какъ разъ у воротъ дворца, гдѣ жили родители царевича.

Скоро торжественно отпраздновали свадьбу молодого раджи съ прекрасною царевною и дали ей много богатыхъ одеждъ и драгоценностей и всѣ очень ласково отнесли къ ней. Царевна, однако, не чувствовала себя счастливою; она все время думала о сестрѣ, но у нея не хватило мужества во всемъ открыться супругу и попросить его розыскать младшую царевну.

Между тѣмъ младшая царевна вернулась домой и къ удивленію своему нашла дверь открытою настежь, а домъ пустымъ. Она обѣжала всѣ комнаты, заглянула во всѣ уголки; сестры нигдѣ не было. Тѣмъ временемъ стемнѣло; было бы безуміемъ бѣжать искать ее въ джонгли; оставалось ждать до утра. Несчастливая царевна всю ночь провела въ слезахъ. Утромъ чуть свѣтъ она бросилась въ поле и нашла одинъ изъ лоскутковъ, а немного далѣе другой. Она тотчасъ же узнала покрывало и жемчугъ сестры и рѣшила идти по указанному ей слѣду. Долго долго шла она; ходьба утомляла ее, да иногда приходилось по два, три дня искать слѣдующій лоскутокъ. Наконецъ, она дошла до большого города и остановилась въ раздумьи. «Какъ бы мнѣ устроиться, чтобъ не обращать на себя вниманіе», думала она. Тутъ она увидѣла въ сторонѣ отъ дороги трупъ какой то старухи: очевидно несчастная умерла отъ голода, такъ какъ тѣло все высохло, оставалась лишь кожа да кости. Царевна сняла кожу, вымыла ее въ ближайшемъ ручьѣ и натянула ее на свое прелестное личико и нѣжныя ручки. Тутъ же валялся грязный посохъ; она взяла его и, прихрамывая, побрела въ городъ. Трудно было казаться болѣе безобразною: кожа была вся сморщенная и покрыта струпьями и всѣ при видѣ старухи отворачивались и шептали: «Что за уродливая старая вѣдьма!» А она шла себѣ, шла, подбирая жемчужинки въ лоскуткахъ, то тутъ, то тамъ, наконецъ дошла до самага дворца. Дальше некуда было идти: сестра очевидно была близко, но гдѣ? Стража не пускала ее дальше, а предложить жемчугъ она боялась, чтобъ не приняли ее за воровку. Она рѣшила поселиться гдѣ-нибудь по близости и ждать.

Какъ разъ противъ воротъ дворца стояла хижина привратника. Жена его, давно слѣдившая за старухой, окликнула ее: «Что ты стоишь тутъ, матушка? Можетъ ждешь кого? Что тебѣ надо? Кто ты такая?» — «Ахъ, голубка моя», шамкая, отвѣчала царевна: «я бѣдная, одинокая женщина. Нѣтъ у меня ни отца, ни матери, ни сына, ни дочери, ни брата, ни сестры. Некуда мнѣ голову преклонить, я одна одинешенька на бѣломъ свѣтѣ».

— Не горюй, матушка, оставайся здѣсь. Можешь спать у насъ подъ навѣсомъ, а кормить я тебя буду». И царевна осталась жить у воротъ и питалась тѣмъ, что приносила ей добрая жена привратника.

Быль недалеко отъ дворца большой прудъ, а на этомъ пруду росли чудные пурпуровые лотусы — царскій цвѣток, и раджа очень любилъ ихъ и дорожилъ ими. Кромѣ особъ царскаго дома, никто не имѣлъ права прикасаться къ нимъ. И вотъ къ этому-то пруду стала каждое утро ходить царевна. Она шла туда еще до разсвѣта, когда всѣ спали, стаскивала съ себя старушечью кожу, полоскала ее и вывѣтривала; затѣмъ садилась на ступеньки, расчесывала свои роскошные волосы, мыла лицо, плескалась ногами въ водѣ. Иногда она срывала лотусъ они такъ напоминали ей дѣтство — прикладывала его къ себѣ и любовалась своимъ отраженіемъ въ водѣ... Но какъ только кожа высохнетъ, она бросала лотусы, натягивала старую кожу и снова, ковыляя, плелась къ домику привратника.

Тѣмъ временемъ раджа замѣтилъ, что стали пропадать его любимые цвѣты. Приставлена была стража, но вора не могли найти, а между тѣмъ каждый дѣнь на водѣ лежали измятые и изломанные лотусы.

Младшій сынъ раджи, братъ того царевича, что похитилъ принцессу, вызвался самъ поймать вора. Онъ съ вечера пошелъ къ пруду, залѣзъ на дерево и рѣшилъ караулить всю ночь, не смыкая глазъ. Долго ждалъ онъ напрасно. Ночь приходила уже къ концу; прудъ тихо сіялъ, озаренный луною, а на пруду неподвижно красовались нѣжныя чашечки лотусовъ. Царевича стало клонить ко сну. «Вероятно, воръ раздумалъ приходить», — подумалъ онъ. Вдругъ на тропинкѣ къ пруду показалась старая женщина. Царевичъ узналъ въ ней ту старуху, что стояла постоянно у воротъ дворца. «Вотъ оно что! Нашелся, значитъ, воръ. Только на что ей, старой вѣдьмѣ, лотусы?» Каково же было его удивленіе, когда старуха спокойно сѣла на мраморныя ступени и начала стаскивать съ себя кожу. И, о боги, что за чудное личико оказалось подъ нею! Такое нѣжное, юное, такъ ослѣпительно прекрасное, что царевичъ чуть на землю не слетѣлъ отъ восторга: «Что это — женщина или свѣтлый духъ?»

Царевна спустила ноги въ прудъ и, сорвавъ нѣсколько лотусовъ, стала украшать ими свои длинные черные волосы. Такъ забавлялась она до восхода солнца, затѣмъ бросила цвѣты, натянула на себя прежнюю сморщенную кожу и поспѣшно удалилась.

Царевичъ тотчасъ же пошелъ домой и, прежде всего, бросился къ родителямъ: «Отецъ мой и ты, матушка! Я нашелъ себѣ невѣсту: позвольте мнѣ жениться на той старухѣ, что стоитъ весь день у воротъ дворца». — «Что!» воскликнули оба. — «Жениться на той сморщенной, высохшей каргѣ? Ты съ ума сошелъ! Опомнись — вѣдь ты царскій сынъ. Неужели не стало больше на свѣтѣ царевенъ и царицъ, что ты женишься на грязной, старой нищей?» — «Такъ мила мнѣ эта старуха, что нѣтъ мнѣ милѣе на свѣтѣ», отвѣчалъ царевичъ. «Я всегда былъ покорнымъ сыномъ: умоляю васъ на этотъ разъ исполнить мое желаніе». Никакія убѣжденія не помогли, царевичъ твердо стоялъ на своемъ. Раджа крайне неохотно приказалъ стражѣ привести старуху и обвѣнчать ее съ царевичемъ. Конечно, все это совершилось безъ торжествъ: ужъ слишкомъ безумнымъ казался всѣмъ выборъ царевича.

Какъ только молодые остались одни: «Ну что же, дорогая? Долго ты намерена оставаться въ своей старой шкурѣ? Не лучше ли ее снять? прошу тебя, сними ее скорѣ!»

Царевна недоумѣвала: открылъ ли супругъ, дѣйствительно, обманъ, или лишь догадывался о немъ? Она поняла, что если царевичъ увидитъ ея настоящее лицо, онъ не отпуститъ ее отъ себя, а какъ тогда найти сестру? Нѣтъ, пусть лучше такъ остается. И она отвѣчала: «Право не знаю, про что ты говоришь: какую годы меня создали, такова я и есть. Какъ можетъ человѣкъ снять съ себя кожу?» — «Снимай сейчасъ же эту дрянъ, или я убью тебя!» крикнулъ царевичъ. Но она покорно наклонила голову: «Убей, если хочешь, но никто не въ силахъ снять своей кожи», повторила царевна, шамкая словно древняя старуха, у которой ни одного зуба во рту не осталось. Царевича сильно забавляло такое непонятное упорство. «Пусть поупрямится», — подумалъ онъ, «подожду, посмотрю, какъ долго это будетъ длиться». И онъ спокойно вышелъ изъ комнаты.

Царевна осталась въ старой кожѣ, но каждый день поутру она вставала, мыла свою кожу, сушила ее и потомъ снова надѣвала. Царевичъ все время слѣдилъ за женою и вотъ однажды, когда она пошла мыть свою кожу и положила ее сушить на полъ, онъ незамѣтно подкрался, схватилъ кожу и убѣжалъ съ нею.

Пришлось царевнѣ остаться въ своемъ настоящемъ видѣ.

Печальная и прекрасная, робко вернулась она въ свою комнату. Тутъ ее встрѣтилъ супругъ. «Какъ поживаешь, голубка?» засмѣялся онъ. «Гдѣ твоя милая шкурка? Что же не надѣнешь ее?»

Скоро вѣсть о чудесномъ превращении облетѣла весь дворецъ. Всѣ смѣялись и ликовали и народъ восклицалъ: «Она точь въ точь, какъ прекрасная супруга нашего молодого раджи, та красавица, что онъ нашель въ джонгляхъ!» А старый раджа съ супругою были внѣ себя отъ радости и тотчасъ повели царевну къ женѣ старшаго сына. Какъ описать радость обѣихъ сестеръ! Ликовалъ царевичъ, ликовалъ раджа и весь народъ, но счастливѣе всѣхъ счастливыхъ были прекрасныя царевны. И много, много лѣтъ прожили онѣ послѣ того, любя другъ друга и окруженныя всеобщою любовью.

За чужимъ счастьемъ не гонись или счастье счастливому

Жиль въ одномъ городѣ богатый браминъ. Надумалъ онъ однажды строить себѣ новый домъ, болѣе обширный и помѣстительный, чѣмъ его старое жилище, и болѣе, какъ ему казалось, соотвѣтствующій его состоянію. Приступилъ онъ къ этому дѣлу обдуманно и крайне осторожно: созвалъ знающихъ людей и, сообразно ихъ указаніямъ, выбралъ мѣсто для постройки; тщательно избѣгалъ при работѣ тѣхъ дней и часовъ, которые считаются у индусовъ неблагоприятными для всякаго дѣла, и такимъ образомъ строилъ домъ свой въ продолженіе десяти лѣтъ. Когда настало время переходить въ домъ, онъ и тутъ рѣшилъ соблюсти всѣ обряды, установленные обычаемъ: истратилъ крупную сумму денегъ на чествованіе боговъ, высшихъ и низшихъ, и вступилъ подъ своды новаго жилища при звукахъ оглушительной музыки. Весь день прошелъ въ церемоніяхъ и празднествахъ; наконецъ, къ ночи, гости разошлись по домамъ, а усталый хозяинъ легъ отдохнуть. Не успѣлъ онъ однако, заснуть какъ его разбудилъ грозный окликъ: «Падать, что-ли? Падать, что-ли?», звучало гдѣ-то надъ его головою. Браминъ застылъ отъ ужаса. «Вѣрно злой духъ поселился въ домѣ!» подумалъ онъ. Снова прозвучалъ зловѣщій голосъ... Несчастному домовладѣльцу представилось, что крыша грозитъ обрушиться на него. Живо разбудилъ онъ домашнихъ и тутъ же, ночью, поспѣшили выбраться изъ злополучнаго дома обратно въ старое жилище.

«Строй тѣсно, живи широко», гласитъ пословица, предостерегая благоразумныхъ людей затрачивать капиталъ на пышныя жилища. Съ горечью думалъ объ этомъ богатый браминъ: ему жаль было денегъ, затраченныхъ на постройку, да и то, что, несмотря на предосторожности, завелись въ немъ злые духи — это могъ онъ объяснить лишь крупною величиною дома. Вѣсть о происшедшемъ быстро облетѣла окрестность. Всѣ заговорили о заколдованномъ домѣ и рассказывали всякія чудеса. Прачки съ сосѣдней рѣчки клялись, что, идя по утру къ рѣкѣ, видѣли цѣлую толпу демоновъ вкругъ средняго столба злополучнаго дома; одна даже увѣряла, что замѣтила въ ту ночь какой-то зловѣщій свѣтъ вдоль всего зданія.

Несчастному домовладѣльцу ничего болѣе не осталось, какъ съ сокрушеннымъ сердцемъ запереть домъ, плодъ долготѣнихъ трудовъ и затратъ, и окончательно поселиться въ старомъ своемъ жилищѣ. Такъ прошло около полугода.

Жиль въ томъ же селеніи нищій браминъ. У него была огромная семья и онъ выбивался изъ силъ, чтобъ какъ-нибудь прокормить ее. Часто принужденъ онъ былъ ходить изъ дома въ домъ, выпрашивая подаеніе, и чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ. У него не было даже дома, чтобъ приютить семью; тѣснились они въ маленькой лачугѣ на краю деревни, да и та уже разваливалась, а между тѣмъ приближалась зима. Несчастный дошелъ до такого состоянія, что рѣшилъ покончить съ собою, только у него не хватало духа сдѣлать это собственными руками. Прослышавъ про заколдованный домъ, онъ нашель, что самое лучшее забраться туда съ семьей и отдать себя на растерзаніе демонамъ. Намѣреніе это держалъ онъ въ тайнѣ отъ всѣхъ. Онъ пошелъ къ богатому брамину и такъ сказалъ ему:

—Благородный господинъ! Зима приближается, а крыша моей хижины совсѣмъ обвалилась. Дозволь провести дождливое время въ твоёмъ новомъ домѣ.

Богачъ былъ радъ случаю, что хоть кто-нибудь поселится въ его злополучномъ домѣ и, не колеблясь, отвѣчалъ: «Святой отецъ! пользуйся домомъ моимъ, сколько пожелаешь.

Засвѣти тамъ свѣтильникъ свой и да хранять тебя боги! Я выстроилъ зданіе, но не судьба мнѣ жить тамъ. Иди и попытай счастья».

Съ этими словами богатый домовладѣлецъ отдалъ бѣдняку ключъ отъ дома.

На слѣдующій день нищій браминъ переселился туда со всею семьею. День прошелъ благополучно; когда же стемнѣло, всѣ легли спать; одинъ браминъ не спалъ и ждалъ, что будетъ. Ровно въ полночь раздался голосъ: «Падать, что-ли? Падать, что-ли?» Твердо рѣшившись погибнуть съ женою и дѣтьми и убѣжденный, что это должна упасть на него крыша, браминъ воскликнулъ: «Падай, о падай скорѣе!» и вдругъ — каскадомъ полился съ потолка шумный потокъ золотыхъ монетъ. Онѣ падали, падали, звеня и сталкиваясь, все шире и шире разбѣгаясь по комнатѣ. Браминъ сидѣлъ среди пола выпуча глаза и ничего не понималъ. Наконецъ, онъ сталъ опасаться, что золотая волна зальетъ его, и крикнулъ: «Довольно, остановись!» Надо сказать, что видъ золотого моря тотчасъ же отогналъ отъ него мысль о самоубійстве. «Остановись!» повторилъ онъ и потокъ тотчасъ же остановился. Шумъ золотого водопада разбудилъ всю семью. Браминъ рассказалъ имъ, въ чемъ дѣло, и всѣ вмѣстѣ стали сгребать деньги въ кучи и сносить въ отдѣльную комнату, восхваляя добродушіе того злого или добраго духа, который овладѣлъ домомъ и наградилъ ихъ такимъ богатствомъ. Рѣшено было держать дѣло въ тайнѣ и, къ чести сказать семьи бѣднаго брамина, никто не проговорился.

Съ того дня браминъ сталъ каждое утро размѣнивать по золотой монетѣ и покупать все необходимое для семьи. Это не могло не возбудить вниманія и скоро прошелъ слухъ, что нищій браминъ нашелъ кладъ въ заброшенномъ домѣ. Дошли эти слухи до богача. Тотъ самъ пошелъ къ собрату, распросить его о кладѣ. Бѣдный браминъ добросовѣстно рассказалъ все безъ утайки. Тогда домовладѣлецъ пожелалъ лично убѣдиться въ его словахъ и даже остался ночевать съ нимъ въ домѣ: такъ соблазнялъ его золотой потокъ!

Около полуночи снова раздался окликъ: «Падать, что-ли?» «Падай» сказалъ браминъ, и мигомъ полились водопадомъ золотыя монеты. Бѣднякъ бросился сгребать ихъ въ кучу, а богатый домовладѣлецъ, дрожа, отступилъ въ самый дальній уголъ: онъ видѣлъ не потокъ золота, а потокъ блестящихъ скорпіоновъ. Бѣднякъ безстрашно собиралъ ихъ руками, а богачу казалось, что скорпіоны ползутъ къ нему со всѣхъ сторонъ, готовые ужалить.

— Остановись! — крикнулъ браминъ, и потокъ остановился.

— Это — твое, — привѣтливо обратился къ домовладѣльцу бѣдный браминъ, указывая на золотую кучу.

Домовладѣлецъ горько заплакалъ: «О, счастливый смертный! Не даромъ говаривалъ мой старикъ отецъ: «Счастье летитъ къ счастливому!» Только теперь понялъ я значеніе его словъ. Я выстроилъ домъ и бѣжалъ изъ него безъ оглядки, какъ только услышалъ тотъ странный окликъ. Да, конечно, хорошо сдѣлалъ, не то потокъ скорпіоновъ живо поглотилъ бы меня! Знай же, о болѣе счастливый другъ, что всѣ твои золотыя монеты для меня лишь отвратительные скорпіоны. Мнѣ не дано видѣть ихъ монетами. А у тебя есть этотъ даръ. Съ этой минуты домъ твой. Если ты пожелаешь подѣлиться со мною своимъ богатствомъ, когда уже обратишь его въ другую монету, — я приму съ благодарностью и буду благословлять тебя, но теперь я не смѣю прикоснуться къ нему».

Съ этими словами домовладѣлецъ вышелъ изъ дома боязливо оглядываясь: онъ все еще страшился скорпіоновъ.

Бѣднякъ такимъ образомъ сдѣлался счастливымъ обладателемъ клада и сталъ уже не бѣднякомъ, а богатѣйшимъ человѣкомъ всего государства. Онъ не забывалъ, однако, что

богатствомъ своимъ обязанъ бывшему хозяину дома и ежегодно дѣлился съ нимъ своимъ достояніемъ.

Такъ оправдалась пословица: «счастье летитъ къ счастливому».

Тигръ, браминъ и шакаль

Попался однажды тигръ въ ловушку. Онъ ревѣлъ и бился о стѣнки клѣтки, но не могъ сломить крѣпкихъ прутьевъ и съ бѣшенымъ ревомъ яростно катался по землѣ. Проходилъ мимо браминъ и остановился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ клѣтки.

«О, честный отецъ», взмолился къ нему тигръ, «сжался надо мною, выпусти меня изъ клѣтки!»

«Боюсь, другъ мой», кротко отвѣчалъ браминъ. «Кто тебя знаетъ? Выпустишь тебя, а вдругъ ты первымъ дѣломъ меня съѣшь?»

«Что ты, что ты, честной отецъ!» увѣрялъ тигръ «даже подумать объ этомъ не рѣшусь. Выказать такую черную неблагодарность! Да ты только выпусти меня и я на всю жизнь буду вѣрнымъ рабомъ твоимъ».

Такъ клялся и умолялъ тигръ, вздыхалъ и громко рыдалъ; мягкосердечный браминъ не выдержалъ и отодвинулъ крѣпкій засовъ клѣтки. Тигръ стремглавъ выскочилъ оттуда, смялъ подъ собою брамина и грозно зарычалъ: «А-а! Ты, мудрецъ, вообразилъ, что я и въ самомъ дѣлѣ тебя не трону? Напрасно! Какъ разъ во время ты подоспѣлъ: я страшно проголодался».

Тщетно браминъ молилъ о пощадѣ, ему удалось лишь вымолить обѣщаніе выслушать мнѣніе первыхъ трехъ, кто встрѣтится имъ, о томъ, справедливо ли поступаетъ тигръ. «Будь по-твоему, спросимъ троихъ», согласился тигръ, «успѣю потомъ тебя съѣсть».

Браминъ и тигръ пошли по дорогѣ искать себѣ судей. На пути стояло банановое дерево. Браминъ воззвалъ къ нему: «О дерево, выслушай меня и рѣши вопросъ». И онъ изложилъ все происшедшее. «Правъ ли тигръ, что хочетъ съѣсть меня?» Дерево сурово зашелестело въ отвѣтъ: «Есть на что жаловаться! Взгляни на меня. Развѣ я не укрываю подъ сѣнью своею каждаго путника, а развѣ тотъ взамѣнъ не ломаетъ моихъ нѣжныхъ вѣтокъ и не щиплетъ листьевъ моихъ на кормъ скоту? Не пищи, будь мужчиной». Тигръ оскалилъ зубы и повернулся къ своему спутнику. «Погоди, погоди», остановилъ его браминъ, «ты обѣщалъ выслушать мнѣніе трехъ».

Тигръ пошелъ дальше; браминъ медленно плелся рядомъ съ нимъ понуря голову. Невдалекѣ пасся верблюдъ. «О, будь судьей между нами», обратился къ нему браминъ. — «Въ чемъ дѣло?» спросилъ верблюдъ. И браминъ снова принялся рассказывать, какъ онъ повѣрилъ обѣщаніямъ тигра и выпустилъ его изъ клѣтки и какъ тотъ собирался нарушить данное слово: справедливо ли это?

Верблюдъ покачалъ головою. «Глупъ же ты, что рассчитываешь на благодарность! Посмотри на меня. Былъ я молодъ и силенъ и былъ нуженъ хозяину — онъ заботился обо мнѣ и кормилъ меня до сыта отборною пищею; теперь я старъ и на службѣ его потерялъ свои силы — онъ взваливаетъ на меня непосильный тяжести, онъ моритъ меня голодомъ, онъ часто бьетъ меня! Пусть ѣстъ тебя тигръ: люди жестокое и неблагодарное племя».

Снова тигръ хотѣлъ броситься на брамина, но тотъ напомнилъ ему обѣщаніе выждать третье мнѣніе.

Бѣжалъ по дорогѣ шакаль. «Дядя шакаль, голубчикъ, остановись, рѣши нашъ споръ!» «Въ чемъ дѣло?» любопытствовалъ шакаль. «Я и то вижу, что что-то приключилось. Твой несчастный видъ напоминаетъ мнѣ, съ позволенія сказать, рыбу на сухомъ берегу».

Браминъ началъ разсказывать. «Страшно запутанное дѣло!» вымолвилъ шакаль, внимательно выслушавъ до конца; «будь такъ добръ, повтори: ничего въ толкъ не возьму!»

Браминъ повторилъ все сначала, но маленькій шакаль лишь скорбно покачивалъ головою и, по-видимому, ничего не понималъ.

«Странно!» печально сказалъ онъ наконецъ: «въ одно ухо входитъ, въ другое выходитъ! Пойти развѣ на мѣсто происшествія: можетъ тамъ мнѣ легче будетъ обсудить дѣло».

Они направились къ клѣткѣ. Тигръ глухо рычалъ и ужъ натачивалъ свои когти и зубы. «Кончайте скорѣе, пора намъ и за обѣдъ приниматься!»

«Намъ!» подумалъ про себя несчастный браминъ, у котораго колѣна дрожали отъ страха: «нечего сказать, правильный способъ выраженія!»

«Еще чуточку обожди» молилъ онъ, «дай мнѣ объяснить дѣло этому шакалу: онъ по-видимому, туговатъ на пониманіе.

И браминъ снова принимался разсказывать, поясняя подробности и затягивая насколько возможно.

«Ой, голова моя, бѣдная головушка!» стоналъ шакаль, заламывая лапки. «Постой! съ чего все это началось? Ты былъ въ клѣткѣ, а тигръ бродилъ вокругъ...».

«Тѣфу ты, что за дуракъ!» прервалъ тигръ, «я былъ въ клѣткѣ».

«Я заставляю тебя понять! Ну, смотри на меня! Я — тигръ».

«Да, да, да...» — шакаль представился, что дрожить отъ страха — «понимаю, понимаю. Я былъ въ клѣткѣ... нѣтъ, не то... да что жъ наконецъ... ничего не понимаю! Постойте: тигръ былъ въ браминѣ... вдругъ появилась клѣтка.. нѣтъ, не то... опять не то! Не слушайте меня, друзья, начинайте обѣдъ; я все равно никогда не пойму!» — «Нѣтъ поймешь!» зарычалъ тигръ. Его приводила въ ярость тупость шакала. «Я заставлю тебя понять! Ну, смотри на меня! Я — тигръ».

— Такъ, такъ, господинъ! «А это — браминъ!»

— Такъ, такъ, повелитель! «А это — клѣтка!»

— Такъ, такъ!

— «Ну, такъ я былъ въ клѣткѣ... Поняль?»

— «Да... нѣтъ... простите...»

— «Ну что еще? нетерпѣливо огрызнулся тигръ...».

— Простите... о, будьте милостивы, господинъ! Какимъ путемъ попали вы туда... въ клѣтку, значить? «Болванъ! Обыкновеннымъ, полагаю!»

— Ой, бѣда моя! голова совсѣмъ кругомъ пошла... Не гнѣвайтесь, умоляю, о грозный владыка, объясните... какимъ это обыкновеннымъ путемъ?»

Тутъ тигръ совсѣмъ потерялъ терпѣніе. Съ размаха прыгнулъ онъ въ клѣтку и зарычалъ:

— «Видѣль! Поняль теперь, какъ дѣло было?»

— «Великолѣпно!» усмѣхнулся шакаль, ловко захлопывая дверцу. «А теперь, — разъ вы позволили мнѣ высказать свое мнѣніе — пусть все останется по старому».

Съ этими словами шакаль спокойно побѣжалъ въ одну сторону, а спасенный браминъ радостно продолжалъ свой путь въ другую.

Сынъ семи матерей

У одного раджи было семь женъ и ни одного сына. Это сильно заботило его и онъ съ грустью думалъ о томъ, что некому будетъ въ случаѣ смерти завѣщать управление царствомъ.

Зашелъ однажды во дворецъ престарѣлый факиръ, услышалъ о царскомъ горѣ и сказалъ царю: «Молитвы твои, о царь, услышаны, желаніе твое исполнится: у одной изъ царицъ вскорѣ родится сынъ».

Обѣщаніе это привело царя въ неописуемый восторгъ и онъ тотчасъ же издалъ приказъ, чтобъ по всему государству готовились къ торжественному празднованію предстоящаго радостнаго событія.

Тѣмъ временемъ семь царицъ роскошно жили въ богато убранномъ дворцѣ; сотни прислужницъ всячески старались угождать имъ; ихъ кормили отборнѣйшими яствами и угощали тончайшими лакомствами.

Царь любилъ охоту и каждый день по утру выѣзжалъ изъ дворца съ своими приближенными.

Однажды рано утромъ царицы прислали ему гонца:

«Семь царицъ просятъ милостиваго владыку своего не ѣздить на охоту къ сѣверу. Имъ снились тревожные сны и сердце ихъ чуетъ недоброе».

Царь, чтобъ успокоить супругъ, обѣщаль послѣдовать ихъ совѣту и дѣйствительно повернулъ къ югу. Но въ этотъ день счастье, какъ на зло, отвернулось отъ него; напрасно искалъ онъ какой-нибудь дичи, — дичи нигдѣ не было. Пробовалъ онъ повернуть на западъ, пробѣжалъ и на востокъ, всюду та же неудача. Не выдержалъ царь, — не возвращаться же домой съ пустыми руками, — забылъ свое обѣщаніе и поскакалъ къ сѣверу. Сперва и тутъ успѣха не было и онъ собирался уже

Царь тотчасъ же издалъ приказъ...

возвращаться домой, когда мимо него пронеслась чудная бѣлая лань съ золотыми рогами и серебряными копытами. Она мелькнула и исчезла въ чащѣ. Это произошло такъ быстро, что царь даже разглядѣть ее хорошенько не успѣлъ, но, раздосадованный неудачною охотою, онъ рѣшилъ во чтобы то ни стало поймать странное животное. Тотчасъ же приказано было свитѣ оцѣпить кустарникъ и выгнать лань. Начали постепенно суживать кругъ; царь шелъ впереди, выглядывая добычу. Онъ уже видѣлъ передъ собою красавицу лань, уже собирался схватить ее и вдругъ — чудное животное однимъ прыжкомъ перелетѣло черезъ голову царя,

МИНОВАЛО кругъ оторопѣвшихъ придворныхъ и помчалось въ горы. Забывъ все, царь понесся за нею. Онъ летѣлъ все впередъ и впередъ, оставивъ приближенныхъ далеко за собою, не ослабляя повода, все не теряя изъ вида бѣлую лань. Наконецъ онъ въѣхалъ въ узкую долину и принужденъ былъ остановиться. Горы смыкались тутъ сплошною стѣною, лани нигдѣ уже не было видно. Въ сторонѣ стояла бѣдная лачуга. Измученный бесплодною погонею, царь спѣшилъ и пошелъ къ лачугѣ попросить глотокъ воды. Въ хижинѣ за прялкою сидѣла старая женщина. Въ отвѣтъ на просьбу царя она позвала дочь и изъ внутренней комнаты вышла дѣвушка. Она была такъ поразительно прекрасна, такъ мила, такъ бѣла и съ такими чудными золотистыми волосами, что царь отступилъ пораженный. Никакъ не могъ ожидать онъ такой красавицы въ грязной горной лачугѣ.

Она поднесла кружку съ водою къ устамъ царя и, наклоняясь къ кружкѣ, онъ заглянулъ въ глаза дѣвушкѣ. То были глаза той бѣлой лани, за которою онъ только что гнался!

Отуманенный ея дивною красотою, царь упалъ передъ нею на колѣни и умолялъ ѣхать съ нимъ и быть его женою. Она лишь засмѣялась въ отвѣтъ и сказала, что одному царю довольно и семи царицъ. Тогда онъ далъ клятву, что ничего не пожалѣетъ, лишь бы она согласилась быть его женою. «Хорошо», смягчилась красавица, и потребовала въ залогъ любви его глаза несчастныхъ семи царицъ.

Царь стоялъ какъ заколдованный. Еще минута и онъ забылъ все, и царицъ, и ожидаемаго сына; онъ видѣлъ только смѣющіеся очи бѣлой дѣвы. Не задумываясь, поскакалъ онъ домой, велѣлъ принести себѣ глаза семи царицъ, бросить несчастныхъ ослѣпленныхъ въ темницу и тотчасъ же съ своимъ ужаснымъ даромъ вернулся къ невѣстѣ. Бѣлая лань громко засмѣялась, когда увидѣла четырнадцать глазъ, нанизала ихъ на нитку и надѣла ихъ въ видѣ ожерелья на шею матери: «Носи это, матушка, на память о дочери-царицѣ». И она отправилась съ царемъ во дворецъ, и онъ отдалъ ей всѣ наряды и драгоценности своихъ семерыхъ женъ, и дворецъ ихъ, чтобъ жить, и слугъ ихъ, чтобъ ухаживать за нею, все, все чего только она пожелала.

Тѣмъ временемъ, вскорѣ послѣ того какъ несчастныя царицы были ослѣплены и брошены въ тюрьму, у младшей изъ нихъ родился сынъ. Сперва остальные царицы завидовали счастью своей молодой подруги и недружелюбно встрѣтили малютку, но ребенокъ былъ такъ милъ и такъ привѣтливъ, что скоро всѣ семь полюбили его какъ родного сына. Скоро онъ оказался даже очень полезенъ своимъ названнымъ матерямъ. Только научился онъ ходить, какъ началъ скрести глиняную стѣну ихъ тюрьмы и скоро провертѣлъ отверстіе достаточной ширины, чтобъ выползти на свѣжій воздухъ. Тогда онъ сталъ ходить въ сосѣдній городъ и возвращался домой, нагруженный массою лакомствъ, которыя дѣлилъ поровну между семью слѣпыми царицами.

Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Мальчикъ каждый день появлялся на площади и часто игралъ съ сыновьями знатныхъ лицъ города. Никто не зналъ откуда приходилъ красивый мальчикъ, но всѣ любовались его благородною осанкою и всѣ любили его за веселый и ласковый нравъ. Никто лучше его не умѣлъ придумать забавной игры, ничье веселье не было тамъ заразительно; и на долю мальчика всегда выпадали вкусные пирожки, жареное зерно и прочія лакомства. Онъ все это несъ своимъ семи матерямъ, какъ онъ любилъ называть семь царицъ и, благодаря ему, онѣ спокойно жили въ своей тюрьмѣ, а люди уже давно перестали вспоминать о нихъ и всѣ считали, что онѣ давно умерли голодною смертию.

Однажды, когда мальчикъ сталъ уже юношей, онъ взялъ лукъ и стрѣлы и отправился пострѣлять дичь. Проходя случайно мимо дворца, гдѣ бѣлая лань проводила дни въ роскоши и великолѣпнн, онъ увидѣлъ голубей, которые летали вокругъ мраморной колоннады. Онъ натянулъ лукъ и прицѣлился въ одного изъ нихъ. Голубь покотился мертвымъ какъ разъ мимо окна, гдѣ сидѣла бѣлая царица. Она встала и выглянула въ окно: прямо противъ нее стоялъ красивый юноша съ опущеннымъ лукомъ въ рукахъ. Колдунья сразу узнала въ немъ сына царя.

Задыхаясь отъ злобы и зависти, царица тутъ же рѣшила извести мальчика. Она послала за нимъ слугу и, пересиливъ себя, ласково просила юношу уступить ей подстрѣленного голубя. «О нѣтъ!», отвѣчалъ смѣло мальчикъ «я не могу его уступить: это на обѣдъ моимъ семерымъ матерямъ. Онѣ слѣпыя и сидятъ въ душной тюрьмѣ; онѣ умерли бы съ голода, если бъ я не кормилъ ихъ».

«Бѣдныя!» воскликнула царица съ притворнымъ сожалѣніемъ. «Неправда ли какъ было бы хорошо вернуть имъ зрѣніе? Отдай мнѣ голубя, красавецъ, а я научу тебя гдѣ найти ихъ глаза».

Юноша, конечно, тотчасъ же отдалъ голубя. Тогда бѣлая царица объяснила ему какъ пройти къ матери ея, ракшаскѣ, и велѣла спросить у нея гдѣ глаза, которые она носила въ видѣ ожерелья.

«Она не замедлитъ отдать ихъ, покажи ей только мое посланіе. Я написала тамъ, что мнѣ надо». И жестокая красавица подала мальчику черепокъ, на которомъ нацарапала : «Убей тотчасъ же гонца и разбрызгай кровь его по вѣтру».

Молодой царевичъ не умѣлъ читать; онъ беззаботно взялъ посланіе царицы, отнесъ запасъ пици слѣпымъ своимъ матерямъ и отправился разыскивать старую ракшаску.

Пришлось ему идти мимо одного города, гдѣ его поразилъ необыкновенно печальный видъ жителей. Невольно любопытствовалъ онъ узнать причину и узналъ слѣдующее. Царилъ надъ этимъ городомъ царь, мудрый и справедливый, и всѣ любили его. Но не было у него сына, а была одна единственная дочь и она наотрѣзъ отказывалась выйти замужъ и дать такимъ образомъ наслѣдника престола. Она даже, по-видимому, лишилась разсудка, такъ какъ объявила, что выйдетъ замужъ за сына семи матерей, а гдѣ найти такую диковину? Царь пришелъ въ совершенное отчаяніе и приказалъ представлять царевнѣ всякаго человѣка, проходящаго черезъ столицу, въ надеждѣ, что она найдетъ наконецъ своего суженаго. И вотъ, несмотря на сопротивленіе юноши, его повели во дворецъ.

Не успѣлъ онъ ступить на порогъ троннаго зала, какъ принцесса воскликнула:

«Вотъ онъ, вотъ мой суженый!» И разомъ всѣ заликовали и не знали какъ выразить свою радость. Однако сынъ семи царицъ вѣжливо объяснилъ царевнѣ, что жениться онъ не можетъ, прежде чѣмъ не исполнить возложеннаго на него порученія и не вернетъ зрѣнія своимъ матерямъ.

Красавица царевна была тронута привязанностью юноши къ бѣднымъ узницамъ и согласилась ждать его возвращенія, но просила только показать ей черепокъ съ посланіемъ царицы. Она была очень ученая и умная при этомъ. Прочтя лукавые слова, она виду не подала, но искусно подмѣнила взятый черепокъ другимъ, на которомъ написала: «Береги мальчика и немедленн исполни его жѣланіе». Царевичъ, ничего не подозрѣвая, взялъ черѣпокъ и пошелъ дальше.

Дошелъ онъ наконецъ до лачуги въ оврагѣ, гдѣ жила мать бѣлой царицы. Отвратительная старуха страшно заворчала, прочитавъ посланіе, особенно когда услышала, что юноша проситъ ожерелье изъ глазъ. Она не посмела, однако послушаться приказанія

дочери, сняла ожѣрѣлье и подала его мальчику, пробурчавъ: «Тутъ только тринадцать, я потеряла четырнадцатый!»

Царевичъ былъ и этому радъ и поспѣшилъ домой. Тамъ онъ роздалъ глаза шести старшимъ царицамъ, каждой по два, а тринадцатый отдалъ матери. «Прости, матушка, что тебѣ лишь одинъ достался, но я самъ, пока живъ, буду твоимъ вторымъ глазомъ», нѣжно прибавилъ онъ.

Затѣмъ онъ разсказалъ матѣрямъ о царевнѣ и простился съ ними, чтобъ идти къ невѣстѣ, какъ обѣщаль. Проходя мимо дворца, онъ снова засмотрѣлся на голубей на крышѣ, и не могъ удержаться, чтобъ не подстрѣлить одного изъ нихъ. Голубь упалъ опять мимо окна бѣлой красавицы. Царица взглянула и, о ужасъ! Передъ нею живъ и невредимъ стоялъ царевичъ.

Она заплакала отъ злости и ненависти и тотчасъ же послала за юношей. Съ притворнымъ участіемъ стала она спрашивать его о путешествіи и едва могла сдержать свой гнѣвъ, когда узнала, что онъ успѣлъ снести глаза домой и отдать ихъ царицамъ. Она рѣшила еще разъ попытать счастья и потому стала увѣрять, что очень довольна его успѣхомъ и что, если онъ уступитъ ей второго голубя, она не прочь отдать ему волшебную корову Іоги. Молоко у этой коровы течетъ нѣпрерывно весь день и образуетъ огромный прудъ. Юноша, не долго думая, согласился. Царица снова дала ему черепокъ, на которомъ написала: «Убей мальчика непременно и разбрызгай кровь его по вѣтру» и послала къ своей матери.

По пути юноша зашелъ къ невѣстѣ объяснить ей причину своего долгаго отсутствія и показалъ ей черепокъ; а она, прочитавъ надпись, снова подмѣнила его другимъ.

Старая ракшаска задрожала отъ гнѣва, когда выслушала просьбу царевича и прочла записку. Съ крикомъ и бранью указала она, гдѣ искать корову и велѣла мальчику убираться скорѣе: ужъ очень возмущала ее глупая расточительность дочери, а послушаться она не смѣла.

Юноша выслушалъ все и пошелъ. Онъ дошелъ до молочнаго пруда, охраняемаго цѣлымъ полчищемъ демоновъ, но ни мало не смутился ихъ грознымъ видомъ, а, насвистывая веселую пѣсенку, прошелъ мимо, даже не оглядываясь на нихъ. Дошелъ онъ такимъ образомъ до самой коровы, крупной, красивой и бѣлой какъ молоко. Самъ Іоги, царь демоновъ, сидѣлъ и доилъ ее день и ночь, а молоко струилось изъ-подъ его рукъ и наполняло прудъ.

Іоги, увидя юношу, гнѣвно крикнулъ: «Тебѣ что надо?»

Юноша, согласно указанію старухи, спокойно отвѣчалъ: «За шкурою твоею присланъ я, Іоги. Повелителю нашему Индрѣ нужны литавры, а твоя шкура, говорятъ, особенно нѣжна и упруга».

Задрожалъ Іоги и упалъ на колѣни. (Ни одинъ джинъ или демонъ не въ силахъ противиться приказанію Индра). «О, пощади меня!» завопилъ онъ. «Я все тебѣ отдамъ, даже коровы своей не пожалѣю!»

Царевичъ сначала сдѣлалъ видъ, что не можетъ согласиться, наконецъ уступилъ. «Полагаю, что можно будетъ найти другую шкуру въ родѣ твоей», успокоилъ онъ демона, взялъ корову и побрелъ домой.

Семь царицъ были въ восторгѣ отъ цѣннаго подарка. И дѣйствительно, несмотря на то, что онѣ съ утра до ночи доили корову, дѣлали творогъ, продавали молоко всѣмъ

Царевичъ взялъ корову и побрель домой.

окрестнымъ жителямъ, онѣ не употребляли и половину дохода и богатѣли съ каждымъ днемъ.

Устроивъ своихъ матерей, царевичъ съ легкимъ сердцемъ отправился къ невѣстѣ.

На бѣду онъ снова пошелъ мимо дворца и не утерпѣлъ пустить стрѣлу въ одного изъ голубей. Голубь упалъ и тотчасъ же бѣлая царица выглянула изъ окна.... Что за чудо? Юноша снова стоялъ передъ нею здоровъ и невредимъ.

Она чуть въ обморокъ не упала отъ гнѣва и досады. Тѣмъ не менѣе, возможно лучше скрывъ свои чувства, она послала за царевичемъ, обласкала его и предложила отдать ей третьяго голубя, а она взамѣнъ дастъ ему рисовый колосъ въ миллионъ стеблей, вызрѣвающей въ одну ночь.

Предложеніе очень понравилось юношѣ; онъ отдалъ голубя и, весело напѣвая, пустился въ путь съ черепкомъ въ рукѣ. На черепкѣ по-прежнему стояло: «Убей юношу, во что бы то ни стало и разбрызгай кровь его по вѣтру!»

По дорогѣ царевичъ зашелъ къ невѣстѣ и она снова подмѣнила ему черепокъ. На этотъ разъ она написала: «Немедленно исполни просьбу гонца, ты кровью своею отвѣтишь за него».

Разсвирѣпѣла старуха, заскрежетала зубами отъ ярости, но не посмѣла послушаться приказанія дочери. Она объяснила царевичу какъ попасть на рисовое поле, которое сторожили восемнадцать миллионовъ демоновъ, и какъ сорвать самый крупный колосъ посрединѣ. «Только смотри, назадъ пойдешь, не вздумай оглядываться!» предостерегла она.

Сынъ семи матерей скоро вышелъ къ полю, гдѣ росъ чудовищный рисовый колосъ. Храбро шелъ онъ впередъ, не засматриваясь ни на право, ни на лѣво, дошелъ до середины и выхватилъ съ корнемъ самый крупный колосъ. Когда же онъ пошелъ назадъ, тысячи тоненькихъ голосковъ запищали вокругъ него, жалобно взывая къ нему: «О, сорви и насъ, сорви и насъ!» Онъ невольно обернулся... О, ужасъ! Въ одну секунду отъ него осталась лишь грудa пепла.

Время шло, а мальчикъ не возвращался. Старуха было обрадовалась, но, вспомнивъ слова посланія «ты мнѣ кровью отвѣтишь за него», рѣшила справиться, что случилось.

Она тотчасъ же замѣтила кучку золы среди поля и, какъ колдунья, угадала все. Не переставая брюзжать, взяла она золу, замѣсила изъ нея родъ тѣста, слѣпила нѣкоторое подобіе челоуѣка, капнула въ ротъ изваянія каплю крови изъ своего мизинца, дунула — и вновь возсталъ передъ нею сынъ семи цариць.

«Бѣги теперь и помни приказъ!» проворчала она, «въ слѣдующій разъ предоставлю тебя судьбѣ. Убирайся, пока цѣль!»

И царевичъ благополучно вернулся домой и скоро, благодаря рису, семь цариць стали богатѣйшими людьми во всемъ государствѣ. Онѣ роскошно отпраздновали свадьбу сына съ разумницею царевной и стали жить всѣ вмѣстѣ. Царевна же рѣшила вернуть сына старому раджѣ и наказать жестокою царицу. Она приказала выстроить у себя дворець, какъ разъ такой же какъ тотъ, въ которомъ жили семь цариць до появленія бѣлой лани, и послала гонца къ раджѣ звать его къ себѣ въ гости. Царь давно уже слышалъ о таинственномъ сынѣ семи матерей и о его небываломъ богатствѣ и потому съ радостью принялъ приглашеніе. Каково же было его изумленіе, когда, войдя во дворець, онъ увидѣлъ, что дворець точь въ точь такой же какъ его собственный. Онъ пошелъ дальше во внутренніе покои и остановился пораженный: среди роскошной залы на богато разукрашенномъ тронѣ сидѣли семь цариць въ той же одеждѣ, въ которой онъ нѣкогда оставилъ ихъ. Царицы бросились къ ногамъ онѣмѣвшаго отъ неожиданности супруга, и рассказали ему все. Тогда царь наконецъ очнулся отъ долгаго очарованія и весь гнѣвъ его обратился на коварную бѣлую лань. Онъ приказалъ казнить ее, а затѣмъ радостно вернулся во дворець со своими семью царицами и всѣ зажили счастливо и спокойно.

Глухой, слѣпой и ихъ осель

Сошлись однажды двое, глухой и слѣпой, и порѣшили вступить въ товарищество. «Ты слушай за меня», говоритъ глухой слѣпому. «А ты смотри за меня», говоритъ слѣпой глухому». Съ тѣхъ поръ вездѣ и всюду товарищи были неразлучны. Разъ зашли они вмѣстѣ въ кофейню. «Ничего танцы», говоритъ глухой, «только ужъ музыка изъ рукъ вонь плоха!» А слѣпой заявляетъ: «По мнѣ такъ музыка сносная, а танцы ничего не стоятъ».

Пошли они вскорѣ послѣ того въ джонглю и встрѣтили тамъ осла, убѣжавшаго отъ хозяина, а рядомъ съ нимъ огромный котель для промывки бѣлья.

Глухой говоритъ слѣпому: «Братъ, тамъ стоитъ осель, а рядомъ валяется котель, хозяина же нигдѣ не видно. Возьмемъ это все себѣ, можетъ къ чему пригодится». — «Прекрасно», говоритъ слѣпой, «заберемъ все съ собою». Пошли дальше. Наткнулись они на муравейникъ, а въ томъ муравейникѣ необыкновенно крупные муравьи. «Вотъ такъ муравьи!» воскликнулъ глухой. «Надо взять хоть нѣсколько штукечъ друзьямъ показать. Во вѣкъ не видываль такихъ крупныхъ». И глухой вытащилъ изъ

Не успѣли они далеко отойти, какъ разразилась гроза.

кармана серебряную коробочку и посадилъ туда муравья четыре изъ самыхъ крупныхъ.

Не успѣли они далеко отойти, какъ разразилась страшная гроза. Загрохоталъ громъ, засверкала молнія, хлынулъ дождь съ такою силой, ровно само небо вступило въ борьбу съ землею. «Ой, смерть наша пришла», закричалъ глухой, «какъ ужасна молнія! бѣжимъ, укроемся гдѣ-нибудь». — «Ну, молнія то еще не бѣда, а громъ дѣйствительно ужасенъ:

поищемъ какого-нибудь убѣжища!» Невдалекѣ возвышалось красивое строеніе, въ родѣ небольшого храма. Товарищи решили провести тамъ ночь; они вошли туда, вогнали туда же осла съ котломъ и заперли за собою дверь. Однако это строеніе, которое они приняли было за заброшенный храмъ, было совсѣмъ не храмъ, а жилище могущественнаго ракшаса, котораго въ ту пору не было дома. Не успѣли прохожіе расположиться тамъ, какъ ракшасъ вернулся. Онъ очень удивился, найдя дверь запертою изнутри. Онъ приложилъ ухо: кто-то возился внутри дома. «О-го-го», сказалъ онъ себѣ, «кто-то залѣзъ ко мнѣ! Пстой-ка, искрошу я васъ на похлебку!» И онъ принялся дергать дверь и что есть силы колотить въ нее своими толстыми кулаками. «Эй, вы, тамъ, открывайте скорѣе», рычалъ онъ голосомъ, покрывавшимъ шумъ грозы: «открывайте скорѣе, негодяи, говорю вамъ!» Голосъ его былъ очень страшень, но видъ еще страшнѣе, какъ убѣдился глухой, подсмотрѣвъ въ щелку. Несчастнѣй такъ испугался, что трясся какъ въ лихорадкѣ. Слепой же былъ отъ природы очень храбръ, да онъ и ничего не видѣлъ. Онъ бросился къ двери. «Ты кто такой», сердито крикнулъ онъ, «что вздумалъ ломиться въ дверь въ такую пору?» — «Я ракшасъ, хозяинъ этого дома», отвѣчалъ взбѣшенный, но немного озадаченный ракшасъ. «Скорѣй впускай меня, а то искрошу тебя въ куски!» Глухой, наблюдавшій за чудовищемъ, поблѣднѣлъ отъ страха, а слѣпой продолжалъ, какъ ни въ чемъ не бывало: «А, такъ ты ракшасъ? Вотъ оно что! Прекрасно! Ты ракшасъ, а я бакшасъ: одно другого стоитъ». — «Бакшасъ, бакшасъ... это еще что за птица?» проревѣлъ ракшасъ: «Не слыхивалъ о такой диковинкѣ!» — «Не слыхивалъ, такъ услышишь», продолжалъ кричать слѣпой... «Убирайся-ка живѣй, пока я тебя со свѣта не сжилъ? Я бакшасъ, а бакшасъ это отецъ ракшаса». — «Отецъ ракшаса? Мой отецъ значитъ? О боги, въ первый разъ слышу, чтобъ отца моего звали бакшасъ. Такъ это значитъ ты, отецъ мой, залѣзъ туда?»

«Да, да, я, отецъ твой, бакшасъ, и повелѣваю тебѣ сейчасъ же убираться отсюда». — «Хорошо, хорошо», проворчалъ ракшасъ, который начиналъ робѣть. «Но если ты дѣйствительно отецъ мой, позволь мнѣ взглянуть хоть въ щелочку на тебя». Онъ все таки подозрѣвалъ, что здѣсь кроется какой-то обманъ.

Слепой и глухой сначала призадумались. Предложеніе застало ихъ врасплохъ. Наконецъ они рѣшились: пріотворили немного дверь — совсѣмъ крошечную щелку — и приставили къ ней морду осла. Ракшасъ ничего подобнаго не ожидалъ, да въ темнотѣ и не могъ хорошо разглядѣть. «Какая страшная рожа у моего отца, бакшаса!» подумалъ онъ про себя. «О отецъ мой, бакшасъ», крикнулъ онъ, «видъ твой дѣйствительно наводитъ ужасъ. Но вѣдь встрѣчаются и люди съ большою уродливою головою, а маленькимъ тѣльцемъ. Пожалуйста, покажись мнѣ, каковъ ты съ тѣломъ и головою — тогда я уйду». Слепой и глухой подхватили свой котелъ и съ оглушительнымъ трескомъ покатали его мимо двери. Ракшасъ былъ пораженъ, когда увидѣлъ огромную катящуюся штуку, и рѣшилъ: «Дѣйствительно, у бакшаса тѣло не уступитъ головѣ. Онъ, пожалуй, способенъ цѣликомъ проглотить меня. Уйду лучше». Но у него все таки оставалось еще нѣкоторое сомнѣніе и онъ крикнулъ: «Бакшасъ, о бакшасъ, отецъ мой! Голова у тебя велика и тѣло также, ну, а каковъ твой голосъ?» Онъ думалъ поддѣть его на это, такъ какъ вопль ракшаса ужасень и простой смертнѣй не въ силахъ его изобразить. Слепой было растерялся, но хитрый глухой, который успѣлъ нѣсколько оправиться отъ испуга, вытащилъ свою коробку и поспѣшно выпустилъ муравьевъ въ уши осла. Они принялись такъ усердно щипать его, что несчастнѣй осель пришелъ въ изступленіе. Эй-ю, эй-ю! заревѣлъ онъ и, слыша этотъ страшнѣй ревъ, ракшасъ обратился въ бѣгство, приговаривая: «Довольно, довольно, о отецъ мой бакшасъ!

Одинъ звукъ твоего голоса укротитъ самага строптиваго». Опасность счастливо миновала, глухой освободилъ осла отъ муравьевъ и остальную ночь они провели спокойно.

На слѣдующее утро глухой рано разбудилъ слѣпого: «Вставай, вставай, намъ въ самомъ дѣлѣ везетъ! Весь полъ усыпанъ золотомъ и серебромъ». И дѣйствительно, у ракшаса были скоплены огромныя сокровища, небрежно разбросанныя по всему дому. Друзья принялись собирать ихъ, набрали сколько смогли и связали ихъ въ четыре узла. Каждый изъ нихъ взялъ себѣ по узлу, а остальные два взвалили на осла и выступили въ обратный путь. Но ракшасъ, котораго они прогнали ночью, подкарауливалъ ихъ недалеко отъ дома. Ему хотѣлось видѣть, на что похожъ днемъ отецъ его, бакшасъ. И вдругъ, что же онъ увидѣлъ? Слеплого, глухого, и осла, нагруженныхъ сокровищами!

Страшная злость разобрала ракшаса, но онъ не рѣшился напасть одинъ, а пошелъ созвать товарищей, и скоро они всемеромъ неслись по слѣдамъ дерзкихъ пришельцевъ.

Глухой издали замѣтилъ ихъ приближеніе и пришелъ въ ужасъ. Семь огромныхъ ракшасовъ съ длинными въ аршинъ волосами и острыми клыками, какъ у слона! Слепой замѣтилъ, что глухой часто останавливается, и спросилъ: «Что это ты, дружище, отставать сталъ?» — «Ой, бѣда пришла», — простоналъ глухой: — Семь ракшасовъ за нами гонятся, не одобровать намъ!» — «Вотъ вздоръ!» невозмутимо отвѣчалъ слѣпой; онъ ничего не видѣлъ и потому ничего не боялся: «Спрячь только скорѣе сокровища и осла заведи въ кусты, а сами полземъ на дерево. Я ползу первый, а ты, какъ зрячій, за мною». Глухой рѣшилъ, что совѣтъ не дуренъ. Вмигъ все было исполнено и оба друга ползли на высокую бетелевую пальму. Только, такъ какъ глухой былъ потрусливѣе, да и похитрѣе, онъ ползъ первымъ, а слѣпого оставилъ за собою и такимъ образомъ очутился въ относительно большей безопасности, чѣмъ товарищъ.

Ракшасы подошли къ дереву и увидѣли ихъ надъ собою. «Давайте, встанемъ другъ другу на плечи и сбросимъ ихъ оттуда». Сказано — сдѣлано. Второй ползъ на перваго, третій на второго и такъ далѣе. Седьмой, какъ разъ тотъ, который созвалъ всѣхъ остальныхъ, только карабкался наверхъ, когда глухой, выглядывавшій изъ-за плеча слѣпого, обезумѣлъ отъ страха и схватилъ за плечо товарища съ громкимъ воплемъ: «Лѣзутъ, лѣзутъ!» Слепой, ничего не подозрѣвая о близости ракшасовъ, сидѣлъ свободно, не въ особенно твердомъ положеніи. Отъ неожиданнаго толчка онъ потерялъ равновѣсіе и слетѣлъ прямо на спину седьмому ракшасу, какъ разъ въ то время, какъ тотъ взбирался на спину послѣдняго товарища. Слепой никакъ не могъ понять, гдѣ онъ находится, и вообразилъ, что сорвался на другой сучекъ. Онъ отчаянно взмахнулъ руками, чтобы ухватиться за что-нибудь, и съ размаху вцѣпилъ въ длинные уши ракшаса. Ракшасъ тоже не могъ сообразить, что такое на него свалилось, а такъ какъ вѣсъ слѣпого сбиль его съ мѣста, онъ тоже потерялъ равновѣсіе и полетѣлъ, увлекая въ своемъ паденіи шестого, шестой — пятого и т. д.

Нѣкоторое время чудовищная куча копошилась у подножія дерева. Слепой кричалъ снизу: «Гдѣ я? Что случилось? Гдѣ я, наконецъ?» Глухой, усидѣвшій на деревѣ и потому въ безопасности, вопилъ сверху: «Славно, братецъ, славно! держи его, не бойся. Держи только крѣпче, бѣгу къ тебѣ на помощь!» Нечего и говорить, что онъ нимало не спѣшилъ покинуть свое убѣжище. Онъ только продолжалъ отчаянно кричать: «Такъ, такъ, братецъ, держи его, держи, иду, иду!» И чѣмъ сильнѣе онъ кричалъ, тѣмъ сильнѣе слѣпой сдавливалъ и крутилъ уши ракшаса, принимая ихъ за пальмовую вѣтвь. Остальнымъ шести ракшасамъ удалось, наконецъ, выкарабкаться изъ своего невыгоднаго положенія. Они встали, встряхнулись и, рѣшивъ, что довольно поплатились за желаніе услужить товарищу, бросились бѣжать безъ

оглядки. А седьмой, видя ихъ бѣгство, сообразилъ, что опасность вѣрно дѣйствительно велика, если всѣ бросаютъ его. Не долго думая, смахнулъ онъ рукою странное существо съ своей шеи и, даже не взглянувъ, что тамъ такое было, пустился догонять товарищей.

Какъ только ракшасы скрылись изъ вида, глухой сползъ съ дерева. Онъ поднялъ слѣпого, обнялъ его и сказалъ: «Право, я не сумѣлъ бы такъ хорошо обдѣлать дѣло. Ловко же ты справился съ ними! Всѣхъ обратилъ въ бѣгство! Къ счастью тутъ и я подоспѣлъ на помощь». Снова вывели они осла изъ кустовъ, нагрузились своими узлами и спокойно побрели дальше. На опушкѣ чащи глухой сказалъ слѣпому: «Теперь и селеніе недалеко. Не лучше ли намъ припрятать на время свои сокровища? Лучше всего, мнѣ кажется, раздѣлить ихъ поровну и пусть каждый заботится о своей долѣ, а затѣмъ припрячемъ ихъ въ кусты или куда каждому изъ насъ заблагоразсудится». Слѣпой согласился и поручилъ глухому раздѣлить сокровища на двѣ равныя части. Лукавый глухой совсѣмъ не намѣревался дѣлить поровну, и началъ съ того, что припряталъ большую часть груза, а остатокъ раздѣлил надвое и положилъ одинъ узелокъ передъ собою, а другой передъ слѣпымъ: «Вотъ твоя доля, братецъ, пощупай». Слѣпой пощупалъ, кучка показалась ему черезъ чуръ мала. «Ну, ужъ не ожидалъ, что ты станешь надувать меня!» крикнулъ онъ съ досадою. «Ты вѣрно все себѣ прибралъ, а мнѣ остатки подсунулъ!» — «Что за вздоръ, у меня не больше. Самъ посмотри, если не вѣришь», хладнокровно заявилъ глухой. Слѣпой пощупалъ кучку товарища: она была не больше, чѣмъ его. Тогда онъ совсѣмъ вышелъ изъ себя: «Такъ я и повѣрю!» закричалъ онъ. Ты думаешь, я слѣпой, такъ меня легко провести? Нѣтъ, братецъ мой, я слѣпъ, да не глупъ! Я несъ большой узелъ, ты тоже, да на ослѣ было два. И ты станешь увѣрять, что изъ такого количества получились лишь эти двѣ кучки? Нѣтъ ужъ, другимъ говори, а я не повѣрю». — «Вздоръ и нелѣпица!» возражалъ глухой. «Вздоръ иль нѣтъ, а ты меня морочишь, я этого не потерплю!» — «Даже и не думаю морочить», защищался глухой. — «Нѣтъ врешь, обманщикъ», горячился слѣпой. Слово за словомъ, они ссорились, ворчали, кричали, ругались, упрекали другъ друга. Наконецъ слѣпой разсвирѣпѣлъ и бацъ глухого по уху. Ударъ былъ такъ силенъ, что глухой сразу сталъ слышать. Яростно хватилъ онъ соперника кулакомъ въ лобъ: тотъ тутъ же прозрѣлъ отъ боли и неожиданности. И такъ, въ концѣ концовъ, оказалось, что глухой сталъ слышать не хуже, чѣмъ видѣть, а слѣпой видѣть не хуже, чѣмъ слышать. Это такъ пріятно поразило обоихъ, что они сразу пришли въ отличное настроеніе духа и поклялись другъ другу въ вѣчной дружбѣ. Глухой сознался, что припряталъ часть сокровищъ, и, снова раздѣливъ ихъ, на этотъ разъ поровну, они счастливые и веселые вернулись домой.

Гдѣ свѣтъ, тамъ и счастье

Жиль нѣкогда въ городе Говиндапатти купецъ, по имени Пазапатти, и было у него двое дѣтей, сынъ Винита и дочь Гарви. Дѣти были очень дружны между собою и настолько привыкли всегда всемъ дѣлиться, что, когда подросли, дали другъ другу клятву сочетать между собою бракомъ своихъ будущихъ дѣтей, если только окажется возможнымъ. Годы шли; Гарви вышла замужъ за богатаго купца, Винита тоже женился. У сестры черезъ нѣсколько лѣтъ оказалось три дочери, а у брата три сына, такъ что, по-видимому, ничто не мешало, исполненію ихъ завѣтнаго желанія. Но тутъ случилось нѣчто, что сразу повернуло дѣло иначе.

Пазапатти неожиданно умеръ и кредиторы, — а у него ихъ было не мало — начали притѣснять наслѣдниковъ. Пришлось распродать имущество, чтобъ очиститься отъ долговъ, и, мѣсяца черезъ два послѣ смерти отца, несчастный Винита оказался нищимъ. Это былъ человекъ благородный и самолюбивый; онъ терпѣливо боролся съ нуждою и усердно работалъ, чтобъ какъ нибудь прокормить семью на свои скудныя средства.

Сестра его вышла замужъ въ богатую семью и безденежное состояніе брата сильно тяготило ее въ виду ихъ обоюдной клятвы. Она долго думала надъ этимъ, наконецъ, рѣшила, что не имѣетъ права изъ-за неосторожнаго обѣщанія жертвовать счастьемъ своихъ дѣтей и потому не отдастъ дочерей за бѣдняковъ. Какъ разъ къ этому времени два молодыхъ купеческихъ сына посватались за старшихъ дѣвушекъ и родители поспѣшили отпраздновать свадьбу. Дома осталась лишь младшая дочь, хорошенькая Сугуни.

Винита былъ глубоко огорченъ недобросовѣстностью сестры; онъ никакъ не ожидалъ, чтобъ сестра стала пренебрегать имъ изъ-за бѣдности, но никому не сказалъ ни слова. Однако клятва ихъ извѣстна была всему городу; многіе приняли сторону оскорбленнаго брата и осуждали Гарви. Замѣчанія эти дошли до слуха Сугуни, дѣвушка впечатлительной и очень умной. Она любила дядю, находила, что онъ во всѣхъ отношеніяхъ заслуживаетъ уваженія и что сыновья его люди благородные и сердечные. Ее огорчало, что мать изъ-за богатства пренебрегаетъ такими прекрасными качествами, и она рѣшила, насколько возможно, поправить дѣло. Для индійской дѣвушки считается неприличнымъ самой намѣчать себѣ жениха; однако Сугуни, несмотря на свою обычную скромность, пошла къ матери и смѣло объявила ей: «Матушка, до меня дошли слухи о клятвѣ, которую ты когда-то дала брату относительно насъ. Не гнѣвайся на меня, родная, но мнѣ больно и стыдно, что ты съ легкимъ сердцемъ нарушила свое обѣщаніе въ томъ, что касается сестеръ. Я же не вынесу такого безчестія и не выйду замужъ ни за кого, кромѣ за одного изъ двоюродныхъ братьевъ».

Гарви съ удивленіемъ посмотрѣла на дочь: «Ты хочешь выйти замужъ за нищаго»? спросила она. «Знай, что мы, родители твои, никогда на это не согласимся, а хочешь выходить — выходи, только нога моя не будетъ у тебя въ домѣ».

Но Сугуни твердо стояла на своемъ. Рѣшено было выдать ее за младшаго сына Винита. Послѣдній, хотя никогда не напоминалъ сестрѣ о клятвѣ, но самъ твердо держался ея и рѣшилъ не женить сыновей, пока всѣ дочери сестры не выйдутъ замужъ. Рѣшеніе Сугуни крайне обрадовало его. Онъ тотчасъ же подыскалъ двумъ старшимъ сыновьямъ невѣсты изъ честныхъ, но бѣдныхъ семей и разомъ отпраздновалъ всѣ три свадьбы сообразно своему состоянію.

Сугуни оказалась такою же доброю невѣсткою, какъ и любящею женою. Она никогда не чванилась и не кичилась, что вышла изъ богатой семьи; всегда была со всѣми равна и мила и работала наравнѣ съ остальными членами семьи.

Каждое утро Винита съ сыновьями шелъ собирать сухіе листья, а три невѣстки шили изъ нихъ блюда (подносы, которые индусы употребляютъ вмѣсто тарелокъ). Подносы эти продавались затѣмъ на базарѣ, иногда дешевле, иногда дороже, но выручка всегда цѣликомъ отдавалась молодымъ женщинамъ на дневной расходъ. Сугуни была младшая изъ невѣстокъ; однако она такъ разсудительно тратила деньги, что не только всегда превосходно кормила всю семью, но еще остатокъ дѣлила между свояченицами и всѣ были довольны.

Семья мало помалу привыкла смотрѣть на Сугуни, какъ на образецъ ума и добродѣтели и во всемъ руководствовалась ея совѣтомъ. Только родители ея по-прежнему не хотѣли знать любимой нѣкогда дочери, и ни разу не зашли провѣдать, какъ она живетъ.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Однажды раджа той страны уронилъ драгоценный перстень во внутреннемъ дворѣ своего дворца. Пролеталъ въ это время надъ дворцомъ священный коршунъ; онъ принялъ сверкающій на солнцѣ рубинъ за кусочекъ мяса и схватилъ было кольцо, но, убѣдившись, что добыча несъѣдобна, небрежно выпустилъ его нѣсколько домовъ дальше. То было какъ разъ надъ домомъ, гдѣ жила Сугуни, и кольцо упало къ ногамъ молодой женщины. Она подняла рубинъ и спрятала его въ складкахъ одежды.

Къ вечеру глашатаи объявляли по улицамъ, что у раджи пропало цѣнное кольцо и что назначена большая награда тому, кто найдетъ его. Сугуни созвала всѣхъ членовъ семьи и сказала имъ: «Кольцо у меня. Ровно въ полдень священный коршунъ уронилъ его къ намъ во дворъ и вотъ оно! Пойдемте теперь къ раджѣ. Я при васъ отдамъ кольцо и объясню, какъ оно попало ко мнѣ. Если его величество пожелаетъ все таки наградить меня и спросить, чего бы я желала, я ему скажу. Только прошу васъ, не противорѣчьте мнѣ и общайте удовольствоваться моимъ желаніемъ, какъ бы скромно оно вамъ ни показалось.

Всѣ согласились, и семья двинулась во дворецъ. Тамъ кольцо было передано раджѣ съ необходимыми объясненіями. Царь былъ пораженъ скромностью и добросовѣстностью Сугуни и предложилъ ей самой выбрать себѣ награду.

«Великодушный повелитель! Царь царей! Великій властелинъ! Ничтожная раба твоя осмѣливается просить лишь небольшой милости. Дозволь, чтобъ въ пятницу ночью всѣ огни въ городѣ были потушены и ни одного свѣтильника не зажигали даже въ свѣтлыхъ покояхъ твоихъ. Пусть только скромное жилище презрѣнной рабы твоей сіяетъ огнями, насколько позволяютъ ей средства».

«Будь по-твоему, скромная просительница. Даю тебѣ желаемое преимущество на слѣдующую же пятницу».

Радостно склонилась Сугуни передъ раджею и пошла домой съ своею роднею, нѣсколько озадаченною странною просьбою молодой женщины.

Сугуни, придя, домой, собрала послѣднія свои драгоценности, продала ихъ и на вырученныя деньги приготовилась торжественно освѣтить домъ свой на предстоящую пятницу.

Наступилъ назначенный день. Сугуни постилась весь день, а къ вечеру призвала къ себѣ братьевъ мужа.

«Милые братья, я распорядилась освѣтить домъ нашъ тысячею свѣтильниковъ; теперь вы должны помочь мнѣ. Пусть одинъ изъ васъ караулитъ всю ночь, не смыкая глазъ,

у главнаго входа, а другой — у задней двери дома. Если къ первому подойдетъ женщина красиваго вида и благородной осанки и пожелаетъ войти — пусть онъ смѣло преградитъ ей путь и заставитъ поклясться, что она никогда не выйдетъ изъ дома. Второй тоже долженъ остановить всякую женщину, которая захотела бы выйти черезъ заднюю дверь, и взять съ нея клятву, что она никогда не вздумаетъ вернуться».

Все это показалось братьямъ крайне смѣшнымъ и даже нелѣпымъ, но они такъ привыкли, что невѣстка все дѣлаетъ по-своему, что не стали прекословить и рѣшили терпѣливо выждать, что дальше будетъ.

Въ ту ночь весь городъ былъ погруженъ во мракъ, по приказу раджи; одинъ домъ Сугуни сверкалъ тысячею огнями. Проходили въ ту пору по городу благословенныя сестры, восемь благъ земныхъ. Онѣ вошли въ городъ уже ночью и медленно шли изъ улицы въ улицу, отъ дома къ дому, выискивая где бы остановиться, но всюду встрѣчали тотъ же мракъ и не рѣшались зайти. Наконецъ, онѣ подошли къ ярко освещенному дому Сугуни и собирались перешагнуть черезъ порогъ, но братъ у двери преградилъ имъ путь: «Кто бы вы ни были, клянитесь, что не выйдете отсюда!» Сестры поклялись и вошли въ домъ. Тутъ только понялъ братъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и преклонился передъ мудростью братниной жены.

Тотчасъ же вслѣдъ за появленіемъ благодатныхъ гостей, къ задней двери дома подошла отвратительная старуха въ отрепьяхъ и, по-видимому, очень спѣшила уйти, но второй братъ остановилъ ее: «Поклянись, что не вернешься болѣе къ намъ!» сказалъ онъ. «Клянусь, клянусь! Я — Нужда, старшая сестра тѣхъ, что сейчасъ вошли сюда. Мы не можемъ дышать однимъ воздухомъ... Я ухожу. Да будетъ надъ вами благословеніе боговъ». И съ этими словами она скрылась во мракъ.

Солнце взошло, а съ нимъ взошло и счастье надъ скромнымъ жилищемъ Сугуни. Ларь съ рисомъ никогда болѣе не пустѣлъ; молоко не переводилось въ горшкахъ; монеты такъ и сыпались въ кошель — словомъ, полное довольство водворилось въ домѣ. Семья ликовала и славилась Сугуни.

Даже гордые родители молодой женщины не сочли болѣе для себя униженіемъ навѣстить дочь и выразить ей свое уваженіе. Она великодушно забыла прежнія обиды и зажила счастливо среди своей обширной семьи.

Съ тѣхъ поръ пошло повѣрье среди правовѣрныхъ индусовъ, что свѣтъ въ домѣ приноситъ благополучіе, а мракъ влечетъ несчастье.

Царь Голамъ и сынъ его Гуль

Жиль однажды раджа по имени Голамъ, у котораго былъ одинъ единственный сынъ, царевичъ Гуль. Молодой царевичъ съ ранняго возраста выказывалъ неопредѣлимую страсть къ охотѣ и до взрослыхъ лѣтъ посвящалъ все свое время этой забавѣ. Напрасно уговаривалъ его раджа заняться дѣлами государства, царевичъ слышать ничего не хотѣлъ и по цѣлымъ днямъ пропадалъ изъ дома. Тяжело было старому раджѣ мириться съ такимъ порядкомъ вещей и онъ рѣшилъ, что самое лучшее средство прекратить бродячій образъ жизни сына, это женить его. Онъ поручилъ совѣтникамъ своимъ найти царевичу подходящую невѣсту, а самъ каждый вечеръ продолжалъ уговаривать Гуля: «Ты даже не женатъ до сихъ поръ», говорилъ царь, «дождешься того, что про тебя будутъ говорить, что ни одна дѣвушка за тебя нейдетъ!» Царевичъ почтительно выслушивалъ замѣчанія отца, но продолжалъ свой прежній образъ жизни.

Однажды, въ знойный лѣтній день, царевичъ возвращался съ охоты и проѣзжалъ мимо колодца. Нѣсколько дѣвушекъ стояли вокругъ съ кувшинами и черпали воду. Гуль подошелъ къ одной изъ нихъ. «Дай мнѣ глотокъ водицы изъ твоего кувшина!» сказалъ онъ. Дѣвушка подала ему кувшинъ и вдругъ засмѣялась, взглянувъ ему въ лицо: «Ахъ, да это, кажется, тотъ самый царевичъ, за котораго никто замужъ нейдетъ!» Гуль, взбѣшенный дерзкими словами, молча оттолкнулъ кувшинъ, вскочилъ на коня и поскакалъ домой. «Постой-ка, дерзкая дѣвчонка», рѣшилъ онъ, «сейчасъ приѣду и объявлю, что желаю жениться и именно тебя заставлю быть своею женою!» По дорогѣ онъ узналъ отъ какой-то старухи, что дѣвушка, оскорбившая его, дочь кузнеца Олима. «Все равно, дочь раджи или дочь кузнеца, но она будетъ моею женою!» Вечеромъ, когда старый раджа завелъ съ нимъ обычный разговоръ, царевичъ неожиданно объявилъ, что намѣренъ послѣдовать его совету и жениться. Обрадованный раджа велѣлъ тотчасъ же все готовить къ свадьбѣ и спросить царевича, съ кѣмъ изъ сосѣднихъ государей желаетъ онъ породниться. «Нѣтъ никакой надобности ѣздить далеко», отвѣчалъ царевичъ, «я уже выбралъ себѣ невѣсту — дочь Олима кузнеца». Раджа побагровѣлъ отъ гнѣва, когда совѣтники передали ему отвѣтъ сына. «Что за дикая выдумка!» крикнулъ онъ, «никогда не допущу такого безчестія!» Но приближенные, которые хорошо знали неукротимый нравъ и упрямство Гуля, совѣтовали согласиться на просьбу царевича. «Вреда отъ этого не будетъ, великій государь! Пусть царевичъ женится на комъ хочетъ, а тѣмъ временемъ мы подыщемъ другую невѣсту, болѣе подходящую его высокому сану».

Раджа согласился и отправилъ гонцовъ къ кузнецу Олиму сватать дочь его за царевича. Кузнецъ въ ужасѣ всплеснулъ руками: «Зачѣмъ раджѣ просить, когда онъ можетъ приказать?» проговорилъ онъ. «Говоря по совѣсти, я никогда не разстался бы съ дочерью, будь это въ моей власти». Отвѣтъ былъ переданъ царю; но царь рѣшилъ, что не желаетъ проволочки въ этомъ дѣлѣ и требуетъ, чтобъ кузнецъ черезъ два мѣсяца представилъ дочь во дворецъ. Дѣвушка, однако, чувствовала себя настолько неподготовленною къ высокому положенію царевны, что со слезами умоляла отца испросить разрѣшенія отложить свадьбу на годъ. Разрѣшеніе было дано и дѣвушка съ радостью увидѣла передъ собою еще годъ свободы. «Увы!» размышляла она, «не могу я радоваться предстоящей мнѣ чести! Я только скромная дочь кузнеца: какъ заслужить мнѣ уваженіе народа, когда сдѣлаюсь женою

царевича? Надо, прежде всего, испытать, насколько мудры тѣ люди, что окружають раджу. Попытаю-ка ихъ

«Дай мнѣ глотокъ водицы изъ твоего кувшина!» сказалъ онъ...

догадливость!» Черезъ нѣсколько дней она пришла къ отцу. «Знаешь ли, батюшка, что я придумала? Въ нашемъ саду арбузы только что завязались... Сдѣлаю я сосуды изъ необожженной глины, раскрашу и отдѣлаю ихъ, потомъ въ каждый спущу по арбузику и подожду, пока они разрастутся. Тогда снеси сосуды царскимъ совѣтникамъ и предложи

имъ вынуть плоды, не разбивая сосуда. Увидимъ, насколько люди знатные умнѣ простого народа!»

Дѣвушка принялась за работу, слѣпила кувшины и выждала, пока положенный туда завязи разрослись въ крупный плодъ. Затѣмъ она послала два кувшина царю съ просьбою предложить своимъ совѣтникамъ вынуть арбузы, не разбивая сосудовъ. Царь тотчасъ же исполнилъ ея просьбу и созвалъ министровъ рѣшить мудреную загадку.

Но тщетно напрягали тѣ свою сообразительность, вертели сосуды во всѣ стороны, ощупывали арбузы чрезъ узкое горлышко кувшина, тщательно осматривали ихъ — никто не догадался постучать по кувшину, чтобъ узнать свойство глины. «Нѣтъ такихъ мудрецовъ во всемъ государствѣ», рѣшили наконецъ царскіе совѣтники, и кувшины съ этимъ отвѣтомъ были отосланы дочери кузнеца.

Дѣвушка сразу повеселѣла: «Теперь», сказала она, взявъ кувшинъ въ руки, «вижу, что не такъ страшно мнѣ явиться ко двору. Пусть раджа разрѣшитъ мнѣ самой въ его присутствіи исполнить предложенную мною задачу». Такъ говорила дочь кузнеца и посланные царя отвели ее во дворецъ. Тамъ она спросила мокрое полотенце и обернула имъ кувшинъ съ арбузомъ. Неожженная глина быстро впитала сырость и сдѣлалась совсѣмъ мягкой. Дѣвушка осторожно растянула узкое горлышко, вынула арбузъ, а кувшинъ тотчасъ же привела въ прежній видъ и почтительно поставила передъ раджею. «Какъ человѣка узнають по дѣламъ, такъ посуду по звуку», сказала она. «Твои совѣтники, государь, забыли это простое правило и потому не могли разрѣшить задачи. Я же, твоя ничтожная раба, хотѣла лишь испытать глубину ихъ мудрости... А теперь, да сбудется повелѣніе царя, я готова исполнить его волю.

Такимъ образомъ не было больше предлога откладывать свадьбу. Раджа милостиво согласился на желаніе кузнеца отпраздновать свадьбу дочери въ родной ея деревнѣ, а затѣмъ молодая царевна была торжественно отведена во дворецъ въ приготовленные для нея покои.

Но царевичъ не забылъ нанесеннаго ему у колодца оскорбленія и, придя къ женѣ съ хлыстомъ въ рукѣ, принялся безжалостно бить молодую женщину. «Вотъ тебѣ достойное возмездіе за твои дерзкія слова, гордая красавица!» Царевна молча снесла побои; когда же черезъ нѣсколько дней повторилась та же сцена, она смѣло остановила руку принца. «Что за честь сыну раджи истязать бѣдную дочь мастерового? Будь ты настоящій мужчина, ты бы пошелъ и женился на какой-нибудь царевнѣ. Достань ее, если съумѣешь, и бей, если посмѣешь, а я дочь простого кузнеца, что тебѣ меня бить!»

Царевичъ, пораженный, гнѣвно бросилъ хлыстъ и поклялся, что нога его не будетъ въ домѣ, пока онъ не приведетъ себѣ въ жены дочери могущественнаго раджи.

Была у сосѣдняго раджи дочь, дѣвушка очень умная и необычайно красивая. Говорили также, что она нѣмая, но слава о ея красотѣ настолько гремѣла повсюду, что всѣ принцы сосѣднихъ странъ желали имѣть ее женою. Вотъ на этой-то царевнѣ рѣшили жениться молодой раджа Гуль. Онъ выбралъ вѣрнаго слугу и хорошаго коня, нагрузилъ нѣсколько муловъ драгоценными подарками и отправился въ путь. По пути онъ спрашивалъ всѣхъ о царевнѣ и узналъ, что царевна была дѣйствительно нѣма, но что получить ее совсѣмъ не легко: каждый, кто искалъ руки прекрасной царевны, долженъ былъ играть съ нею въ шахматы, а она всегда выигрывала и безжалостно мстила проигравшему. Все это однако не остановило Гуля; онъ былъ настолько увѣренъ въ своемъ искусствѣ, что, тотчасъ по прибытіи въ городъ, послалъ слугу доложить царевнѣ о своемъ пріѣздѣ и о намѣреніи искать ея руки.

«Пусть узнаетъ онъ прежде условія», былъ отвѣтъ гордой красавицы. «Три раза разрѣшается ему попытать счастья. Первый проигрышъ — онъ теряетъ коня; второй — все свое имущество; третій — голова его въ моей власти».

Принцъ Гуль, не задумываясь, принялъ условия: онъ былъ слишкомъ увѣренъ въ побѣдѣ. Событіе было возвѣщено городу ударомъ барабана. «А-а!» говорилъ народъ, слыша привычный звукъ, «еще одинъ отуманенный «слѣпою мудростію» пріѣхалъ попытать счастья съ нашей принцессою. Ну, и проиграетъ, какъ проигрывали другіе до него».

Принцъ Гуль, войдя въ покои принцессы, увидѣлъ красавицу, сидящую на полу на богатомъ коврѣ, а передъ нею шахматную доску. Дѣвушка знакомъ пригласила его сѣсть. Началась игра. Черезъ нѣсколько минутъ Гуль со смущеніемъ замѣтилъ, что проигрываетъ партію. Напрасно пытался онъ отыграться: вторая и третья были настолько же неудачны. Царевна вскочила со своего мѣста. «Вонъ отсюда, самонадѣянный невѣжда!» гнѣвно крикнула она, «иди на конюшню къ прочимъ столь же злополучнымъ искателямъ моей руки. Ты только и годенъ, что въ конюха моему коню!» Несчастнѣйшій Гуль былъ отведенъ на царскую конюшню и приставленъ къ одному изъ царевниныхъ коней.

Время шло и дочь кузнеца начала удивляться слишкомъ долгому отсутствію своего супруга. «Ужъ не случилось ли съ нимъ какой-нибудь бѣды?» подумала она и рѣшила ѣхать сама по его слѣдамъ. Она тайкомъ ушла изъ дворца, одѣлась знатнымъ юношей, достала себѣ чуждаго скакуна и безстрашно пустилась въ путь. Такъ подѣхала она къ берегу широкой и глубокой рѣки и остановилась, поджидая перевозчика. Вдругъ услышала она тоненькій голосокъ: «Спаси, спаси меня! Я сослужу тебѣ службу!» Она обернулась на голосъ и увидѣла крошечную мышку въ волнахъ потока. «Ну, врядъ ли пригодишься ты мнѣ, глупенькая мышка, а все же не погибать вѣдь бѣдному животному!» подумала дочь кузнеца и поспѣшно концемъ копья выловила мышку изъ воды. Затѣмъ она осторожно взяла въ руки изнемогающее, измокшее созданье и положила его на лукъ сѣдла. «Ты куда путь держишь?» пропищала мышка, оправившись отъ испуга.

«Бѣду въ царство нѣмой царевны», отвѣчала та.

«Ой, не будетъ толка! Слышала я про эту царевну. У нее есть волшебный котъ, а на головѣ у этого кота шапка-невидимка. Царевна сядетъ играть въ шахматы съ женихомъ, а котъ незамѣтно переставляетъ пѣшки и противникъ царевны всегда теряетъ игру».

Дочь кузнеца нѣжно погладила мышку. «Помоги мнѣ, малютка, я хочу попытать счастья съ царевною». Ей стало ясно, что неосторожнѣйшій Гуль проигралъ и теперь въ плѣну у нѣмой красавицы; она рѣшила выручить его.

Мышка съ недоумѣніемъ посмотрѣла на юнаго всадника. «По одеждѣ ты мужчина, молодой красавецъ, но ноги твои слишкомъ малы и руки слишкомъ нѣжны для юноши. Скажи мнѣ откровенно, обманываетъ ли меня чутье, или ты дѣйствительно женщина?»

Дочь кузнеца повѣрила мышкѣ свою тайну, рассказала, ей безъ утайки всю повѣсть и объяснила, что ѣдетъ искать супруга своего, царевича Гуля.

«Не бойся ничего», сказала тогда мышка. «Возьми меня съ собою, слѣдуй моимъ указаніямъ и ручаюсь, что ты достигнешь исполненія своихъ завѣтныхъ желаній». Она подробно объяснила ей, какъ обезпечить за собою побѣду надъ нѣмою царевною, и, весело болтая, новые друзья скоро достигли города.

На слѣдующее утро дочь кузнеца была допущена къ царевнѣ. Она застала ее въ томъ же пріемномъ покоѣ на коврѣ за шахматною доскою. Юный незнакомецъ вѣжливо попросилъ царевну помѣняться мѣстами и занялъ ту сторону, откуда обыкновенно появлялась волшебная кошка. Началась игра; скоро однако дочь кузнеца съ досадою

замѣтила, что игра путается и она постепенно начинает проигрывать. Въ это время мышка завозилась въ складкахъ ея одежды, какъ бы напоминая о своемъ присутствіи. Молодая женщина торопливо достала ее и, крѣпко зажавъ въ рукѣ, опустила руку на полъ. Тотчасъ же почувствовала она внезапный толчекъ, словно къ ней подскочило какое-то животное. То подскочилъ къ ней самъ волшебный котъ, при видѣ мышки мгновенно забывшій и игру и интересы своей госпожи! Дочь кузнеца сдѣлала невольное движеніе рукою, чтобъ отбросить невидимаго врага... Волшебная шапочка слетѣла на полъ и сконфуженный котъ, вполнѣ видимый на этотъ разъ, фырча и шерсть дыбомъ бросился вонъ изъ комнаты. Нѣмая царевна вздрогнула и упала духомъ, такъ что не могла болѣе спокойно продолжать игру и безъ труда была побѣждена торжествующимъ соперникомъ.

Въ ту же минуту ударъ барабана возвѣстилъ народу о результатахъ игры.

Было еще одно условіе, на исполненіи котораго царевнѣ предоставлено было право настаивать, прежде чѣмъ осчастливить жениха своимъ согласіемъ. Послѣдній долженъ былъ три раза въ теченіе одной ночи до солнечнаго восхода вызвать на разговоръ нѣмую красавицу. Изданъ былъ указъ, что каждый разъ, какъ царевна заговоритъ, поставленный на караулѣ невольникъ ударитъ въ барабанъ, да будетъ о томъ извѣстно всему народу.

«Видишь, другъ мой», сказала мышка, когда условіе было сообщено мнимому царевичу, «мое присутствіе очень пригодило тебѣ. Теперь надо обдумать, какъ бы сломить упрямство царевны — вѣдь она только притворяется немою, и заставить ее говорить. Я останусь съ тобою. Тебе отвѣдутъ сегодня покой рядомъ съ опочивальней царевны и васъ раздѣлитъ лишь легкая занавѣсъ. Какъ только всѣ улягутся, я проберусь къ ложу красавицы, а ты обратись къ ней съ просьбою поговорить съ тобою».

Дочь кузнеца такъ и сдѣлала. Когда все успокоилось во дворцѣ и царевна собиралась уже засыпать, мнимый царевичъ нѣжно обратился къ ней съ своего ложа: «Прекрасная царевна, свѣтъ очей моихъ, неужели не услышу слова изъ нѣжныхъ устъ твоихъ?»

Царевна упорно молчала, но мышка, притаившаяся за одной изъ ножекъ ея кровати, заговорила вдругъ ласковымъ голосомъ: «О, царевна, услада сердца моего, съ тобою я готова проговорить всю ночь!»

Царевна вздрогнула при звукѣ неожиданнаго голоса. «Вѣрно чародѣй этотъ царевичъ, что заставляетъ ножку моей кровати отвѣчать за меня». И, задыхаясь отъ гнѣва, она крикнула неодушевленной деревяшкѣ: «Завтра же, уродина, прикажу срубить тебя и сжечь за измѣну!»

Тотчасъ же со сторожевой башни прогремѣлъ барабанъ, возвѣщая городу о совершившемся чудѣ.

Тѣмъ временемъ дочь кузнеца радостно воскликнула: «Привѣтъ тебѣ, ножка кровати моей очаровательницы!» — «И тебѣ также, мой повелитель!» весело отвѣчала спрятанная мышка.

Минуты черезъ двѣ дочь кузнеца снова обратилась къ разгнѣванной царевнѣ: «Невольно приходится мнѣ пользоваться твоимъ гостепріимствомъ, о, возлюбленная царевна! дозвожь просить тебя рассказать мнѣ что-нибудь, пока сонъ не сомкнулъ твоихъ свѣтлыхъ очей».

Мышка, успѣвшая перебѣжать къ другой ножкѣ кровати, тотчасъ же отвѣчала: «Что же рассказать тебѣ, прекрасный царевичъ? Толи, что видѣла собственными очами, или о чемъ только слышала?»

«Самое лучшее, я думаю, чтобъ было и то, и другое».

«Отлично. Я расскажу тебѣ кое-что, что видѣла, слышала и что сама испытала».

И мышка принялась рассказывать.

«Жиль былъ въ одномъ городѣ разбойникъ. Онъ грабилъ не только въ своемъ округѣ, но производилъ набѣги и въ болѣе отдаленныя мѣстности. Однажды онъ такъ увлекся, что покинулъ жену и отправился искать счастья въ другой странѣ. Теперь слушай внимательно и смотри не спи! Онъ такъ долго пропадалъ, что жена сочла его погибшимъ и вышла замужъ за другого, нѣкоторымъ образомъ его же собрата по ремеслу, извѣстнаго вора. На бѣду скоро вернулся настоящій мужъ и былъ очень удивленъ, что въ его домѣ уже другой хозяинъ.

«Ты кто?» грубо окрикнулъ его воръ.

«Да вѣдь это мой домъ, а вонъ тамъ и жена моя». «Нѣтъ, дружище, ошибаешься! Это моя жена. Ты, верно, какой-нибудь мошенникъ и придется мнѣ за стражей послать тебя выгонять!»

Разбойникъ широко раскрылъ глаза отъ изумленія. «Жена», обратился онъ къ женщинѣ, «неужели ты меня не узнаешь? Развѣ я не твой мужъ?»

«Вотъ глупости!» отвѣчала та. «Я тебя въ первый разъ вижу. Вонъ стоитъ мой мужъ!»

«Вотъ такъ штука!» воскликнулъ разбойникъ. Тѣмъ не менѣе онъ счелъ благоразумнымъ удалиться на этотъ разъ и спокойно обсудить дѣло.

На утро всѣ сосѣди собрались и встрѣтили разбойника, какъ старого пріятеля. Многіе приняли его сторону. «Ты ошибаешься», говорили его женѣ: «Вотъ этотъ твой настоящій мужъ». Кончилось тѣмъ, что соперники подрались; ихъ повели къ суду и женщина рѣшила споръ, объявивъ, что будетъ считать себя женою того, кто принесетъ ей больше денегъ. Воръ спросилъ соперника: «Ты кто и чѣмъ занимаешься?»

«Я разбойникъ!» отвѣчалъ тотъ. «Ремесло прибыльное. А ты?»

«Я воръ и тоже доволенъ своею судьбою, и потому уступать своей жены не намѣренъ. Выслушай меня. Давай, помѣряемся съ тобою искусствомъ. Пусть каждый изъ насъ попробуетъ свои силы. Я, пожалуй, могу начать первый. Если ты своимъ ремесломъ выручишь больше, чѣмъ я своимъ искусствомъ - бери жену, а не то она остается за мною». На томъ и порѣшили.

Воръ нарядился богатымъ купцомъ, сѣлъ въ паланкинъ и отправился въ сосѣдній городъ. Тамъ онъ приказалъ остановиться у лавки богатаго золотыхъ дѣлъ мастера, который счелъ себя настолько польщеннымъ посѣщеніемъ знатнаго иностранца, что даже всталъ привѣтствовать рѣдкаго гостя.

Мнимый купецъ съ величественнымъ видомъ принялъ его поклоны и спросилъ, есть ли у него хорошій жемчугъ на продажу?

«Есть, великій господинъ», отвѣчалъ золотыхъ дѣлъ мастеръ.

«Неси, что есть лучшаго у тебя!» приказалъ воръ. Золотыхъ дѣлъ мастеръ бросился въ лавку и вынесъ оттуда богатую шкатулку. Воръ раскрылъ ее и принялся перебирать лежавія тамъ нити жемчуга. «Нѣтъ, это не то, что мнѣ надо», сказалъ онъ, возвращая шкатулку.

«Мнѣ надо жемчугъ болѣе высокаго качества. Есть у тебя получше?»

Торговецъ принесъ еще нѣсколько шкатулокъ; воръ погрузился въ разсматриваніе сокровищъ, причемъ ловко срѣзалъ двѣ нити и незамѣтно запряталъ ихъ въ рукавъ.

«Сколько у тебя шкатулокъ такого качества?»

«У меня ихъ семь».

«Хорошо, я заѣду къ тебѣ», сказалъ воръ и поѣхалъ дальше. Онъ поѣхалъ прямо къ раджѣ, который какъ разъ засѣдалъ въ совѣтѣ. Воръ преклонился передъ нимъ.

«Здравствуй, чужеземецъ», милостиво отвѣчалъ раджа на его поклонъ, «что привело тебя ко мнѣ?» «Свѣтило правосудія», сказалъ воръ, «меня ограбили и похитили семь шкатулокъ цѣннаго жемчуга; я слышалъ, что онѣ въ рукахъ одного здѣшняго золотыхъ дѣль мастера».

Раджа тотчасъ же распорядился послать стражу и арестовать несчастнаго золотыхъ дѣль мастера. Въ лавкѣ воръ указалъ на шкатулку, изъ которой онъ вынулъ жемчугъ: «Всѣ мои шкатулки въ этомъ родѣ. Ихъ семь штукъ». Стражники взяли шкатулки и привели несчастнаго торговца къ царю.

«Вотъ одна изъ моихъ шкатулокъ», сказалъ воръ. «Нѣтъ, о повелитель, это моя собственная», протестовалъ несчастный.

«Если твоя», вмѣшался воръ, «скажи, сколько въ ней нитей жемчуга?»

«Ровно сотня», отвѣчалъ торговецъ.

«Вотъ и неправда, тамъ девяносто восемь!»

Царь приказалъ сосчитать нити и къ восторгу всего двора оказалось, что знатный чужеземецъ сказалъ правду.

«Мои жемчуга похищены и незаконно задержаны этимъ человѣкомъ. Не будь это моя собственность, я не могъ бы знать, сколько въ ней нитей жемчуга».

«Ты говоришь справедливо», рѣшилъ раджа, «очевидно шкатулка твоя». И онъ приказалъ вернуть шкатулки купцу, а ювелира наказать палками и посадить въ тюрьму.

Разбойникъ, — онъ подъ видомъ слуги присутствовалъ при продѣлкѣ хитраго мошенника, — былъ пораженъ. Онъ въ первую минуту не зналъ даже что придумать, чтобъ затмить такую неслыханную дерзость. Оба негодяя вернулись домой къ женѣ, сообщить о своей удачѣ.

«Ну, а теперь скажу тебѣ», закончила мышь, «что мудрый судья, что присудилъ жемчугъ нахальному клеветнику и плуту, приходится отцомъ нашей очаровательной царевнѣ. Я сама все видѣла, слышала и о всемъ тебѣ докладываю».

«Лжешь, негодная деревяшка», крикнула царевна, не въ силахъ сдержать себя отъ гнѣва: «Завтра же велю срубить и сжечь тебя!»

Еще не смолкъ ея гнѣвный возгласъ, какъ второй разъ прогремѣлъ барабанъ, и горожане съ удивленіемъ приподнялись на постеляхъ.

«Привѣтъ тебѣ о, мудрая ножка!» весело крикнула дочь кузнеца.

«Привѣтъ и тебѣ!» раздался смѣющійся отвѣтъ.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Дочь кузнеца снова прервала молчаніе.

«Очаровательная царевна, восторгъ сердца моего, ты усладила слухъ мой чудною повѣстью. Но ночь долга и утомительна! Расскажи еще что-нибудь».

Мышка, притаившись у третьей ножки, сказала: «Расскажу тебѣ опять о томъ, что видѣла собственными очами и слышала собственными ушами. Первый рассказъ мой былъ о ворѣ, второй будетъ о разбойникѣ».

Прошелъ день послѣ описаннаго происшествія; разбойникъ пришелъ къ вору: «Теперь моя очередь. Можешь идти со мною, но обѣщай не проронить слова, пока я самъ не заговорю съ тобою. Не то проиграешь обѣщанную награду».

Воръ согласился, и соперники пустились въ путь. Всю ночь разбойникъ тщетно придумывалъ, чѣмъ бы превзойти мошенника. Надо такъ устроить, рѣшилъ онъ, чтобъ его посадили въ тюрьму, а мнѣ отдали бы его выручку. Вотъ это будетъ дѣйствительно ловко!

Онъ сталъ осторожно собирать нужныя свѣдѣнія и узналъ между прочимъ, что раджа имѣеть обыкновеніе спать на верхней террасѣ дворца. Дворецъ этотъ расположенъ былъ въ чудной мѣстности, прямо надъ рѣкою. Разбойникъ сказалъ вору, когда они подошли къ городу: «Теперь я буду дѣйствовать, а ты будь лишь нѣмымъ, свидѣтелемъ и жди тамъ, гдѣ я прикажу тебѣ».

Онъ запасся желѣзными крюками, дождался ночи, пробрался ко дворцу и, ловко цѣпляясь крючьями за выступы каменной стѣны, взобрался на крышу. Оказалось, что раджа уже спалъ, а охранялъ его лишь одинъ часовой, расхаживающій взадъ и впередъ по террасѣ. Разбойникъ выждалъ, когда тотъ пришелся къ нему спиною, подскочилъ сзади, задушилъ его, а трупъ сбросилъ въ рѣку. Все это было дѣломъ одной минуты. Затѣмъ онъ взялъ ружье и принялся спокойно ходить взадъ и впередъ. Воръ притаился на нѣкоторомъ разстояніи и терпѣливо ждалъ, что будетъ дальше.

Скоро раджа проснулся и крикнулъ: «Часовой!» — «Я здѣсь, повелитель», отозвался разбойникъ. «Подойди ко мнѣ, сядь поближе и расскажи мнѣ что-нибудь, чтобъ душу веселило». Разбойникъ подошелъ, присѣлъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ раджи и началъ рассказывать ему повѣсть о золотыхъ дѣль мастерѣ, о жемчугахъ и о ловкомъ мошенникѣ. По мѣрѣ того, какъ повѣсть подвигалась, воръ все болѣе и болѣе волновался и дѣлалъ изъ своей засады выразительные знаки, чтобъ предупредить рассказчика не выдавать его имени, не измѣнять ему. Разбойникъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и спокойно продолжалъ свой рассказъ. Вдругъ онъ остановился и сталъ рассказывать раджѣ свою собственную повѣсть, какъ онъ съ помощью желѣзныхъ когтей пробрался на террасу и убилъ часоваго.

«О, Боже!» воскликнулъ раджа озираясь. «Кто ты такой? Отвѣчай, не медли».

«Повелитель, не бойся ничего. Я тотъ разбойникъ». «А гдѣ же мой часовой?» продолжалъ испуганный властелинъ.

«Я только что сбросилъ въ рѣку его безжизненное тѣло», отвѣчалъ разбойникъ.

Раджа былъ сильно встревоженъ. Однако онъ скоро успокоилъ себя мыслью, что если бъ разбойникъ намѣревался убить его, онъ спокойно могъ это сдѣлать раньше, во время сна, и потому, очевидно, ничего подобнаго онъ не замышлялъ. «Вѣроятно въ общемъ это добрый мальчикъ», подумалъ раджа. «Подойди ко мнѣ ближе!» громко позвалъ онъ.

«Дозволь мнѣ молвить еще слово, доблестный раджа! Я рассказалъ тебѣ повѣсть о ворѣ. Вотъ этотъ несчастный самъ лично передъ тобою, а золотыхъ дѣль мастеръ невиненъ». И съ этими словами онъ подвелъ за ухо дрожащаго вора.

Лишь только засвѣтило утро, приближенные царя арестовали вора и отданъ былъ приказъ освободить торговца. Раджа, возсѣдая въ совѣтѣ, повелѣлъ раздѣлить жемчугъ между разбойникомъ и золотыхъ дѣль мастеромъ, а вора казнить и прахъ его развѣять по вѣтру. Тогда разбойникъ весело отправился домой и зажилъ спокойно съ своею женою.

«Ну вотъ, видишь ли», заключила мышка, «свѣтило мудрости, что наградило разбойника чужимъ добромъ — родитель нашей мудрой царевны».

Царевна задрожала отъ гнѣва: «О, лживый духъ, поплатишься ты мнѣ за свою дерзость!» крикнула она въ третій разъ.

Снова въ третій и послѣдній разъ прогремѣлъ барабанъ, и горожане, слыша этотъ звукъ, повскакали съ постелей, сообщая другъ другу: «Завтра свадьба нашей красавицы царевны!»

«Привѣтъ тебѣ!» воскликнула дочь кузнеца. «И тебѣ также!» отвѣчала мышка, послѣ чего друзья разстались. Мышка пошла своимъ путемъ, а благодѣтельница ея спокойно закрыла глаза и проспала до утра.

На слѣдующее утро весь городъ былъ съ зарею на ногахъ. Каждому хотѣлось первому услышать радостную вѣсть о свадьбѣ царевны, и весь городъ единодушно торжествовалъ. Дочь кузнеца тоже встала рано, тщательно одѣлась, чтобъ не быть узанною, прошла на конюшню и застала тамъ супруга своего, царевича Гуля, въ скромной одеждѣ конюха, возившагося около лошади съ скребницею и щеткою. Онъ сильно измѣнился за время своего несчастія, но чувствовалъ, что заслужилъ его своею заносчивостью, и старался безропотно переносить тяжелую участь. Царевна нѣжно посмотрѣла на супруга и слезы выступили у нея на глазахъ, но она пересилила себя и вернулась во дворецъ.

День прошелъ въ увеселеніяхъ, играхъ и развлеченіяхъ, а вечеромъ, среди блестящего собранія, торжественно отпраздновали свадьбу мнимаго царевича и прекрасной царевны. Послѣ церемоніи женихъ обратился къ невѣстѣ: «Ты много ставила мнѣ препятствій, прекрасная царевна, теперь моя очередь. Раньше шести мѣсяцевъ ты не увидишь меня». Царевна удалилась въ свои покои, а дочь кузнеца осталась еще нѣкоторое время жить при дворѣ тестя.

Такъ велика была мудрость мнимаго царевича, что раджа сталъ относиться къ нему съ большимъ уваженіемъ и совѣтоваться съ нимъ во всѣхъ дѣлахъ. Привѣтливое обращеніе и разсудительный разговоръ молодого раджи плѣнительно дѣйствовали на окружающихъ и скоро покорили ему всѣ сердца. Первымъ добрымъ дѣломъ дочери кузнеца было просить тестя освободить плѣнныхъ царевичей и разрѣшить имъ вернуться на родину. Она сама пошла слѣдить за исполненіемъ этого распоряженія. Всѣ были освобождены, кромѣ злополучнаго Гуля. Мнимый царевичъ приказалъ ему по прежнему оставаться при должности: каждый день съ утра подводитъ ему осѣдланную и взнузданную лошадь и всюду сопутствовать своему господину. Гуль съ завистью смотрѣлъ, какъ освобождаютъ его товарищей по несчастію, и съ трудомъ удерживался отъ слезъ съ досады и разочарованія. «Одинъ я остаюсь въ рабствѣ!» думалъ онъ съ тоскою.

Прошло нѣсколько недѣль, дочь кузнеца отправилась къ царю. «Позволь мнѣ теперь, государь, вернуться въ свою страну, къ своимъ роднымъ». Царь далъ свое согласіе, снабдилъ молодыхъ всѣмъ необходимымъ для путешествія; далъ имъ для охраны отрядъ всадниковъ и отпустилъ ихъ. Мнимый царевичъ сѣлъ на коня, царевну помѣстили въ богатый паланкинъ, а Гулю приказано было не отставать отъ своего господина; къ нему приставили даже стражу, чтобъ предупредить всякую попытку бѣгства.

Черезъ нѣсколько дней царевичъ Гуль замѣтилъ, что они ѣдутъ по дорогѣ къ его государству. «Увы, что скажетъ насмѣшливая дочь кузнеца, когда увидитъ меня въ такой бѣдѣ?» съ горечью думалъ онъ.

Караванъ былъ не болѣе какъ въ трехъ дняхъ пути отъ столицы, когда дочь кузнеца приказала остановиться на ночлегъ и послала за супругомъ. «У меня тутъ одно серьезное дѣло», сказала она Гулю, «но это должно оставаться тайною для всѣхъ. Мнѣ необходимо переодѣться такъ, чтобъ меня не узнали. Дай мнѣ свою одежду, а самъ возьми мою и займи на время мое мѣсто. Подожди здѣсь съ мѣсяць; я вѣроятно вернусь къ этому времени».

Царевичъ, очень удивленный странною фантазіею своего воображаемаго господина, тотчасъ же надѣлъ предлагаемое ему платье; она же, принявъ его одежду чрезъ вѣрнаго

слугу, а съ нею скребницу и щетку, уложила все въ шкатулку и, подъ покровомъ ночи, скрылась изъ лагеря.

Прошло нѣсколько дней; дочь кузнеца не возвращалась и не давала о себѣ вѣстей. Царевичъ Гуль начиналъ терять терпѣніе. «Положимъ, молодой раджа просить меня подождать съ мѣсяць съ царвеною и ея свитою. Но что онъ мнѣ? Отець мой могущественный царь и столица его близко. Отчего бы не взять мнѣ съ собою царвну и не объявить, что я самъ досталъ ее? Пусть не смѣется надо мною гордая дочь кузнеца!» На утро онъ далъ соотвѣтствующія приказанія и на третій день караванъ вступилъ въ столицу. Передъ нимъ летѣли гонцы и громко провозглашали о возвращеніи царевича и о томъ, что онъ везетъ съ собою знаменитую нѣмую принцессу. Старый раджа съ отрядомъ выѣхалъ на встрѣчу къ сыну, и когда народъ увидѣлъ Гуля, красиваго и статнаго, на конѣ рядомъ съ отцемъ, ликованіямъ не было конца.

Войдя во дворець, Гуль съ удивленіемъ узналъ, что дочь кузнеца вернулась къ отцу. Онъ тотчасъ же послалъ за нею.

«Помнишь, какъ ты оскорбила меня насчетъ царвны: Ну, а теперь что скажешь? Развѣ не добылъ я царской дочери?»

«Ты самъ ее добывалъ?» спокойно спросила царвна, «или можетъ я помогла?»

«Полагаю, что самъ!» отвѣчалъ несколько удивленный царевичъ.

«А мнѣ кажется, что я!» возразила молодая женщина.

Она топнула своей маленькой ножкой и тотчасъ въ комнату вошелъ невольникъ съ ящикомъ и опустилъ его передъ госпожею. Когда рабъ безшумно удалился, царвна открыла ящикъ и вынула оттуда старую скребницу, щетку и весь незатѣйливый уборъ конюха.

Улыбаясь, разложила она эти предметы передъ оторопѣвшимъ царевичемъ и лукаво взглянула на него.

«А это чье? Твое или, можетъ быть, мое?»

Гуль нѣсколько минутъ не былъ въ состояніи отвѣчать. Наконецъ, стгорая отъ стыда, онъ пробормоталъ: «Это мое!»

«Значить, о супругъ мой, кто же добылъ царвну: ты или я?» снова спросила дочь кузнеца.

«Нѣтъ, не я; тебя слѣдуетъ мнѣ благодарить за нее, достойная и мудрая супруга», сказалъ онъ.

«Ахъ, царевичъ мой!» со вздохомъ промолвила молодая женщина, «гдѣ вамъ было справиться съ нѣмою царвною, когда весь сонмъ твоихъ совѣтниковъ не могъ постичь тайны глинянаго сосуда! А теперь получи царвну изъ моихъ рукъ, женись на ней и да воцарятся миръ и согласіе въ нашей странѣ».

Раджа, который каждый дѣнь давалъ себя жарить

Было это давно, очень давно. Жилъ одинъ грозный и могущественный царь, по имени Каранъ, и этотъ царь далъ себѣ клятву ежедневно раздавать нищимъ по десяти пудовъ золота и безъ этого не ѣсть и не пить.

И вотъ каждый день за полчаса до того, какъ раджа Каранъ садился за трапезу, выходили изъ дворца царскіе слуги съ большою корзиною и пригоршнями разбрасывали золотыя монеты собравшейся толпѣ бѣднаго люда. Нечего и говорить, что приглашенные ни разу не заставили себя ждать и съ ранняго утра толпились у воротъ дворца.

Они толкались, и спорили, и шумѣли, и волновались, а когда послѣдняя монета была поймана, всѣ шумно расходились по домамъ. Тогда раджа Каранъ мирно садился за трапезу и ѣлъ съ пріятнымъ чувствомъ человѣка, исполнившаго свой долгъ.

Смотрѣлъ народъ на такую небывалую щедрость и тихонько покачивалъ головою. Вѣдь должна же была рано или поздно истощиться царская казна? а тогда раджѣ придется пожалуй умирать голодною смертью: онъ по-видимому не такой человѣкъ, чтобъ нарушить клятву. Однако мѣсяца и годы проходили и каждый день слуги щедро надѣляли звонкою золотою монетою собравшуюся толпу. А когда народъ расходился, всякій могъ видѣть, какъ великодушный повелитель спокойно и весело усаживался за трапезу и ѣлъ по-видимому съ большимъ аппетитомъ.

Надо сказать, что дѣло было не такъ просто, какъ казалось на первый взглядъ. Царь Каранъ заключилъ договоръ съ однимъ очень благочестивымъ, но вѣчно голоднымъ старымъ факиромъ, поселившимся на вершинѣ сосѣдняго холма; договоръ былъ такого рода: раджа обязался давать себя ежедневно жарить и съѣдать, а за это получалъ отъ факира, тоже ежедневно, по десяти пудовъ чистаго золота.

Будь факиръ простой смертный, договоръ оказался бы слишкомъ невыгоднымъ для раджи, но это былъ совсѣмъ особенный факиръ! Онъ съ наслажденіемъ съѣдалъ царя, даже косточки всѣ обглаживалъ, а затѣмъ бережно собиралъ ихъ, складывалъ, произносилъ два, три заклинанія и... готово! раджа Каранъ вновь стоялъ передъ нимъ веселый и бодрый, какъ всегда. Факиру, конечно, ничего не стоило все это продѣлать, но раджѣ, въ сущности, не могло доставить особаго удовольствія бросаться ежедневно живьемъ на огромную раскаленную сковороду съ кипящимъ масломъ; онъ съ полнымъ сознаниемъ могъ сказать, что честно зарабатываетъ свои десять пудовъ золота. Положимъ, со временемъ онъ привыкъ къ своему положенію и спокойно шель каждое утро къ домику благочестиваго голоднаго старца, гдѣ уже надъ священнымъ огнемъ висѣла и шипѣла огромнѣйшая сковорода. Тутъ онъ любезно сообщалъ факиру какое время, чтобъ тотъ не могъ упрекнуть его въ неаккуратности, и беззаботно погружался въ кипящую масляную ванну. Какъ онъ славно потрескивалъ тамъ и шипѣлъ! Факиръ выжидалъ, пока онъ хорошенько прожарится и подрумянится, не спѣша съѣдалъ свое странное жаркое, обглаживалъ косточки, складывалъ ихъ аккуратно, пѣлъ свое заклинаніе, а затѣмъ выносилъ ожидавшему его раджѣ свой старый засаленный халатъ, и трясъ его, трясъ пока не натрясетъ обѣщанной кучи золота.

...Какъ онъ славно потрескивалъ тамъ и шипѣлъ!..

Такъ ежедневно выручалъ раджа Каранъ свою щедрую милостыню и надо согласиться, что способъ заработка былъ не совсѣмъ обыкновенный.

Далеко, далеко оттуда лежала чудная страна, а въ ней великое озеро Мансараборъ. На этомъ озерѣ водились диковинныя птицы, вродѣ дикихъ лебедей, и питались онѣ исключительно жемчужными зернами. Случился у нихъ голодъ; жемчугъ сталъ вдругъ настолько рѣдокъ, что одна пара этихъ птицъ рѣшила попытать счастья въ другомъ мѣстѣ и покинула родной край. Пролетали они надъ садами великаго раджи Бикрамаджита и спустились отдохнуть. Увидѣлъ ихъ дворцовый садовникъ; ему очень понравились бѣлоснѣжныя птицы и онъ сталъ приманивать ихъ зернами. Но напрасно бросалъ онъ имъ всевозможныя зерна и другой кормъ: птицы ни къ чему не прикасались. Тогда садовникъ отправился во дворецъ и доложилъ раджѣ, что въ саду появились диковинныя птицы, которыя не идутъ ни на какой кормъ.

Раджа Бикрамаджита самъ вышелъ посмотрѣть на нихъ, а такъ какъ онъ умѣлъ говорить по птичьи, онъ спросилъ залетныхъ гостей, отчего они не хотятъ отвѣдать предложеннаго зерна?

«Мы не можемъ ѣсть ни зерна, ни плодовъ», отвѣчали птицы, «мы ѣдимъ только чистый неотдѣланный жемчугъ».

Тогда раджа немедленно велѣлъ принести корзину жемчуга и съ тѣхъ поръ каждый день выходилъ въ садъ кормить птицъ изъ собственныхъ рукъ.

Разъ среди жемчужинъ попалась одна проткнутая; птицы тотчасъ же замѣтили ее и рѣшили, что вѣроятно у раджи начинаетъ истощаться запасъ жемчуга и что пора имъ покинуть его. Какъ ни упрашивалъ ихъ раджа, птицы настояли на своемъ, распростерли свои широкия бѣлыя крылья, вытянули гибкія шеи по направленію къ родному краю и исчезли въ синевѣ небесъ. Но все время, поднимаясь, они громко пѣли и славили великодушнаго Бикрамаджиту.

Пролетали они надъ дворцомъ раджи Карана. Тотъ какъ разъ въ это время сидѣлъ на террасѣ и поджидалъ своихъ слугъ съ золотыми монетами. Онъ услышалъ надъ собою громкое пѣніе: «Хвала Бикрамаджитѣ! Хвала Бикрамаджитѣ!» — «Кто это такой, кого даже птицы славятъ? Я даю себя жарить и съѣдать каждый день, чтобъ имѣть возможность ежедневно раздавать милостыню, а меня однако ни одна птица не славить!»

Онъ тотчасъ же приказалъ поймать птицъ и посадить ихъ въ клѣтку. Приказаніе немедленно было исполнено и клѣтка повѣшена во дворцѣ. Раджа разложилъ передъ птицами всевозможный кормъ, но птицы тоскливо поникли бѣлоснѣжными головами и пропѣли: «Хвала Бикрамаджитѣ! Онъ кормилъ насъ чистымъ жемчугомъ!»

Раджа Каранъ не хотѣлъ, чтобъ кто-нибудь оказался щедрѣе его, и послалъ за жемчугомъ; но гордыя птицы презрительно отвернулись.

«Это еще что такое!» гнѣвно воскликнулъ раджа «развѣ Бикрамаджита щедрѣе меня?»

Тогда поднялась самка и гордо сказала: «Ты называешь себя раджею, а какой ты раджа? Раджа не сажаетъ въ тюрьму невинныхъ. Раджа не ведетъ войны съ женщинами. Будь Бикрамаджита здѣсь, онъ во что бы то ни стало освободилъ меня!»

«Такъ лети же на свободу, строптивое созданье!» промолвилъ Каранъ, открывая клѣтку. Ему не хотѣлось уступить въ великодушіи Бикрамаджитѣ.

И птица взмахнула широкими крыльями, полетѣла обратно къ Бикрамаджитѣ и сообщила раджѣ, что милый супругъ ея томится въ плѣну у грознаго раджи Карана.

Бикрамаджита, великодушнѣйшій изъ раджей, тотчасъ же рѣшилъ освободить несчастную птицу, но онъ зналъ, что просьбами не уговорить упрямаго Карана. Онъ рѣшилъ дѣйствовать хитростью. Съ этою цѣлью онъ уговорилъ птицу вернуться къ супругу и тамъ ждать его; а самъ нарядился слугою и отправился въ государство раджи Карана.

Тамъ онъ подъ именемъ Бикру поступилъ на службу къ царю и сталъ наравнѣ съ другими носить корзины съ золотою казною.

Скоро онъ убѣдился, что тутъ кроется какая-то тайна, и сталъ слѣдить за раджею. Однажды, спрятавшись въ засаду, онъ видѣлъ, какъ раджа Каранъ входилъ въ домикъ факира, видѣлъ, какъ онъ погружался въ кипящее масло, какъ онъ шипѣлъ тамъ и зарумянивался; видѣлъ, какъ голодный факиръ набросился на жаркое и обгладывалъ косточки; а затѣмъ видѣлъ, какъ тотъ же раджа Каранъ живъ и невредимъ спускался съ холма съ своею драгоценною ношею.

Тутъ онъ сразу сообразилъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. На слѣдующій день онъ всталъ съ зарею, взялъ кухонный ножъ, сдѣлалъ себѣ нѣсколько глубокихъ надрѣзовъ, затѣмъ взялъ перцу, соли, разныхъ пряностей, толченыхъ гранатовыхъ зеренъ и гороховой муки; замѣсилъ изъ этого родъ сои и усердно натерся ею по всѣмъ направлѣнїямъ, несмотря на жгучую боль. Въ такомъ видѣ незамѣтно прокрался онъ въ домикъ факира и улегся на приготовленную сковороду. Факиръ еще спалъ, но шипѣнїе и потрескиванїе жаркого скоро разбудило его. Онъ потянулся и повелъ носомъ. «О боги! какъ необыкновенно вкусно пахнетъ сегодня раджа!»

Дѣйствительно, запахъ былъ такъ соблазнителенъ, что факиръ не могъ дожидаться, когда жаркое зарумянится, и накинулся на него съ такою жадностью, словно вѣкъ ничего не ѣлъ. И не мудрено: послѣ прѣсной пищи, къ которой привыкъ факиръ, раджа подъ приправою показался ему чѣмъ-то совсѣмъ необыкновеннымъ. Онъ чисто, чисто обглодалъ и обсосалъ всѣ косточки и, пожалуй, готовъ былъ бы съѣсть и ихъ, да побоялся убить курочку съ золотыми яйцами!

Когда все было готово, а раджа вновь здоровъ и невредимъ всталъ передъ нимъ, факиръ нѣжно посмотрѣлъ на него: «Что за пиръ устроилъ ты мнѣ сегодня! Что за запахъ, что за вкусъ! Какъ это ты ухитрился? Объясни, я дамъ тебѣ все, что пожелаешь».

Бикру объяснилъ, какъ было дѣло, и обѣщаль еще разъ продѣлать то же, если факиръ отдастъ ему свой старый халатъ. «Видишь ли, особаго удовольствїя право нѣтъ въ томъ, чтобъ жариться! А мнѣ еще вдобавокъ приходится таскать на себѣ по десяти пудовъ золота. Отдай мнѣ халатъ; я и самъ сумѣю его трясти». Факиръ согласился и Бикру ушелъ, унося съ собою халатъ.

Тѣмъ временемъ раджа Каранъ не спѣша подымался по холму. Каково же было его удивленїе, когда, войдя въ домикъ факира, онъ нашель огонь потушеннымъ, сковороду опрокинутою, а самого факира какъ всегда погруженнаго въ благочестїе, но ничуть не голоднаго.

«Что тутъ такое?» прогремѣлъ раджа. — «А?.. кто тутъ?» спросилъ кротко факиръ. Онъ былъ всегда близорукъ, а тутъ его еще клонило ко сну послѣ сытнаго обѣда.

«Кто? Да это я, раджа Каранъ, пришелъ, чтобъ сжариться! Тебѣ развѣ не нуженъ завтракъ сегодня?»

«Я уже завтракалъ!» И факиръ вздохнулъ съ сожалѣнїемъ. Ты страшно былъ кусень сегодня... право, съ приправою куда лучше».

«Съ какою приправою? Я вѣкъ свой ничѣмъ не приправлялся, ты вѣрно кого-нибудь другого съѣлъ!»

«А вѣдь, пожалуй, что такъ», сонно пробормоталъ факиръ», я и самъ было думалъ... не можетъ быть... чтобъ одна приправа... такъ...». Дальше нельзя было разобрать: факиръ уже храпѣлъ.

«Эй, ты!» кричалъ раджа, яростно тормоша факира, «ѣшь и меня!»

«Не могу!» бормоталъ удовлетворенный факиръ «никакъ не могу! — ни чуточки... нѣтъ... нѣтъ благодарю!»

«Такъ давай мнѣ золото!» ревелъ раджа Каранъ, «ты обязанъ его дать: я свое условіе готовъ выполнить!»

«Право жаль... не могу... тотъ чортъ, тотъ другой... убѣжалъ съ халатомъ!»

Раджа Каранъ въ отчаяніи пошелъ домой и приказалъ царскому казначею выдать ему требуемое количество золота, послѣ чего, по обыкновенію, сѣлъ за трапезу.

Прошелъ день, другой, раджа по-прежнему раздавалъ золото и обѣдалъ, но сердце его было печально и взоръ темнѣе ночи.

Насталъ, наконецъ, третій день; на террасу явился царскій казначей, блѣдный и трепещущій, и палъ ницъ передъ раджею. «О, государь! будь милостивъ! Нѣтъ ни одной пылинки золота во всемъ государствѣ».

Тогда раджа медленно всталъ и заперся въ своей опочивальнѣ, а толпа, прождавъ нѣсколько часовъ у закрытыхъ воротъ дворца, разошлась по домамъ, громко негодуя, что какъ не совѣстно обманывать такъ честной народъ!

На слѣдующій день раджа Каранъ замѣтно осунулся, но твердо рѣшилъ не нарушать своей клятвы. Напрасно уговаривалъ его Бикру вкусить чего-нибудь, раджа печально покачалъ головою и отвернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Тогда Бикру или Бикраманджита вынесъ волшебный халатъ и, потряхивая имъ передъ царемъ, сказалъ: «Возьми свое золото, другъ мой, а лучше всего возьми себѣ халатъ, только отпусти на свободу ту птицу, что ты держишь въ неволѣ».

Пораженный раджа тотчасъ же приказалъ выпустить птицъ и онъ взвились и понеслись къ родному озеру Мансаробаръ, и долго звучала въ воздухѣ ихъ радостная пѣснь: «Хвала тебѣ Бикраманджита! Хвала тебѣ, великодушнѣйшій изъ раджей!»

А раджа Каранъ задумчиво понурилъ голову и подумалъ про себя: «Правы божественныя птицы! не равняйся мнѣ съ Бикраманджитою. Я давалъ себя жарить ради золота и собственнаго обѣда, а онъ рѣшился собственноручно нашпиковать себя, чтобъ вернуть свободу одной единственной птицѣ».

Земледѣлецъ и ростовщикъ

Жиль былъ одинъ земледѣлецъ, которому приходилось очень много терпѣть отъ своего сосѣда ростовщика. Кончилось тѣмъ, что онъ совсѣмъ попалъ къ нему въ кабалу. Хороша ли была жатва или плоха, земледѣлецъ все оставался бѣденъ, а ростовщикъ съ каждымъ годомъ все богатѣлъ его трудами. Наконецъ у бѣдняка не осталось ни гроша. Онъ пошелъ тогда къ богатому сосѣду и сказалъ: «Теперь, другъ, получить съ меня нечего: изъ камня воды не выжмешь! Открой мнѣ лучше тайну: что надо сдѣлать, чтобъ разбогатѣть?»

«Другъ мой», отвѣчалъ благочестиво ростовщикъ, «всякое благо жизни отъ Рамы — спроси его!»

«Благодарю тебя, я такъ и сдѣлаю». Добродушный земледѣлецъ пошелъ домой, приготовилъ себѣ на дорогу три лепешки и отправился искать бога Раму.

Попался на встрѣчу ему браминъ: «О, святой отецъ, мнѣ нечего предложить тебѣ, прими хоть эту лепешку... научи меня, гдѣ найти Раму!» Но браминъ молча взялъ лепешку и молча прошелъ мимо. Бѣдный земледѣлецъ понурилъ голову и пошелъ дальше. Встрѣтился ему другой благочестивый старецъ. Земледѣлецъ смиренно обратился къ нему съ тѣмъ же вопросомъ и предложилъ ему вторую лепешку. Но старецъ лишь мелькомъ взглянулъ на него, взялъ лепешку и молча прошелъ мимо. Призадумался бѣднякъ и рѣшилъ идти прямо передъ собою. Немного далѣе увидѣлъ онъ стараго нищаго.

Бѣднякъ благовѣрно склонился передъ старцемъ.

Тотъ сидѣлъ подъ большимъ деревомъ при дорогѣ и казался такимъ слабымъ и изнуреннымъ, что бѣднякъ нашъ, не задумываясь, отдалъ ему послѣднюю лепешку, затѣмъ сѣлъ рядомъ съ нимъ и сталъ съ участіемъ спрашивать его.

«А ты куда идешь?» спросилъ его въ свою очередь незнакомецъ.

«О, я иду далеко, я ищу Раму!» отвѣчалъ земледѣлецъ.

«Никто не хочет указать мнѣ дорогу... Не думаю, чтобъ ты могъ помочь мнѣ въ этомъ дѣлѣ».

«А, можетъ быть, и могу», возразилъ улыбаясь старикъ. «Я тотъ Рама, котораго ты ищешь! Скажи, зачѣмъ нуженъ я тебѣ!»

Бѣднякъ благоговѣнно склонился предъ могущественнымъ старцемъ и повѣдалъ ему свое горе. Тогда Рама, сжалившись надъ его несчастною судьбою, далъ ему большую раковину, научилъ какъ дуть въ нее особымъ образомъ и прибавилъ: «Помни одно! Чего бы ты ни пожелалъ, все явится у тебя, какъ только дунешь въ раковину такимъ образомъ. Но опасайся ростовщика! Даже волшебныя чары могутъ оказаться безсильными противъ его козней!»

Земледѣлецъ радостно побрелъ домой. Дѣйствительно, ростовщикъ тотчасъ же подмѣтилъ хорошее настроеніе своего сосѣда и рѣшилъ, что дѣло не спроста. «Вѣрно повезло въ чемъ-нибудь этому болвану, что онъ вдругъ такъ повеселѣлъ. Пойду, разузнаю въ чемъ дѣло!» И онъ пошелъ въ скромный домикъ сосѣда и поздравилъ его съ удачей, о которой, будто бы, только что слышалъ, вообще повелъ рѣчь такъ искусно, что земледѣлецъ незамѣтно для самого себя выболталъ ему все — все кромѣ тайны, какъ дуть въ раковину; настолько то хватило у него ума и осторожности!

Тѣмъ не менѣе, ростовщикъ рѣшилъ во что бы то ни стало завладѣть раковиной; а такъ какъ способами онъ не стѣснялся, то просто воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ и укралъ раковину у сосѣда.

Однако, напрасно вертѣлъ онъ ее во всѣ стороны и дулъ въ нее такъ усердно, что чуть не лопнулъ — ничего не выходило. Тогда онъ снова пошелъ къ земледѣльцу и холодно сказалъ ему: «Вотъ въ чемъ дѣло! Раковина твоя у меня, но я не умѣю ее употреблять; у тебя же ея нѣтъ, такъ что и все знаніе твое ни при чемъ. Очевидно, дѣло не двинется, пока мы не вступимъ въ соглашеніе. Хочешь, я отдамъ тебѣ раковину и обѣщаю никогда больше въ дѣла твои не мѣшаться, но подъ однимъ условіемъ: что бы ты ни получалъ, я желаю получать вдвое».

«Ни за что, ни за что!» воскликнулъ земледѣлецъ, «это опять по старому пойдетъ!»

«Нисколько!» спокойно отвѣчалъ ростовщикъ, «вѣдь ты получишь свое! Не будь же дуракомъ: какое тебѣ дѣло богатъ я, или бѣденъ, разъ ты самъ получаешь все, что тебѣ надо».

Какъ ни отбивался земледѣлецъ отъ печальной необходимости служить на пользу ростовщику, пришлось согласиться. Съ тѣхъ поръ, чтобы ни получалъ онъ въ силу волшебной раковины, у ростовщика тотчасъ же получалось вдвое, и увѣренность въ этомъ настолько удручала злополучнаго земледѣльца, что ничто его больше не радовало.

Настало, наконецъ, знойное время года; настолько знойное, что у земледѣльца всѣ поля побѣлѣли отъ засухи. Онъ подулъ въ раковину и пожелалъ имѣть ручей, чтобъ освѣжить поля! Ручей явился, но — о досада! — у ростовщика ихъ оказалось два — два чудныхъ ручья среди поля! Тутъ уже несчастный не выдержалъ: онъ готовъ былъ утопиться съ горя! Вдругъ блестящая мысль озарила его. Быстро схватилъ онъ раковину, что есть силы дунулъ въ нее и громко воскликнулъ: «О, Рама, услышь мою мольбу: пусть лопнетъ у меня одинъ глазъ!» И вмигъ совершилось: онъ окривѣлъ! Зато ростовщикъ тутъ же лишился обоихъ глазъ и, пробираясь по полю между своими двумя ручьями, упалъ въ одинъ изъ нихъ и утонулъ.

Такъ удалось однажды земледѣльцу перехитрить ростовщика, но, увы! цѣною собственнаго глаза.

Торжество истины

Много столѣтій тому назадъ жилъ одинъ раджа, у котораго было двѣнадцать женъ и ни одного ребенка. Напрасно возсылалъ онъ къ небу жаркія молитвы, напрасно расточалъ щедрые дары по храмамъ — боги не посылали ему ни дочери, ни сына.

Разъ отправился раджа путешествовать по странѣ въ сопровожденіи визиря (главнаго министра) и другихъ придворныхъ; по пути заѣхали они въ одно селеніе, гдѣ былъ очень большой садъ, и раджа зашелъ въ него погулять. Садъ былъ красивъ и было въ немъ много плодовыхъ деревьевъ, но что особенно привлекло вниманіе раджи, это небольшое деревцо, футовъ двухъ высоты, совсѣмъ безъ листьевъ, но со сто однимъ плодомъ. Раджа былъ такъ пораженъ ихъ обиліемъ, что остановился сосчитать ихъ. «Вотъ странное явленіе!» обратился онъ къ приближеннымъ, «взгляните на это деревцо: ни одного листа, а сто одинъ плодъ. Что бы это могло значить?» — «Я могу, кажется, объяснить тебѣ, государь, это чудесное явленіе», вымолвилъ визирь. Онъ славился по всему государству ученостью и глубокою мудростью. «Только объ одномъ прошу тебя: можетъ быть тебѣ покажутся неправдоподобными мои слова, но обѣщай, что не лишишь меня за нихъ своей высокой милости, даже если сочтешь ихъ ложью».

Раджа обѣщаль и визирь продолжалъ: «У владѣльца этого сада есть дочь и кто женится на ней, будетъ имѣть отъ нея сто сыновей и одну дочь». Раджа тотчасъ же рѣшилъ жениться на этой дѣвушкѣ и спросилъ визиря, гдѣ бы ее увидѣть? «Теперь трудно устроить это, государь», отвѣчалъ мудрый визирь. «Бѣдный людъ робѣетъ передъ знатью, и, пока ты здѣсь съ такою пышною свитою, всѣ, особенно дѣти, прячутся по разнымъ закоулкамъ. Мой совѣтъ — отослать свиту и пусть пройдетъ слухъ, что раджа отбылъ отсюда. Ты же, государь, оставайся здѣсь въ саду и вѣроятно тебѣ удастся скоро увидѣть маленькую Гузру, о которой я говорю».

Раджа такъ и сдѣлалъ: свита уѣхала, а онъ остался. На слѣдующій день зашла въ садъ дочь садовника, совсѣмъ молоденькая дѣвушка, собирать цвѣты. Раджа пошелъ было къ ней навстрѣчу, но она, видя чужаго человѣка, смутилась и побѣжала домой.

Раджа пошелъ за нею. Дѣвочка была такъ изящна и мила, что показалась ему очаровательнѣе всякой царской дочери, и онъ рѣшилъ непременно жениться на ней.

Подойдя къ хижинѣ садовника, онъ нашель дверь запертою. Онъ постучался.

«Пустите меня, добрые люди! Я раджа, пришелъ просить въ жены маленькую Гузру».

Садовникъ за дверью только засмѣялся въ отвѣтъ: «Росказни, голубчикъ! На это насъ не проведешь! Ты раджа? Да раджа теперь за сто верстъ отъ насъ! Иди себѣ откуда пришелъ, здѣсь тебѣ дороги нѣтъ». Но раджа продолжалъ настаивать, чтобъ его впустили, наконецъ садовникъ открылъ дверь и остановился въ изумленіи: онъ узналъ раджу. Почтительно спросилъ онъ, чѣмъ можетъ служить высокому гостю.

Раджа повторилъ свою просьбу. «Оставь это», твердо заявилъ садовникъ. «Это плохая шутка. Незачѣмъ придумывать всякую небывальщину! Конечно, ты можешь думать, что ты великій раджа, а я простой садовникъ, но увѣряю тебя, въ этомъ случаѣ это для меня безразлично. Будь ты повелитель всей вселенной, я не дозволю притти смущать мою дѣвочку и набивать ей голову всякимъ вздоромъ чтобъ потомъ разбить ей сердце».

«Право, добрый человек», смиренно отвѣчалъ раджа, «я не шучу съ тобою, я вполне честно говорю, что хочу жениться на твоей дочери».

«Вотъ что», продолжалъ садовникъ, «не думай что я позволю одурачить себя только потому, что я бѣдный садовникъ, а говоритъ со мною великій раджа. Раджа или нѣтъ - мнѣ все равно. Если ты действительно чистосердечно желаешь жениться на моей дочери, будь по твоему: приди и женись. Но не хочу я всѣхъ вашихъ нововведеній и придворныхъ церемоній, отъ которыхъ только голова кругомъ идетъ. Пусть выходитъ дѣвушка замужъ по отцовскимъ обычаямъ и подъ отцовскою кровлею, и пусть на свадьбу соберутся наши старые друзья и знакомые. Они знали и любили Гузру съ младенческихъ лѣтъ, когда ей еще не снилось о тебѣ».

Раджа спокойно выслушалъ речь простодушнаго садовника и нимало не разсердился: его напротивъ пріятно поразила прямота и чистосердечіе стараго человека. Онъ, не колеблясь, согласился на его условія. Деревенская красавица, Гузра, была выдана замужъ со всевозможною торжественностью, но по деревенскимъ обычаямъ, а затѣмъ раджа повезъ ее къ себѣ во дворецъ, сопровождаемую слезами и благословеніями всѣхъ родныхъ и знакомыхъ.

Двѣнадцать царскихъ женъ, все бывшихъ царскихъ дочерей, недружелюбно встрѣтили новую подругу и рѣшили, что раджа нанесъ имъ оскорбленіе, женившись на дочери простаго садовника, и что слѣдуетъ жестоко отомстить ей за это при первомъ случаѣ.

Прежде всего онѣ сговорились выжить ее изъ дворца, и стали такъ приставать къ молодой женщинѣ и такъ мучить ее всѣми способами, что раджа, чтобъ избавить свою маленькую любимицу отъ преслѣдованія, перевелъ ее въ отдѣльный домъ, нарочно для нея выстроенный, и поселился тамъ съ нею.

Нѣкоторое время жили они счастливо и спокойно, и раджа сильно привязался къ своей маленькой супругѣ. Однажды пришлось ему ѣхать по дѣлу въ отдаленную часть государства и, опасаясь, чтобъ его знатныя жены не повредили Гузрѣ во время его отсутствія, онъ далъ ей при разставаніи маленькій золотой колокольчикъ: «Если, пока я буду въ отсутствіи, что-нибудь испугаетъ тебя или кто-нибудь тебя обидитъ, позвони въ колокольчикъ и, гдѣ бы я ни былъ, я услышу звонъ и поспѣшу къ тебѣ на помощь».

Раджа уѣхалъ. Гузра не совсѣмъ довѣряла силѣ колокольчика и рѣшила испытать ее. Уже на слѣдующій день она позвонила. Раджа тотчасъ же явился. «Что тебѣ надо?» спросилъ онъ. «О, ничего пока! Я просто пошала. Мне не вѣрилось, что ты мнѣ правду сказалъ про колокольчикъ, и я хотѣла попробовать». — «Надѣюсь, что теперь убѣдилась и будешь вѣрить», сказалъ онъ и исчезъ. Черезъ нѣсколько дней она опять позвонила. Снова явился раджа. «Прости меня, дорогой», сказала она, «я виновата, что сразу не повѣрила тебѣ, но я сомнѣвалась, что ты можешь вернуться издалека». — «Ничего, я не сержусь», сказалъ онъ, «но будь благоразумнѣе другой разъ».

Прошло нѣсколько дней, Гузра снова позвонила. «Зачѣмъ звонила ты опять, Гузра?» строго спросилъ онъ. «Право не знаю», робко отвѣчала она, «мнѣ что-то страшно стало, сама не знаю почему». — «Ахъ ты, трусишка!» ласково сказалъ онъ, обнимая ее. «На этотъ разъ прощаю, но теперь будь умница! Важныя дѣла требуютъ моего присутствія; постарайся быть похрабрѣе до моего возвращенія», и онъ исчезъ.

Скоро послѣ того у молодой царицы появились на свѣтъ сто сыновей и одна дочь. Прослышали про то двѣнадцать царицъ и рѣшили: «Теперь эта садовничья дочка возгордится надъ нами и будетъ имѣть еще большую силу и значеніе, какъ мать наследника

престола. Избавимся отъ дѣтей и скажемъ раджѣ, что она просто колдунья и съѣла своихъ дѣтей. Онъ разлюбитъ ее и сердце его снова обратится къ намъ». Съ этими словами двѣнадцать царицъ вмѣстѣ двинулись къ дому Гузры. Когда Гузра увидѣла изъ окошка, что онѣ идутъ, она испугалась и схватилась за колокольчикъ. Но напрасно звонила она: раджа не являлся. Она такъ часто звала его напрасно, что онъ, хотя и слышалъ колокольчикъ, но не вѣрилъ, чтобъ былъ дѣйствительно нуженъ женѣ. И бѣдная молодая женщина была всецѣло отдана во власть своихъ непримиримыхъ враговъ.

На бѣду несчастныхъ малютокъ, приставленная къ нимъ нянька была до того долгое время служанкой у двѣнадцати царицъ и, будучи сама очень злою женщиною, способна была на все, чтобъ угодить своимъ прежнимъ злымъ господамъ. Когда царицы спросили ее: «Можетъ ли она известить ненавистныхъ имъ ребятъ?» она, не колеблясь, отвѣчала, что беретъ на себя это дѣло и совѣтуетъ выбросить ихъ на навозную кучу за дворцомъ, куда никогда никто не заглядываетъ, и гдѣ крысы, совы и коршуны живо растащутъ ихъ въ одну ночь. Царицы нашли, что такъ будетъ всего лучше. Коварная нянька взяла младенцевъ и перетаскала ихъ на навозную кучу, а потомъ въ каждую люльку положила по большому камню и пошла объявить Гузрѣ, что всѣ ея младенцы обратились въ камни. «Ахъ ты, гадкая колдунья», набросились царицы на бѣдную молодую женщину, «довольно тебѣ злоупотреблять довѣрчивостью раджи! Конецъ твоему царствованію! Посмотри, ребята твои всѣ въ камни обратились! Посмотри, посмотри, какіе красавцы!» и жестокія женщины принялись со смѣхомъ сбрасывать въ кучу булыжники изъ люлекъ. Несчастливая Гузра чувствовала, что тутъ кроется обманъ; но напрасно плакала она и ломала руки, умоляя отдать ей дѣтей, царицы только смѣялись ей въ отвѣтъ. Не успѣлъ раджа вернуться, какъ злая царица обвинила Гузру въ колдовствѣ, а нянька засвидѣтельствовала, что сто одинъ ребенокъ, порученные ей попеченію, на глазахъ у нея мгновенно обратились въ камни. Потеря столь страстно ожидаемыхъ дѣтей такъ поразила раджу, что онъ не захотѣлъ слушать увѣреній Гузры и велѣлъ заточить ее въ темницу.

Тѣмъ временемъ, пискъ заброшенныхъ младенцевъ услышала старая крыса, нора которой приходилась по близости къ навозной кучѣ. Ей стало жаль малютокъ и она перетаскала ихъ одного за другимъ въ свою нору, чтобъ спасти отъ хищныхъ птицъ. Потомъ она созвала къ себѣ всѣхъ крысъ окрестности, показала имъ дѣтей и просила всѣхъ помочь ей выкормить несчастныхъ малютокъ. Крысы сговорились, что каждый день сто одна крыса будутъ приносить по немного пищи и давать которому-нибудь изъ дѣтей. Такъ пошло изо дня въ день; дѣти росли въ полномъ довольствѣ, а когда они начали ходить, они съ утра выползали изъ своей норы и играли на солнышкѣ, а къ ночи опять заползали въ подземелье. Надо же, чтобъ на ихъ бѣду забрела однажды въ ту сторону злая нянька! Мальчики были еще въ норѣ, а дѣвочка уже выползла наружу и хотя тотчасъ же бросилась назадъ, но старуха успѣла ее замѣтить. Она пошла къ царицамъ и сообщила имъ о видѣнномъ. «Боюсь, что не всѣ дѣти погибли, а что часть ихъ какимъ-то чудомъ уцѣлѣла въ этой норѣ. Надо бы послать туда вѣрныхъ людей и приказать убить ихъ». — «Нѣтъ, на это слишкомъ опасно рѣшиться», отвѣчали царицы. «Это можетъ возбудить подозрѣніе. Но можно велѣть вспахать это мѣсто и чѣмъ-нибудь засѣять: дѣти тогда непременно задохнутся въ своей норѣ». Приказаніе тотчасъ же было отдано. Къ счастью, старая крыса, воспитательница малютокъ, шныряла въ это время за кормомъ по дворцу и подслушала разговоръ. Стремглавъ бросилась она домой, забрала дѣтей и ушла съ ними далеко за городъ къ колодцу. Къ нему вела широкая каменная лѣстница, и крыса спрятала своихъ питомцевъ въ углубленія между плитами ступеней, по ребенку подъ каждую плиту.

Тамъ они были бы въ полной безопасности, но случилось, что черезъ нѣсколько дней спускался по ступенямъ рабочій, а съ нимъ его маленькая дочка. Отецъ остался у воды полоскать бѣлье, а дѣвочка отъ скуки забавлялась тѣмъ, что перепрыгивала со ступеньки на ступеньку. Плиты при этомъ дрожали и слегка надавливали ребенка подъ плитою. Мальчики спокойно переносили толчки, но дѣвочка тотчасъ же вскрикнула, когда ее слегка задѣло ступенькою. «Ай, мнѣ больно! Ты давишь меня, глупая дѣвчонка? Мнѣ тяжело: я такая же дѣвочка, какъ и ты!» Испуганная дѣвочка бросилась къ отцу: «Отецъ, отецъ! Тамъ что-то живое подъ камнями! Я слышу голосъ, но злой ли это духъ, или ангель, или ребенокъ какой-нибудь — я не могу разобрать!» Рабочій побоялся самъ разслѣдовать дѣло, но пошелъ во дворецъ и просилъ доложить царицамъ, что у колодца что-то нечисто и что тамъ слышны какіе-то голоса. «Ужъ не забрался ли туда кто-нибудь изъ уцѣлѣвшихъ дѣтей», подумали царицы и послали рабочихъ разобрать лѣстницу и тщательно осмотрѣть, нѣтъ ли тамъ злаго духа.

Рабочіе тотчасъ же приступили къ дѣлу. У самага колодца стоялъ маленькій храмъ въ честь бога Ганпатти. Эта была лишь небольшая молельня съ глинянымъ истуканомъ божества. Когда дѣти почувствовали, что раззоряютъ ихъ убѣжище, они воззвали къ Ганпатти и милосердное божество незамѣтно похитило ихъ и обратило въ деревца у храма. Сто хорошенькихъ манго вокругъ молельни — то были мальчики, а красивый розовый кустъ посреди — дѣвочка, сестра ихъ.

Рабочіе срыли ступени, но ничего не нашли, кромѣ бѣдной старой крысы, которую безжалостно убили. Тогда царицы въ злобѣ своей приказали святотатственно срыть и маленькій храмъ. Срыли храмъ, но дѣтей все таки не нашли. Рабочіе собирались уже уходить, когда любопытная дѣвчонка одного изъ нихъ, вертѣвшаяся тутъ же, обратила вниманіе на деревца. «Посмотри, отецъ!» сказала она, «какія забавныя деревца: я ихъ никогда здѣсь раньше не видѣла! Пойду посмотрю поближе». Она побѣжала къ деревцамъ, подергала ихъ за вѣтки, отщипнула нѣсколько листочковъ; деревца не издали ни звука. Потомъ она побѣжала къ розовому кусту и начала срывать нѣжные цвѣты. Дѣвочка не выдержала и закричала: «Злая дѣвчонка, ты мнѣ ребра ломаешь! Мнѣ больно, я такая же дѣвочка, какъ и ты!» «Слышите, слышите, что говоритъ розовый кустъ!» воскликнула дѣвочка. Снова доложили объ этомъ царицамъ и тѣ приказали тутъ же на мѣстѣ развести большой огонь, срубить всѣ деревца и сжечь ихъ.

Деревца были срублены и огонь разведенъ, но не успѣли свалить ихъ туда, какъ Ганпатти, раздраженный святотатствомъ царицъ и ихъ жестокостью, наслалъ страшную бурю съ вихремъ и дождемъ. Вмигъ костеръ былъ потушенъ, потоки хлынули со всѣхъ сторонъ, наводняя страну, и деревца снесло водою въ рѣку. Тамъ они неслись по теченію нѣсколько дней и наконецъ были всѣ вмѣстѣ выброшены на берегъ среди дикой пустыни, вдали отъ всякаго жилья. На берегу дѣти тотчасъ же приняли свой прежній видъ.

Прошло десять лѣтъ. Дѣти жили спокойно, счастливые взаимною любовью и привязанностью. Вокругъ нихъ въ изобиліи родились плоды и съѣдобные корни и дѣти нужды не терпѣли. Каждый день пятьдесятъ мальчиковъ уходили собирать что нужно на прокормленіе семьи, а пятьдесятъ оставались дома оберегать сестру. Иногда же всѣ братья уходили вмѣстѣ, а дѣвочку отводили въ безопасное мѣсто и она спокойно ждала тамъ ихъ возвращенія. Звѣри лѣсные не вредили имъ; змѣи и скорпіоны не жалили ихъ. Разъ братья усадили сестренку на развѣсистое дерево манго со спѣлыми плодами, а сами отправились на охоту. Побродивъ нѣкоторое время по пустыни, они наткнулись на хижину старой

ракшаски, уже много лѣтъ обитавшей въ джонгляхъ. Ракшаска разозлилась на такое неожиданное нашествіе, махнула клюкой и вмигъ юноши обратились въ вороновъ.

Между тѣмъ наступила ночь, а маленькая царица все еще тщетно ждала братьевъ. Вдругъ услышала она шумъ крыльевъ надъ своею головою и увидѣла цѣлую стаю черныхъ вороновъ. Они громко каркали надъ нею и предлагали ей ягоды и корни, добытые ихъ острыми клювами. Царица тотчасъ же узнала братьевъ и поняла, что какой-нибудь злой духъ обратилъ ихъ въ вороновъ. Нѣжно принялась она ласкать братьевъ, проливая надъ ними горькія слезы.

Проходили дни; вороны по-прежнему каждый день улетали на добычу и каждый вечеръ возвращались къ дереву, гдѣ бѣдная сестренка ихъ проводила время въ слезахъ.

Она такъ много и горько плакала, что слезы ея понемногу образовали цѣлый ручеекъ у подножія дерева и съ каждымъ днемъ ручеекъ этотъ все дальше и дальше струился по джонглѣ.

Охотился однажды въ тѣхъ мѣстахъ молодой раджа, но охота была неудачна. Передъ закатомъ солнца онъ сильно утомился, сбился съ пути и отсталъ отъ приближенныхъ, такъ что очутился одинъ съ нѣсколькими собаками. Собаки тоже измучились и хотѣли пить; они рыскали во всѣ стороны, вынюхивая воду. Вдругъ вдали мелькнуло что то вродѣ свѣтлаго ручейка; собаки бросились туда, а усталый царевичъ побрелъ за ними, дошелъ до дерева и бросился на траву, разсчитывая провести тамъ ночь. Онъ легъ на спину, заложилъ руки подъ голову и сталъ любоваться на густыя вѣтви надъ собою. Каково же было его удивленіе, когда высоко въ воздухѣ увидаль онъ стаю вороновъ, а нѣсколько ниже, на вѣткѣ, прелестную дѣвочку, которая кормила ихъ ягодами и дикими кореньями. Быстро полѣзъ онъ на дерево, схватилъ дѣвочку, осторожно спустилъ ее на землю и сѣлъ рядомъ съ нею. «Скажи мнѣ, красавица, кто ты такая? Какъ живешь ты одна въ такомъ пустынномъ мѣстѣ?» спрашивалъ онъ ее. Дѣвочка сначала ничего не могла сказать отъ испуга. Но царевичъ былъ такъ привѣтливъ и такъ ласково разспрашивалъ ее, что она ободрилась и разсказала ему свою печальную повѣсть, умолчавъ лишь о томъ, что вороны ея братья. «Не плачь, красавица», сказалъ раджа, когда она кончила и залилась слезами, «теперь ты снова будешь счастлива; поѣзжай со мною, будь моею женою и мои родители замѣнятъ тебѣ отца и мать». Царица улыбнулась въ отвѣтъ и утерла слезы, но прибавила: «Ты вѣдь позволишь мнѣ взять съ собою вороновъ, неправда ли? Я такъ страшно ихъ люблю, я не могу жить безъ нихъ». — «Конечно», засмѣялся царевичъ, «иди только со мною, а тамъ можешь забрать съ собою всѣхъ обитателей джонглей».

Онъ привелъ ее съ собою во дворецъ, гдѣ старый раджа съ женою не могли налюбоваться на молоденькую царицу, такъ была она прекрасна, скромна и царственно изящна. Молодой принцъ разсказалъ о ея несчастной судьбѣ и просилъ позволенія жениться на найденной имъ дѣвушкѣ, а такъ какъ ея доброта и привѣтливость неволью плѣняла всѣхъ, согласіе было скоро получено. Отпраздновали свадьбу съ такимъ великолѣпіемъ, словно дѣвушка была дочерью величайшаго изъ раджей и принесла съ собою богатѣйшее приданое. Всѣ единогласно прозвали ее Драупади-Бей, въ честь одной извѣстной красавицы древней Индіи.

Противъ дворца, гдѣ жила молодая царица, росло нѣсколько деревъ; тамъ поселились вороны и царица ежедневно собственными руками варила рисъ и кормила своихъ любимцевъ. Скоро у царицы родился сынъ и назвали его Рамчандръ. Это былъ красивый, сильный ребенокъ. Беззаботно росъ, онъ любимый всѣми, а когда пришло время посылать его въ школу, мать сама стала отводить его туда и каждый вечеръ сама заходила

за нимъ. Случилось, что разъ, когда Рамчандру было около четырнадцати лѣтъ, она не пришла за нимъ въ школу. Онъ немного подождать ее, затѣмъ пошелъ одинъ. Подходя къ дворцу, онъ увидѣлъ, что царица сидитъ подъ деревомъ, ласкаетъ своихъ вороновъ и горько плачетъ. Рамчандръ бросился передъ матерью на колѣни и нѣжно заглянулъ ей въ лицо. «Мама, родная, ты плачешь? Скажи, что съ тобою? Облегчи свое сердце! Я давно замѣчаю, что ты иногда такая печальная». — «Ничего, голубчикъ, это такъ», пробовала отговариваться царица. — «Нѣтъ, мама дорогая, ты что-то скрываешь! Откройся мнѣ. Можетъ, я могу помочь тебѣ? Я все готовъ сдѣлать для тебя». Драупади печально покачала головой... «Увы, дитя мое, ты еще слишкомъ молодъ, чтобъ помочь мнѣ, а причину моей грусти я до сихъ поръ скрывала отъ всѣхъ и не могу открыть ее тебѣ». Но мальчикъ продолжалъ настаивать и она наконецъ уступила его просьбамъ и рассказала ему, какъ братья ея, а его дяди, были обращены въ вороновъ злою ракшаскою. Мальчикъ вскочилъ на ноги и живо спросилъ: «Не помнишь, матушка, въ какую сторону пошли твои братья, когда наткнулись на ракшаску?» — «Гдѣ же тутъ помнить, дорогой, да и какъ могла я знать!» — «Это правда, но можетъ быть ты припомнишь, съ которой стороны подлетѣли они къ тебѣ въ тотъ первый вечеръ?» — «Видишь ли, они летѣли къ дереву какъ будто изъ той части джонгли, что лежитъ прямо за дворцомъ». — «Теперь знаю», радостно воскликнулъ Рамчандръ; «я пойду туда, отыщу эту злоую ракшаску и вывѣдаю у нея, какъ вернуть дядямъ ихъ прежній видъ». — «О нѣтъ, дитя, нѣтъ, нѣтъ, я не пущу тебя!» умоляла царица, «видишь ли, я потеряла мать и отца, я такимъ ужаснымъ образомъ лишилась братьевъ: если еще ты попадешься въ когти коварной ракшаски, стоитъ ли мнѣ жить послѣ этого?» — «Матушка родная, не бойся за меня! Я буду очень остороженъ и лишняго не стану болтать».

Мальчикъ пошелъ къ отцу и сталъ просить раджу пустить его попутешествовать, свѣтъ повидать. Раджа, ничего не подозрѣвая, не сталъ удерживать сына, а только спросилъ, кого желаетъ онъ взять съ собою. Царевичъ просилъ лишь коня и какого-нибудь конюха.

На слѣдующій день рано утромъ Рамчандръ выѣхалъ изъ дворца и поѣхалъ прямо въ джонгли. На опушкѣ онъ отослалъ коня съ конюхомъ обратно домой, а самъ продолжалъ путь пѣшкомъ. Такъ дошелъ онъ до небольшой лачуги, гдѣ спала отвратительная на видъ старуха. Длинные всклокоченные волосы какъ черная тина окутывали ее съ ногъ до головы, вмѣсто пальцевъ на рукахъ ея торчали длинные когти; она спала и громко храпѣла. Царевичъ тотчасъ догадался, что это именно то логовище ракшаски, которое онъ искалъ; онъ осторожно подкрался къ старухе и началъ тихонько почесывать ей голову. Ракшаска скоро проснулась и довольно милостиво взглянула на мальчика. «Ахъ ты мой красавчикъ, не бѣги, не бойся: я вѣдь самая обыкновенная старуха и зла тебѣ не сдѣлаю. Останься со мною, поступай ко мнѣ въ услуженіе». Она говорила такъ не потому, чтобъ въ ней зашевелилось какое-нибудь доброе чувство къ мальчику, а просто потому, что надѣялась извлечь изъ него пользу.

Рамчандръ остался жить у ракшаски и старался всячески заслужить ея довѣріе, а самъ между тѣмъ зорко присматривался ко всѣмъ ея дѣйствіямъ.

Разъ онъ спросилъ ее: «Матушка, зачѣмъ тебѣ столько кружекъ съ водою около дома». Старуха засмѣялась: «Это не простая вода, красавчикъ: это волшебное зелье. Вотъ захочу вернуть прежній видъ кому-нибудь изъ заколдованныхъ мною, прысну этою водою и дѣло готово!» — «Это ловко! А зачѣмъ, скажи, матушка, ты такая бодрая, а все съ клюкою

ходишь?» — «А, а-а! Вся то сила въ ней, въ этой клюкѣ! Только задумай, махни клюкой, — выростетъ передъ тобою гора, лѣсъ, рѣка, ну все, что вздумаешь».

Другой разъ Рамчандръ подсѣлъ къ ней и спросилъ: «Матушка, у тебя такая путаница въ волосахъ: дай я немного расчесу ихъ». — «Что ты, что ты, сынокъ! И не думай трогать моихъ волосъ: бѣды наживешь! Упадеть волосъ на землю — даже джонгля запылаетъ». — «Вотъ оно что!» удивился царевичъ. Теперь онъ зналъ уже все, что ему надо было знать и сталъ подумывать о побѣгѣ.

Онъ выбралъ день, когда было очень жарко и старая ракшаска сидѣла совсѣмъ сонная. Рамчандръ сталъ тихонько почесывать ей голову, что всегда быстро ее усыпляло. При этомъ онъ незамѣтно вырвалъ два или три волоска и спряталъ ихъ у себя. Когда старуха заснула крѣпко, мальчикъ всталъ, забралъ въ одну руку клюку, въ другую кружку съ волшебною водою и вышелъ изъ хижины. Не успѣлъ онъ отойти далеко, какъ ракшаска проснулась и замѣтила пропажу. Она погналась за бѣглецомъ. Летѣла она съ быстротою вѣтра и уже нагоняла мальчика... Тотъ во время оглянулся, махнулъ клюкою и между нимъ и ракшаской бѣшено закрутился могучій потокъ! Увы! быстро какъ мысль ракшаска переплыла его. Снова махнулъ мальчикъ клюкою: высокая гора на минуту скрыла отъ него погоню, но еще минута и ракшаска снова мчалась за нимъ по пятамъ, ближе... ближе. Много разъ оборачивался онъ, много разъ взмахивалъ клюкою, но все это были лишь минутныя отсрочки и онъ почти столько же терялъ отъ остановокъ, сколько выигрывалъ отъ замедленія бѣшеннаго бѣга ракшаски. Наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ схватилъ вырванные имъ у старухи волосы и метнулъ ихъ въ ея сторону. Мгновенно вся джонгля съ холмистой стороны, откуда неслась ракшаска, была объята пламенемъ. Огонь подымался все выше и выше... ракшаски нигдѣ уже не было видно. Мальчикъ спокойно продолжалъ путь съ своею драгоценною ношею и благополучно дошелъ до дворца. Мать бросилась къ нему навстрѣчу, не помня себя отъ радости, что видитъ сына здоровымъ и невредимымъ, а онъ повелъ ее въ садъ и прыснулъ волшебною водою на вороновъ. Каково же было ихъ счастье, когда передъ ними вмѣсто безобразныхъ птицъ появилось сто молодыхъ красавцевъ!

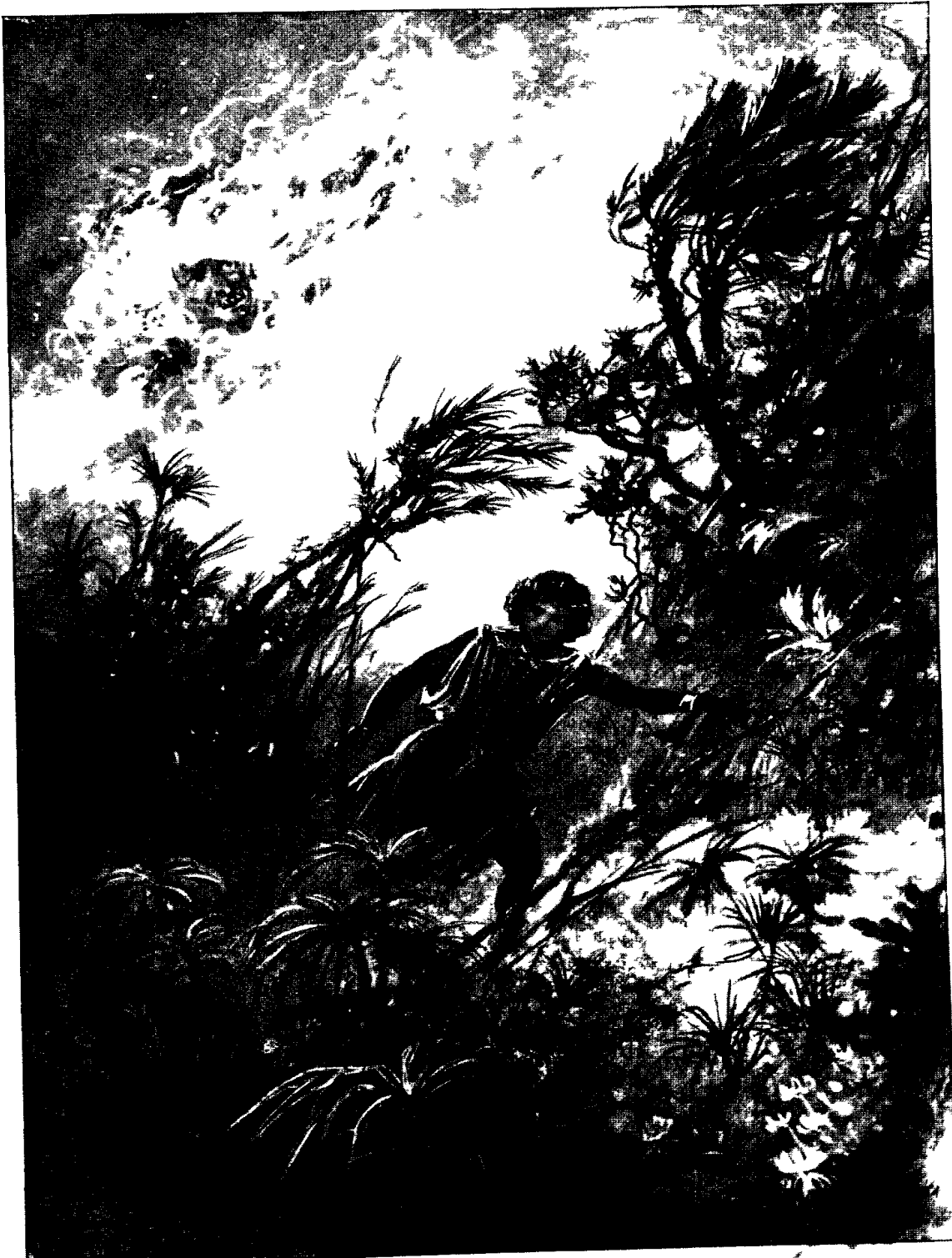
По всей странѣ поднялись празднества въ честь братьевъ царицы и раджа разослалъ гонцовъ по всѣмъ сосѣднимъ государствамъ сзывать на пирь всѣхъ царей съ ихъ царицами.

Прибыль между прочимъ и отецъ Драупади, а съ нимъ двѣнадцать коварныхъ царицъ.

Когда всѣ были въ сборѣ, Драупади встала и сказала, обращаясь къ отцу: «Благородный раджа; мы рады, что ты почтилъ насъ своимъ присутствіемъ, но отчего не всѣ благородный супруги твои съ тобою? Мы смотримъ, но нигдѣ не видимъ рани Гузры. Отчего нѣтъ ее съ тобою?»

Раджа былъ пораженъ: онъ не могъ понять, откуда знаетъ прекрасная Драупади о существованіи Гузры, и отвѣчалъ: «Не произноси имени этой коварной женщины, благородная рани! Она вполне заслуживала кончать дни свои въ заточеніи».

Тутъ встала Драупади и супругъ ея, и сто братьевъ.

...Мгновенно вся джонгля была объята пламенем...

«Мы требуемъ, о благородный раджа, чтобы ты тотчасъ же послалъ за нею и чтобъ привели сюда эту невинно оскорбленную женщину. Въ противномъ случаѣ супруги твои немедленно будутъ посажены въ тюрьму».

Раджа совсѣмъ не могъ понять такого страннаго образа дѣйствія и рѣшилъ, что просто ищутъ предлога затѣять съ нимъ ссору. Но такъ какъ ему въ сущности было

безразлично, будетъ ли тутъ Гузра или нѣтъ, онъ согласился послать за нею. Лишь только показалась она вдали, Драупади, супругъ ея, сто братьевъ и юный Рамчандръ вышли къ ней навстрѣчу и торжественно повели во дворецъ. Тутъ, стоя вокругъ нея, они обратились къ раджѣ, супругу Гузры, и рассказали ему, какъ злая царица оклеветала молодую рани, какъ хотели извести ихъ, ея дѣтей, какъ они чудомъ спаслись отъ преслѣдованій и остались въ живыхъ, а теперь счастливы, что нашли своихъ родителей и готовы до конца жизни любить и уважать ихъ и служить опорой ихъ старости.

Растроганный раджа обнялъ такъ жестоко пострадавшую жену и счастливо вернулся домой, сопровождаемый своими ста сыновьями. Молодой Рамчандръ продолжалъ спокойно жить съ родителями, а послѣ ихъ смерти вступилъ на престоль и долго царствовалъ, окруженный всеобщей любовью и уваженіемъ.

Двѣнадцать злыхъ царицъ были тогда же казнены по приказанію разгнѣваннаго раджи и такимъ образомъ истина, наконецъ, восторжествовала надъ всѣми кознями злодѣевъ.

Какъ появился опиумъ.

На берегахъ священнаго Ганга жилъ одинъ благочестивый отшельникъ. Онъ проводилъ дни и ночи въ размышленіяхъ о Богѣ и въ исполненіи религіозныхъ обрядовъ. Отъ восхода до захода солнца онъ сидѣлъ на берегу рѣки, погруженный въ созерцаніе, а къ ночи удалялся въ убогую хижину изъ пальмовыхъ листьевъ, сплетенную собственными руками.

Такъ жилъ онъ многіе годы вдали отъ всего міра, не видя человѣческаго лица. Единственнымъ живымъ существомъ около него была полевая мышка, питавшаяся крохами его скудной пищи. Трусливый отъ природы звѣрекъ давно убѣдился, что ему нечего бояться спокойнаго, молчаливаго старца. Мышка такъ расхрабрилась, что сама подходила къ отшельнику, ласкалась къ нему и заигрывала съ нимъ. Отшельникъ скоро привыкъ къ малюткѣ, и, частью, чтобы доставить ей удовольствіе, частью чтобы самому позабавиться, одарилъ ее даромъ слова. И вотъ однажды мышка, почтительно скрестивъ на груди переднія лапки, сказала своему благодѣтелю: «Святой отецъ! ты былъ безконечно добръ ко мнѣ. Не прогнѣвайся, если я осмѣлюсь обратиться къ тебѣ съ великою просьбою!» «Въ чемъ дѣло?» спросилъ ласково старецъ. «Говори, говори смѣлѣе, крошка! Что тебѣ надо?»

«Видишь ли, благодѣтель, когда ты съ зарею уходишь на берегъ, сюда пробирается кошка и весь день караулитъ меня. И право, она давно бы меня съѣла, если бъ не боялась твоего гнѣва. А все же кончится тѣмъ, что она уничтожитъ меня. Ну вотъ, я и надумала попросить тебя: обрати меня въ кошку, святой отецъ, мнѣ нечего будетъ тогда бояться

своего врага». «Будь по-твоему», рѣшилъ отшельникъ и тотчасъ же вмѣсто мышки оказалась красивая, сильная кошка.

Нѣсколько ночей спустя, отшельникъ ласково спросилъ своего баловня. «Ну что же теперь, кисонька, довольна ты своею судьбою?» — «Не то, что бѣ очень», отвѣчала задумчиво кошка. «Что такъ? Ужъ теперь, кажется, ни одна кошка въ мѣрѣ тебя не обидитъ». — «Это-то, конечно. Я настолько сильна, что теперь кошки мнѣ не страшны. Да я кошекъ и не боюсь; есть похуже враги. Вотъ хотя бы собаки. Когда тебя тутъ нѣтъ, онѣ сбѣгаются цѣлыми стаями и такой лай поднимаютъ! Ежеминутно за жизнь свою дрожишь. Вотъ если бѣ мнѣ самой собакой быть — поспокойнѣй было бы».

«Ну что же! Будь собакой», согласился отшельникъ, и кошка тотчасъ же обратилась въ собаку.

Прошло нѣсколько дней, но мышка не чувствовала себя счастливой въ новомъ образѣ и однажды ночью снова обратилась къ своему господину: «Святой отецъ! Не думай, что я неблагодарна: ничтожной мышкѣ ты далъ даръ слова, слабенькое созданище обратилъ въ кошку, а изъ кошки снова въ собаку... не найду словъ выразить свою признательность. Но видишь ли въ чемъ дѣло: есть кое-какія неудобства. Мнѣ теперь частенько голодать приходится. На мышку хватало остатковъ твоего обѣда, даже и кошкой я не терпѣла недостатка, ну а такой крупной собакѣ, гдѣ же напитаться крохами? То ли дѣло вонъ тѣ обезьянки! Прыгаютъ себѣ беззаботно съ дерева на дерево, лакомятся сочными плодами! Если бѣ я не боялась прогнѣвить тебя, святой отецъ, право попросила бы обратить меня въ обезьяну». — «Ну что же! Будь обезьяной», добродушно согласился отшельникъ, и тотчасъ же вмѣсто собаки оказалась прелестная обезьянка.

Она была внѣ себя отъ радости. По цѣлымъ днямъ скакала и прыгала она съ дерева на дерево, лакодилась плодами и всячески забавлялась. Но не долго длилось это веселье. Скоро настало лѣто съ его засухой. Рѣже стали плоды, повысохла роса на цвѣтахъ. Маленькой обезьянкѣ тяжело было спускаться къ рѣкѣ или ручью, чтобъ напиться, и она завидовала дикимъ кабанамъ, которые съ такимъ наслажденіемъ весь день плескались въ водѣ. «О какъ счастливы эти кабаны», думалось ей. «Имъ такъ прохладно въ водѣ».

И вотъ вечеромъ она снова принялась перечислять отшельнику всѣ невзгоды обезьянней жизни и преимущества жизни кабановъ.

Отшельникъ терпѣливо выслушалъ жалобы своей любимицы и тотчасъ же исполнилъ ея просьбу. Шаловливая обезьянка обратилась въ дикаго, рослаго кабана.

Цѣлыхъ два дня кабанъ чувствовалъ себя безмѣрно счастливымъ, а на третій день, когда онъ по обыкновенію плескался въ водѣ, онъ увидѣлъ вдали раджу той страны на богато убранномъ слонѣ. Раджа выѣхалъ на охоту и только благодаря счастливой случайности кабанъ нашъ не попался ему на глаза. Скрылась изъ глазъ блестящая толпа, но кабанъ уже не могъ безопасно барахтаться въ ручьѣ. Онъ сталъ раздумывать объ опасностяхъ кабаней жизни и завидовать статному слону, что несъ царя на своей спинѣ. Ему страстно захотѣлось быть слономъ и вотъ ночью онъ снова обратился къ мудрецу съ своею просьбою.

Отшельникъ, терпѣнію и добродушію котораго не было границъ, согласился и тотчасъ же дикій кабанъ обратился въ великолѣпнаго молодаго слона.

На слѣдующій день слонъ безопасно блуждалъ по чащѣ, когда снова увидѣлъ раджу, выѣхавшаго на охоту. Слонъ вышелъ изъ лѣса и нарочно поближе подошелъ къ охотникамъ, чтобъ дать себя поймать. Раджа дѣйствительно залюбовался красотой животного и велѣлъ поймать его и приручить. Слона поймали безъ труда, отвѣли въ

царскую конюшню и скоро онъ сдѣлался совсѣмъ ручнымъ. Разъ вздумалось какъ то молодой рани (царицѣ) ѣхать купаться въ свѣтлыхъ водахъ Ганга. Царь пожелалъ сопровождать ее и велѣлъ приготовить вновь прирученнаго слона. Раджа съ супругою сѣли на него. Казалось бы, что слонъ могъ быть вполне счастливъ: завѣтное желаніе его исполнялось, онъ несъ на спине самаго раджу! Но не тутъ-то было. Слонъ считалъ себя слишкомъ благороднымъ животнымъ, чтобъ женщина, будь то сама царица, осмѣлилась сѣсть на его спину. Въ порывѣ негодованія онъ такъ тряхнулся, что и рани и раджа вмигъ оказались на землѣ. Раджа тотчасъ же вскочилъ на ноги, осторожно поднялъ рани, нѣжно спросилъ, не ушиблась ли она, стряхнулъ съ нее пыль полой собственной одежды, сталъ цѣловать ее и ласкать, какъ маленькаго ребенка. Слонъ успѣлъ все это замѣтить передъ тѣмъ, какъ ринуться въ чащу. Онъ бѣжалъ, что было силы, и думалъ про себя: «Что наша жизнь! Кому живется хорошо, такъ это царицѣ. Вотъ кого нѣжать и холятъ! Царицею быть, это дѣйствительно счастье! Надо попросить святого отца сдѣлать меня царицею».

Съ закатомъ солнца слонъ уже стоялъ передъ знакомою хижиною и низко кланялся своему благодѣтелю. «Ну что новаго? Что такъ скоро оставилъ царскія конюшни?» — «Что мнѣ сказать тебѣ, святой отецъ? Ты былъ такъ милостивъ ко мнѣ, ты безпрекословно исполнялъ всѣ мои желанія. Еще одна просьба, — это уже будетъ послѣдняя. Когда ты сдѣлалъ меня слономъ, объемъ мой, конечно, увеличился, но счастья все же не прибавилось. Право, единственное счастливое созданье въ мірѣ — это царица. Сдѣлай меня царицею!»

«Ахъ ты, глупенькое созданье», улыбаясь сказалъ отшельникъ. «Ну какъ я сдѣлаю тебя царицею? Гдѣ достану я тебѣ царство, да еще царственнаго супруга на придачу? Все, что могу — это обратить тебя въ женщину, въ дѣвушку достаточно прекрасную, чтобъ покорить сердце любаго царевича, если таковой встрѣтится на твоёмъ пути». Слонъ съ радостью согласился и тотчасъ же царственное животное превратилось въ очаровательную дѣвушку, которую старецъ назвалъ Постомани, т. е. дѣва маковое-сѣмя.

Постомани стала жить въ хижинѣ отшельника и проводила дни, ухаживая за цвѣтами. Разъ, когда она сидѣла на порогѣ, поджидая старца, изъ чаши вышелъ чловѣкъ въ богатой одеждѣ и подошелъ къ ней. Она вѣжливо поклонилась ему и спросила, что ему надо. Онъ объяснилъ, что охотился въ лѣсу за ланью, но безуспѣшно, и зашелъ въ хижину отшельника, чтобъ немного освѣжиться.

«Чужеземецъ!» почтительно сказала дѣвушка, «располагай, какъ хозяинъ, нашею скромною хижиною. Я достану тебѣ все, что только смогу. Сожалѣю лишь о томъ, что не въ силахъ по бѣдности своей достойно встрѣтить такого высокаго гостя. Вѣдь ты, если не ошибаюсь, раджа нашей страны».

Раджа молча улыбнулся. Постомани принесла сосудъ съ водою и нагнулась, чтобъ собственноручно омыть ноги царственнаго гостя, но тотъ остановилъ ее: «Дѣва, не касайся моихъ ногъ: я простой воинъ, а ты дочь святого отшельника».

«Ты ошибаешься, о государь. Я не дочь святого старца, я даже не дочь брамина; ничто не мѣшаетъ мнѣ омыть твои ноги. Къ тому же ты гость мой и я обязана оказать тебѣ эту услугу».

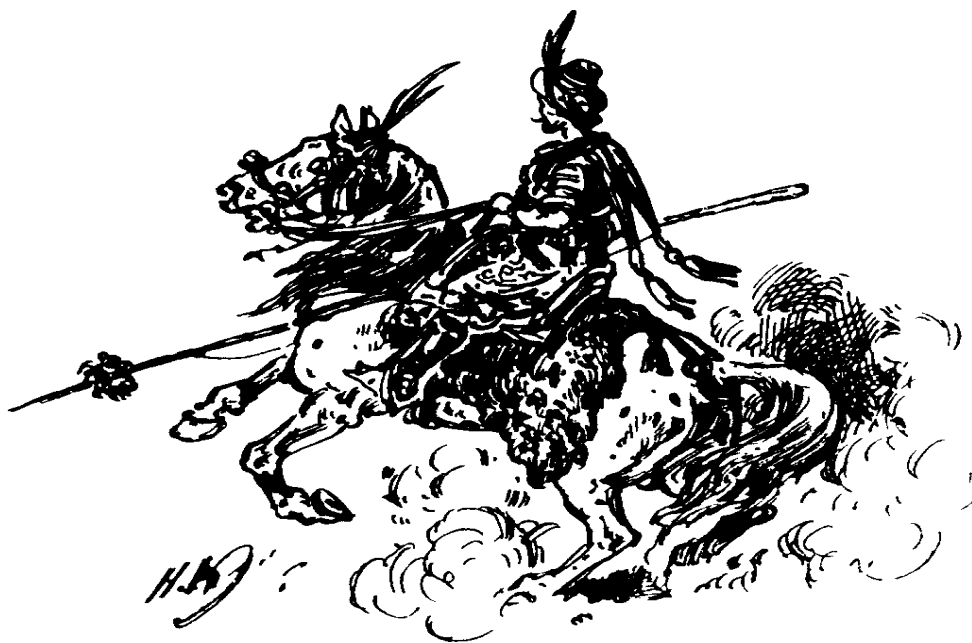
«Прости мою настойчивость, прекрасная дѣва. Кто же ты? Кто твои родители? Вѣрно отецъ твой былъ царемъ. Твоя волшебная красота, твоя благородная осанка, все доказываетъ, что ты прирожденная царская дочь».

Постомани потушила взоръ и скрылась въ хижину. Черезъ минуту она появилась вновь съ подносомъ спѣлыхъ плодовъ и поставила его передъ раджею. Но раджа отказался

прикоснуться къ плодамъ, пока не получить отвѣта на свой вопросъ. Тогда Постомани робко отвѣчала: «Я слышала отъ мудраго старца, что отецъ мой дѣйствительно былъ царемъ. Но онъ какъ то проигралъ сраженіе, бѣжалъ отъ враговъ съ моею матерью и скрылся въ чащѣ. Тамъ тигръ растерзалъ его; скоро умерла и мать, а я какимъ то чудомъ уцѣлѣла. Говорятъ, былъ улей на томъ деревѣ, подъ которымъ я лежала, и капли меда сочились и попадали въ мой открытый ротикъ. Это поддержало во мнѣ искорку жизни, а затѣмъ меня нашель святой отшельникъ и унесъ къ себѣ. Вотъ все, что знаю я о себѣ, несчастная сирота».

«Не называй себя несчастной! Ты создана, чтобъ украсить дворецъ могущественнѣйшаго изъ раджей. Будь моею женою и я сдѣлаю все, чтобъ ты была счастлива».

Такъ говорилъ раджа и кончилось тѣмъ, что святому отшельнику пришлось благословить ихъ союзъ. Постомани водворилась во дворецъ какъ любимая жена, а прежняя царица была забыта. Но увы! не долго длилось ея счастье. Разъ, стоя у мраморнаго бассейна, она залюбовалась на свое отраженіе въ водѣ, упала въ воду и утонула. Узнавъ объ этомъ, царь чуть не потерялъ разсудокъ отъ горя. Тогда явился передъ нимъ мудрый отшельникъ и сказалъ: «О, царь! не терзай себя и не жалѣй о томъ, что было. Что назначено судьбою, должно свершиться. Утонувшая царица не была царской крови; названная дочь моя не была женщиной. Она родилась полевою мышкою; я полюбилъ ее и, постепенно, по ея просьбѣ, обращалъ ее въ кошку, собаку, кабана, слона и, наконецъ, въ прекрасную дѣву. Теперь ея уже нѣтъ. Вспомни свою настоящую царицу и люби ее по-прежнему. Что касается до названной дочери моей, я хочу, волею боговъ, обезсмертить ея имя. Пусть остается тѣло ея тамъ, гдѣ лежитъ; наполни водоемъ землею. Изъ плоти и костей ея вырастетъ растеніе и назовутъ его по имѣни ея посто или макомъ. Изъ него получаютъ могучее снадобье, опиумъ, и прославится оно по всѣмъ временамъ и народамъ своею цѣлебною силою, и будутъ пить его и курить до скончанія вѣка. Кто будетъ пить или курить его, тому дастся по одному изъ свойствъ всѣхъ тѣхъ созданий, въ которыя превращалась Постомани. Онъ будетъ плутовать какъ мышь, лакомъ до молока какъ кошка, задорливъ какъ собака, дерзокъ какъ обезьяна, безстрашенъ какъ кабанъ, благороденъ какъ слонъ и гордъ какъ царица».

Сынъ змѣинаго царя

Въ прекрасный солнечный день шель однажды по дорогѣ бѣдный браминъ. Вдругъ въ пыли у самыхъ ногъ его сверкнуло что-то. Онъ нагнулся и поднялъ небольшой красный камень. Браминъ съ любопытствомъ повертѣлъ камень въ рукѣ, любуясь его необыкновеннымъ блескомъ, потомъ спокойно опустилъ его въ карманъ и продолжалъ свой путь. Такъ дошелъ онъ до города и остановился у лавки хлѣбнаго торговца. Тутъ онъ вспомнилъ, что съ утра еще ничего не ѣлъ, а такъ какъ денегъ у него съ собою не было, онъ вынулъ красный камень и предложилъ его торговцу за кусочекъ хлѣба и глотокъ воды.

Торговецъ, по счастливой случайности, оказался честнымъ человѣкомъ. Онъ взглянулъ на камень и тотчасъ же подалъ его обратно брамину: «Неси свою находку раджѣ, честной отецъ! всего моего добра не хватитъ на уплату такой драгоценности!»

Браминъ взялъ камень и пошелъ во дворецъ. Сперва не хотѣли допустить его къ раджѣ, но когда онъ объявилъ, что хочетъ показать что-то неимовѣрно цѣнное, первый министръ приказалъ доложить о немъ царю.

Камень былъ очень похожъ на рубинъ, онъ такъ же искрился и сверкалъ огненными лучами; раджа залюбовался на красивую бездѣлку. «Сколько хочешь ты за свой рубинъ?», спросилъ онъ брамина.

«Горсточку муки замѣситъ лепешку, такъ какъ я очень голодень!»

«Ну, нѣтъ», засмѣялся раджа, «ты слишкомъ дешево цѣнишь такое сокровище!»

И онъ велѣлъ выдать брамину крупную сумму изъ своей сокровищницы.

Браминъ съ веселымъ сердцемъ отправился домой, а раджа призвалъ къ себѣ царицу и вручилъ ей камень, строго наказывая беречь его, такъ какъ, говорилъ онъ, другого подобнаго нѣтъ во всемъ свѣтѣ. Царица взяла камень, обернула его хлопкомъ и положила въ пустой сундукъ, а сундукъ замкнула двойнымъ замкомъ.

Такъ лежалъ огненный рубинъ ровно двѣнадцать лѣтъ и, казалось, всѣ давно забыли о его существовании. Но тутъ какъ то вспомнилъ о немъ раджа и снова послалъ за царицею. «Неси мнѣ рубинъ!», сказалъ онъ, «хочу посмотрѣть, въ цѣлости ли онъ». Царица взяла ключи, пошла въ свою комнату и открыла сундукъ. И что же? Рубинъ пропалъ, а вмѣсто него выглянуло изъ сундука веселое личико красиваго мальчика. Царица поспѣшно захлопнула крышку и, дрожа отъ страха, стала раздумывать, какъ бы скрыть отъ царя странное происшествіе.

Пока она раздумывала, царь потерялъ терпѣніе и послалъ узнать, въ чемъ дѣло. Тогда царица велѣла взять сундукъ такъ, какъ онъ былъ, и отнести его раджѣ, а сама пошла за нимъ съ ключами и, опустившись на колѣни, открыла сундукъ передъ своимъ супругомъ.

Вмигъ выскочилъ оттуда прекрасный юноша. Всѣ вздрогнули отъ неожиданности.

«Ты кто?», спросилъ раджа, «и гдѣ мое сокровище?»

«Я Лалджи, царевичъ Рубина», отвѣчалъ мальчикъ «больше этого знать тебѣ не дано».

Царь съ неудовольствіемъ отвернулся и приказалъ юношѣ удалиться изъ дворца. Однако, какъ человѣкъ добрый и справедливый, онъ повелѣлъ выдать царевичу коня и оружіе, чтобъ не пустить его безоружного бродить по свѣту.

Юный царевичъ сѣлъ на коня и поѣхалъ, куда глаза глядятъ. Миновавъ предмѣстье, онъ собирался уже выѣхать изъ города, когда увидѣлъ въ сторонѣ лачужку, а на порогѣ ея старуху, которая мѣсила тѣсто. Она мѣсила тѣсто и плакала, подсыпала муку и громко рыдала.

«О чемъ рыдаешь ты такъ, матушка?» спросилъ царевичъ.

«Я плачу о сынѣ своемъ, красавчикъ, рыдаю о томъ, что онъ долженъ умереть сегодня», отвѣчала сквозь слезы старуха. — Ты вѣрно слышалъ о людоедѣ, о томъ, что каждый день пожираетъ юношу изъ нашего несчастнаго города? Теперь очередь пала на моего сына и вотъ почему я плачу».

Царевичъ усмѣхнулся «Не плачь, матушка. Вѣрь мнѣ, и ничего не бойся. Я убью людоеда и избавлю отъ него городъ. Дай мнѣ только выпасться у тебя въ домѣ, да смотри не забудь разбудить, когда пора придетъ выходить къ людоеду».

«Да что мнѣ пользы отъ этого?» рыдала старуха, «только и будетъ, что тебя убьютъ, а сына все таки этимъ не спасешь! Все равно, ему завтра придется идти... Спи спокойно, чужеземецъ! не стану я тебя будить!»

Снова засмѣлся красивый юноша. «Какъ хочешь, матушка!» сказалъ онъ, «я все равно выйду къ людоеду; а не хочешь меня будить, придется мнѣ лечь гдѣ-нибудь на пути и тамъ ужъ его ждать».

Онъ повернулъ коня и выѣхалъ изъ города. Скоро онъ нашелъ развѣсистое дерево, привязалъ къ нему коня, а самъ легъ на траву и спокойно заснулъ.

Подошло время обѣда и на полѣ показался людоедъ. Не слыша привычныхъ воплей и не видя никого, чудовище рѣшило, что горожане не исполнили своего обѣщанія, и поклялся жестоко отомстить имъ. Но тутъ проснулся Лалджи, подскочилъ къ людоеду и однимъ взмахомъ меча поразилъ его на смерть. Затѣмъ онъ отрубилъ ему голову и руки, насадилъ ихъ на городскія ворота и, какъ ни въ чемъ ни бывало, вернулся къ домику старухи. «Я убилъ людоеда», спокойно сказалъ онъ, «надѣюсь, что теперь ты дашь мнѣ выпасться!» И безъ дальнѣйшихъ разговоровъ прошелъ въ хижину и тотчасъ же крѣпко заснулъ.

Когда горожане увидѣли голову и руки людоеда надъ городскими воротами, они вообразили, что чудовище замышляетъ недоброе противъ нихъ, и бросились къ раджѣ предупредить его объ опасности. Онъ же, въ полной увѣренности, что всему виною та старуха, на сына которой палъ жребій быть съѣденнымъ, отправился къ ней съ своими приближенными, чтобъ разслѣдовать дѣло. Онъ засталъ ее на порогѣ хижины: она громко пѣла и смѣялась.

«Ты что смѣешься?» строго спросилъ онъ.

«Смѣюсь отъ радости, что людоедъ убитъ!» отвѣчала она, «а пою въ честь юноши, который его убилъ. Онъ теперь спитъ въ моемъ домѣ».

Удивились люди и бросились прежде всего къ городскимъ воротамъ; здѣсь не трудно имъ было убѣдиться, что голова и руки дѣйствительно принадлежали мертвому.

Тогда раджа пожелалъ видѣть того отважнаго царевича, что спалъ такимъ богатырскимъ сномъ.

Когда же царь увидѣлъ юнаго красавца, онъ тотчасъ же призналъ въ немъ того юношу, котораго утромъ удалилъ изъ дворца. Онъ обернулся къ первому министру и спросилъ: «Чѣмъ можемъ мы наградить за такую услугу?»

«Мнѣ кажется», отвѣчалъ не задумываясь министръ, «только рука нашей прекрасной царевны и полцарства будутъ достойною наградою за его подвигъ».

И царевичъ Лалджи торжественно получилъ руку прекрасной царской дочери и полцарства на придачу.

Молодая чета жила нѣкоторое время вполне счастливо. Царевичъ всей душою полюбилъ свою красавицу супругу, а царевна не могла налюбоваться на своего нѣжнаго и благороднаго супруга.

Однако ее сильно раздражало то, что она не знала собственно, кто онъ такой. Кромѣ того, ей надоѣдали постоянные толки другихъ женщинъ во дворцѣ и насмѣшки ихъ надъ тѣмъ, что она вышла сама не знаетъ за кого, за чужеземца ни вѣсть какой страны, за человѣка, у котораго нѣтъ родины.

И вотъ день за днемъ, сперва осторожно, затѣмъ все настойчивѣе, стала она упрашивать супруга открыться ей, кто онъ и откуда пришелъ; и каждый разъ царевичъ кротко, но твердо отвѣчалъ: «Сердце мое, спрашивай обо всемъ, но не объ этомъ: ты не должна этого знать!»

Но царевна не могла успокоиться: она то просила и молила, то плакала и ласкалась, и рѣшила во что бы то ни стало добиться своего. Однажды они вдвоемъ стояли на берегу рѣки и любовались прозрачными струйками. Царевна нѣжно прижалась къ супругу и чуть слышно шепнула: «Дорогой, если любишь меня, скажи, кто ты!»

Набѣжавшая волна коснулась ногъ царевича... «О сердце мое! все, но не это: ты не должна этого знать!» И царевичъ съ укоризною взглянулъ на жену.

Она же, подмѣтивъ, какъ ей казалось, нѣкоторое колебаніе на его лицѣ, настойчиво повторила: «Если любишь меня, скажи, кто ты!»

Царевичъ стоялъ уже по колѣна въ водѣ. Взглядъ его былъ печаленъ и лицо блѣдно. «Сердце мое, все, но не это! Ты не должна этого знать!» прозвучалъ его отвѣтъ.

Но своенравная царевна, казалось, ничего не видѣла она стояла на берегу и упрямо повторяла: «Скажи кто ты?» Царевичъ уже погрузился въ воду по поясъ...

«Сердце мое, все, но не это: ты не должна этого знать!» «Нѣтъ, скажи мнѣ, скажи!» кричала царевна, и не смолкъ еще звукъ ея голоса, какъ царевичъ исчезъ, а изъ воды медленно поднялась сверкающая драгоцѣнными камнями змѣиная голова въ золотомъ

вѣнцѣ, съ рубиновою звѣздою во лбу, бросила тоскливый взглядъ на царевну и скрылась въ волнахъ.

Долго рыдала надъ рѣкою красавица царевна, проклиная свое любопытство, ломала руки и звала любимаго супруга. Она обѣщала щедрую награду тому, кто доставить ей хоть какую либо вѣсть о немъ, но день проходилъ за днемъ, вѣстей ни откуда не приходило и царевна съ каждымъ днемъ все блѣднѣла и худѣла отъ горькихъ слезъ. Но вотъ однажды пришла къ ней одна изъ танцовщицъ, одна изъ тѣхъ, что участвовала на женскихъ празднествахъ во дворцѣ, и начала такъ: «Странную вещь видѣла я сегодня ночью. Вышла я съ вечера собирать хворостъ, набрала много, устала и легла отдохнуть подъ деревомъ. Проспала я недолго, но, когда проснулась, вокругъ было свѣтло и такой странный свѣтъ: не дневной и не лунный. Пока я раздумывала объ этомъ, изъ змѣиной норы у подножія дерева вышелъ человѣкъ съ метлою и принялся разметать полянку; за нимъ вышелъ водоносъ и опрыскалъ землю водою: за водоносомъ вышли два носильщика съ богатыми коврами; они разослали ковры и исчезли. Я не могла понять, къ чему такія приготовленія; вдругъ — слышу музыка гдѣ-то звучитъ и вслѣдъ за тѣмъ изъ змѣиной норы выходитъ пышное шествіе: все юноши въ сверкающихъ одеждахъ, а посреди ихъ одинъ, по-видимому ихъ царь. Они вышли всѣ на полянку; царь сѣлъ по срединѣ, музыка продолжала играть, а юноши поочередно выходили и плясали передъ царемъ. Былъ одинъ среди нихъ съ красною звѣздою во лбу; онъ танцевалъ плохо и казался такимъ блѣднымъ и больнымъ... Вотъ все, что я хотѣла сказать».

На слѣдующую ночь царевна просила танцовщицу проводить ее къ тому дереву. Молодые женщины спрятались за толстый пенъ и стали ждать, что дальше будетъ.

Дѣйствительно, скоро засвѣтилъ свѣтъ, но не дневной и не лунный; вышелъ съ метлою человѣкъ и расчистилъ полянку, вышелъ водоносъ и освѣжилъ землю, вышли и носильщики съ своими коврами и, наконецъ, подъ звуки нѣжной музыки, медленно потянулось мимо нихъ блестящее шествіе. Царевна чуть не вскрикнула отъ неожиданности: въ прекрасномъ юношѣ съ красною звѣздою во лбу она узнала своего дорогого супруга. Сердце ея билось такъ сильно, что готово было разорваться; она старалась сдерживать рыданія, чтобъ не выдать своего присутствія. Царевичъ былъ страшно блѣденъ и, по-видимому, черезъ силу принималъ участіе въ танцахъ.

Когда все было кончено, свѣтъ исчезъ, царевна печально вернулась домой. И каждую ночь стала она выходить къ дереву и караулить, а весь день проводила въ слезахъ, оплакивая навѣкъ утраченнаго супруга.

Однажды танцовщица сказала ей: «О, царевна дорогая, выслушай меня ! Можетъ быть и удастся что-нибудь сдѣлать. Змѣиный-царь, по-видимому, страстно любитъ танцы, а передъ нимъ танцуютъ вѣдь одни мужчины. Что, если бъ онъ увидѣлъ женщину? Можетъ это такъ бы ему понравилось, что онъ готовъ былъ бы все отдать ей? Позволь мнѣ попытать счастья!»

«О нѣтъ!» возразила царевна, «научи лучше меня; сама пойду освобождать супруга».

Царевна усердно принялась учиться у танцовщицы и скоро превзошла свою учительницу. Никогда никто ни раньше, ни позже не видывалъ такого граціознаго, нѣжнаго и обворожительнаго явленія. Каждое движеніе ея было совершенство. Когда же она облеклась въ тончайшую, прозрачную ткань и серебряную парчу, и накинула легкое покрывало, затканное алмазами, она вся сіяла и свѣтилась, какъ лучезарная звѣзда.

Настала ночь. Съ сильно бьющимся сердцемъ царевна притаилась за деревомъ и стала ждать. Вотъ вышелъ человѣкъ съ метлою, водоносъ, носильщики и за ними вся

блестящая процессія. Царевичъ Лалджи казался еще блѣднѣе и печальнѣе обыкновеннаго и, когда пришла его очередь танцовать, онъ видимо колебался, какъ бы не въ силахъ двинуться. Тогда изъ за дерева медленно выступила закутанная въ бѣлое покрывало, вся въ бѣломъ, сверкающая алмазами женщина и стала танцовать. И что это былъ за танецъ! Всѣ словно замерли отъ восторга, а змѣиный царь, внѣ себя, громко воскликнулъ: «О, невѣдомая очаровательница, проси чего хочешь, все твое!»

«Отдай мнѣ того, за кого я танцую!» сказала царица.

Грозно сверкнулъ очами змѣиный царь. «Ты просишь то, чего не имѣла права просить и поплатилась бы жизнью за свою дерзость, если бъ не мое слово. Бери его и уходи!»

Быстро, какъ мысль, схватила царица за руку блѣднаго царевича и выбѣжала съ нимъ изъ заколдованнаго круга.

Съ тѣхъ поръ зажили они счастливо и покойно и, хотя женщины продолжали приставать къ ней, царица крѣпко закусилла языкъ и никогда болѣе не старалась узнать, откуда родомъ ея супругъ.

Приключенія Викрама Магараджи

Жиль были однажды Магараджа, т. е. великій раджа, по имени Викрамъ, а при немъ визирь (первый министръ) по прозванію Батти, т. е. свѣтъ (разума). И царь, и визирь рано остались сиротами, а такъ какъ родители ихъ жили въ большой дружбѣ, мальчишки съ малолѣтства воспитывались вмѣстѣ и любили другъ друга какъ самые нѣжные братья.

Оба были великодушны и умны, и всегда дѣйствовали заодно на благо подданныхъ; только визирь былъ болѣе разсудителенъ и сдержанъ, а раджа болѣе склоненъ давать волю сердцу вопреки разсудку. Раджа былъ всегда во главѣ всякаго благороднаго дѣла, визирь — уздою всякаго опрометчиваго или безразсуднаго шага. Такимъ образомъ царство процвѣтало подъ соединеннымъ управленіемъ обоихъ друзей.

Довольно далеко отъ дворца, среди джонгли, стоялъ великолѣпный нѣкогда храмъ, построенный еще предками раджи Викрама. Онъ былъ весь изъ бѣлаго мрамора, а внутри помѣщалось изваяніе Ганпатти (бога разума) изъ чистаго золота. Храмъ этотъ почему-то былъ заброшенъ послѣ смерти стараго раджи; площадь вокругъ него поросла бурьяномъ и колючими кустарниками, такъ что храмъ совсѣмъ скрылся изъ вида и даже трудно было найти къ нему дорогу.

По совѣту Батти, раджа задумалъ однажды расчистить это мѣсто джонгли и возстановить капище въ прежнемъ видѣ. Что за великолѣпное зрѣлище представилось тогда собравшейся толпѣ! Нѣжные росписные барельефы покрывали прозрачную сѣткою стѣны храма; вверху подъ сводомъ красовалось имя отца Викрама Магараджи; бѣлыя мраморныя плиты пола блестѣли какъ серебро, а въ центрѣ, на роскошномъ пьедесталѣ, сверкало золотое изваяніе Ганпатти.

Съ тѣхъ поръ раджа сталъ усердно посѣщать святилище и даже нерѣдко вмѣстѣ съ Батти проводилъ ночь въ стѣнахъ храма.

Однажды Викраму приснился чудный сонъ. Передъ нимъ стоялъ старый раджа, отецъ его. «Вставай, Викрамъ», говорило видѣніе, «ступай къ башнѣ свѣточей². У подножія ея зарытъ богатый кладъ, но получить его, не навлекая гнѣва Ганпатти, можно лишь однимъ путемъ. Сверши въ честь божества великій подвигъ благочестія. Если Ганпатти милостиво приметъ жертву и сохранить тебѣ жизнь — иди съ спокойною душою и бери кладъ». «Въ чемъ же состоитъ подвигъ?» спросилъ Викрамъ. «Вотъ въ чемъ», слышался отвѣтъ: вели привязать къ вершинѣ башни веревку, а къ ней корзину. Взойди на самый верхъ, закрути веревку раза три, затѣмъ бросайся въ корзину внизъ головою, переруби веревку и смѣло ввѣрайся милосердію Ганпатти».

Видѣніе исчезло и Викрамъ проснулся.

Онъ тотчасъ же сообщилъ визирю о чудномъ снѣ и просилъ его совѣта. Подвигъ былъ крайне смѣлый: башня была очень высока, да и окружена была внизу семью рядами копій, острыми вверхъ. Однако друзья рѣшили попытать счастья.

² Башня свѣточей — существенная принадлежность всякаго болѣе или менѣе значительнаго индійскаго храма. Это высокая башня со множествомъ нишъ или подставокъ, куда ставятся зажженные свѣтильники. Когда всѣ огни зажжены, вся башня свѣтится, какъ огромный снопъ свѣта.

На слѣдующій день Викрамъ и Батти поднялись на вершину башни, благополучно прикрѣпили корзину и раджа спустился въ нее внизъ головою. «Теперь», сказалъ Батти, «бери мечъ: я закручу веревку, а когда она начнетъ раскручиваться, ударь по ней мечемъ».

Минута ожиданія... взмахъ меча... и корзина стремглавъ полетѣла внизъ.

Она неминуемо должна была попасть на копья и раджа убиться на мѣстѣ, но Ганпатти видѣлъ опасность отважнаго поклонника своего. Онъ стоялъ въ образѣ старой женщины въ толпѣ, окружавшей башню, и ловко подхватилъ корзину, прежде чѣмъ она успѣла коснуться копій. «Вотъ такъ сила у такой старухи!» удивлялись всѣ, но никто не узналъ милосерднаго Ганпатти.

Викрамъ Магараджа приказалъ подрывать основаніе башни и открылъ чудовищный кладъ: тамъ были груды золота, алмазы и рубины, сапфиры, изумруды, бирюза и крупнѣйшій жемчугъ. Но Викрамъ лишь мелькомъ взглянулъ на сокровища и повелѣлъ все продать и роздать бѣднымъ.

На слѣдующій день раджа снова увидѣлъ сонъ. «Викрамъ!» говорилъ ему отецъ. «Ганпатти доволенъ твоимъ благочестіемъ. Приходи ежедневно въ этотъ храмъ; онъ будетъ поучать тебя мудрости. Знанія можно пріобрѣсти въ свѣтѣ, но мудрость — плодъ долгой науки и глубокаго опыта, плодъ сильной любви человѣка къ человеку. Иди, запасайся мудростью; знаніе преходяще, мудрость же вѣчна».

Проснулся раджа и рассказалъ сонъ визирю. «Слѣдуй совѣту стараго раджи», сказалъ тотъ.

Долго посѣщаль Викрамъ уединенный храмъ и поучался у Ганпатти. Наконецъ Ганпатти сказалъ: «Я вложилъ въ тебя столько мудрости, сколько можетъ вмѣстить крайнее разумѣніе человѣка. Теперь пора намъ разстаться. На прощанье проси чего хочешь: богатства ли, власти, красоты, долгой жизни, здоровья ли, счастья — выбирай любое». Пораженный раджа просилъ дать ему день на раздумье.

Жилъ недалеко отъ дворца сынъ плотника, малый хитрый и неглупый. Онъ слышалъ, что раджа ежедневно ходитъ въ храмъ поучаться мудрости, и задумалъ воспользоваться случаемъ. И каждый день, когда Викрамъ направлялся къ храму, сынъ плотника прокрадывался вслѣдъ за нимъ и подслушивалъ у дверей поученія Ганпатти. «Только бы не прокараулить!» думалъ онъ, услышавъ предложеніе божества. «Что бы ни выбралъ раджа, узнаемъ какъ это дѣлается».

Всю ночь продумалъ раджа и не зналъ на что рѣшиться. Земныя блага раджу не прельщали; ему хотѣлось какой-нибудь сверхъестественной силы.

Настало утро. Викрамъ совершилъ омовеніе, прочиталъ обычныя молитвы и торжественно направился въ храмъ для конечнаго свиданія съ божествомъ.

«Что же ты избралъ себѣ, Викрамъ?» спросилъ милостиво Ганпатти.

«Великій наставникъ! Ты уже щедро надѣлилъ меня благами земными; и богатства, и власти у меня достаточно, что же касается долгой жизни, здоровья и счастья — дозвожь мнѣ дѣлать удѣлъ остальныхъ смертныхъ. Но есть даръ, который осчастливилъ бы меня больше, чѣмъ всѣ остальные вмѣстѣ».

«Назови его, достойный сынъ достойнаго отца!» «Дозволь мнѣ, о мудрый изъ мудрыхъ, оставлять данное мнѣ тѣло, когда захочу, и переселяться душою, мыслями и чувствами въ другое существо, будь это человѣкъ, птица или другое животное. Пусть также тѣло мое не тлѣетъ во время моего отсутствія, какъ бы долго оно ни продолжалось, такъ чтобъ я всегда нашель его въ прежнемъ видѣ, если бъ захотѣлъ вернуться».

«Будь по твоему», согласился Батти и научилъ раджу какъ переводить свою душу въ другое существо, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ предохранить отъ тлѣнія покинутое тѣло.

Сынъ плотника жадно ловилъ изъ своей засады слова Ганпатти, но не могъ разслышать всего и узналъ только половину тайны.

Тѣмъ временемъ Викрамъ Магараджа вернулся домой и сталъ думать, на чемъ бы испробовать вновь полученный даръ.

Жила въ сосѣднемъ государствѣ прекрасная маленькая царевна, звали ее Анарь. Слава о красотѣ ея гремѣла по всѣмъ окрестнымъ странамъ. И она дѣйствительно была прекрасна эта маленькая царевна съ черными какъ воронье крыло волосами, съ глазами какъ у газели; зубки ея свѣтились какъ жемчужины между розовыхъ губокъ; щечки ея могли поспорить румянцемъ съ нѣжными лепестками граната. Родители ея, владѣтели Гранатоваго Царства, любили дочь до безумія. Они устроили для нея великолѣпный садъ. Посреди сада стояло волшебное гранатовое дерево, а на немъ висѣло три исполинскихъ граната. Они открывались и въ каждомъ было по постелькѣ. Въ одной обыкновенно спала Анарь, въ другихъ ея любимыя прислужницы. Каждое утро дерево тихо пригибалось вѣтвями къ землѣ и выпускало царевну, а каждый вечеръ снова склонялось, чтобъ принять свою драгоценную ношу.

Многіе принцы искали руки веселой крошки Анарь, но родители не хотѣли разставаться съ нею. Чтобъ никто не могъ пробраться въ садъ, царь окружилъ его семью оградами изъ копій и издалъ указъ, что только тотъ, кто проникнетъ въ садъ черезъ ограды и сорветъ волшебный гранатъ, въ которомъ спала царевна, достоинъ жениться на Анарь. Многіе пытались это сдѣлать; нѣкоторымъ счастливымъ удалось проникнуть за вторую, даже за третью и четвертую ограду, но всѣ погибали обезсиленные, не достигнувъ седьмой.

Викраму съ его чудесною способностью ничего не стоило овладѣть царевною и Батти сталъ совѣтовать ему немедленно попытать счастья. Осторожному визирю не особенно нравился даръ Ганпатти. Онъ боялся, что при страсти Викрама къ приключеніямъ, даръ этотъ ни къ чему хорошему не приведетъ и надѣялся, что женитьба удержитъ раджу дома.

Викрамъ не долго раздумывалъ. Быстро покинулъ онъ свое тѣло, переселился въ случайно найденный грунт, попугая и полетѣлъ въ Гранатовое Царство.

Тамъ онъ благополучно перѣлетѣлъ ограды, сорвалъ клювомъ волшебный гранатъ съ царевною; и берѣжно перенесъ его въ свой дворецъ.

Отпразновали свадьбу со всевозможнымъ великолѣпіемъ и всѣ любовались на прѣкрасную какъ цвѣтокъ лотуса Анарь и славили мудрость молодого раджи.

Однако не долго радовался на ихъ счастье Батти. «Знаешь ли», сказалъ ему вскорѣ Викрамъ, «тянетъ мѣня въ даль; хочу свѣтъ посмотрѣть!»

Напрасно отговаривалъ его визирь. «Я искренно люблю и жену, и народъ свой», оправдывался Викрамъ, «но и чувствую въ себѣ таинственную силу и не могу совладать съ нею. Не удерживай меня. Тебѣ вѣрять я управление царствомъ, а также и молодую жену».

Потомъ онъ призвалъ Анарь: «Я покидаю страну на время. Когда вернусь — не знаю. Если встрѣтится какое недоразумѣніе, обратись къ визирю. Ему поручено беречь тебя. Смотри на него какъ на отца и слушайся во всемъ его совѣтовъ. Онъ всегда былъ мнѣ старшимъ братомъ».

Затѣмъ онъ повелѣлъ застрѣлить великолѣпнаго попугая, взявъ трупъ его и удалился въ свои покои. Черезъ нѣкоторое время разнесся слухъ, что раджа умеръ.

Дошла вѣсть о томъ до сына плотника. Зная силу, которою обладалъ Викрамъ, хитрый малый сообразилъ в чемъ дѣло и рѣшилъ, что пора ему дѣйствовать. Онъ тотчасъ же перенесся во дворець, въ тело раджи. Тотъ ожилъ въ ту же минуту. Всѣ подумали, что у раджи былъ просто глубокой обморокъ и радовались, что онъ пришелъ въ себя.

Но визирь не дался въ обманъ; быстрое возвращеніе раджи казалось ему подозрительнымъ. Развѣ не могъ кто нибудь случайно завладѣть тайною и воспользоваться ею, чтобъ разыграть раджу? Онъ сообщил свои опасенія Анарь. «Тебѣ извѣстно, что супругъ твой оставилъ насъ въ образѣ попугая. Развѣ не странно, что тѣло его ожило тотчасъ же послѣ его удаленія? Мнѣ чудится, что чужой духъ вселился въ тѣло нашего раджи, кто-то, кто владѣетъ таинственною силою, дарованною ему Ганпатти. Надо убѣдиться въ этомъ».

На слѣдующій день Анарь, по совѣту Батти, съ большою небрежностью приготовила обѣдъ мнимому супругу и выбрала самыя грубыя и простонародный кушанья. Раджа съѣлъ и ничего не сказалъ. Тогда Анарь послала за визиремъ. «Отецъ мой! (она всегда звала его такъ). Обѣдъ былъ очень плохо приготовленъ, но раджа даже вниманія на это не обратилъ. Что теперь дѣлать? Я увѣрена, что новый раджа не Викрамъ Магараджа».

Что оставалось дѣлать? Посадить обманщика въ тюрьму не было возможности, развѣ онъ обиталъ въ тѣлѣ настоящаго раджи. Оставалось лишь выживать его хитростью. Рѣшено было, что всѣ семейные царя постараются насколько возможно избѣгать его, а при случаѣ всячески надоѣдать ему, чтобъ онъ убѣдился, что далеко не такъ пріятно быть царемъ, и самъ пожелалъ бы вернуться въ первоначальный видъ.

Батти не ошибся. Сынъ плотника очень быстро заскучалъ въ новомъ для него положеніи и охотно вернулся бы къ прежнему состоянію. Но увы! Онъ зналъ лишь половину тайны и потому тѣло его давно истлѣло и онъ поневолѣ принужденъ былъ оставаться тамъ, гдѣ былъ.

Тѣмъ временемъ, настоящій Викрамъ безопасно летѣлъ все впередъ и впередъ, пока не долетѣлъ до большаго банановаго дерева, въ вѣтвяхъ котораго укрывалась цѣлая сотня хорошенькихъ попугайчиковъ. Викрамъ остался съ ними.

Каждое утро попугаи вылетали на добычу, а каждый вечеръ вновь слетались къ любимому дереву.

Проходилъ часто по той части джонгли одинъ охотникъ и давно запримѣтилъ мѣсто ночлега пташекъ. «Хорошо бы изловить этихъ попугайчиковъ. Вонъ ихъ сколько въ вѣтвяхъ копошится! На долго бы дичи мнѣ хватило». Онъ даже не разъ пробовалъ взбираться на дерево, чтобъ разставить силки, но стволъ былъ такой гладкій и скользкій, что охотникъ каждый разъ срывался. Это не мѣшало ему, однако, отъ времени до времени возобновлять попытку.

Разъ сильный ливень загналъ попугаевъ къ дому ранѣе обыкновеннаго, но еще ранѣе ихъ туда же залетѣла стая вороновъ.

«Прогонимъ вороновъ», совѣтовалъ Викрамъ товарищамъ. «Видите, у нихъ въ клювахъ всякіе сѣмена и плоды. Непремѣнно часть сѣмянъ попадетъ на землю, взойдутъ растенія и обовьютъ стволъ. Тогда врагу легче будетъ добраться до насъ».

«Ужъ очень ты опасливъ!» смѣялись другіе попугаи.

«Какъ гнать несчастныхъ птицъ въ такую непогоду? Онѣ насквозь промокнутъ. Пусть сидятъ». И вороны остались.

Случилось такъ, какъ ожидалъ Викрамъ. Вороны растеряли часть сѣмянъ и скоро дѣйствительно вокругъ дерева разрослась цѣлая куча вьющихся растеній. Охотникъ съ

радостью замѣтилъ это. «Ага, друзья мои, попались!» Онъ осторожно забрался на дерево въ отсутствіе попугаевъ, разставилъ въ вѣтвяхъ сто одинъ силокъ изъ тонкихъ, но крѣпкихъ нитей и сталъ ждать.

Ночью, когда попугаи по обыкновенію размѣщались въ вѣтвяхъ, каждый изъ нихъ почувствовалъ, что что-то держитъ его за лапку.

«Крр... крр... Что случилось? Бѣда, бѣда... Викрамъ, гдѣ ты? Крр... крр... погибли мы!»

«Что кричатъ теперь?» отозвался Викрамъ. «Я вѣдь говорилъ, что такъ случится. Теперь остается одно: когда придетъ охотникъ, свѣсимъ всѣ головы на бокъ и притворимся мертвыми. Онъ не станетъ трудиться свертывать намъ шейки, а просто вынетъ насъ изъ силковъ и сброситъ наземь. Только чуръ! лежать всѣмъ смирно и не шелохнуться, пока всѣ не будутъ въ сборѣ и охотникъ не начнетъ спускаться съ дерева. Тогда всѣмъ разомъ подняться и летѣть».

Попугаи такъ и сдѣлали. На утро охотникъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что птички всѣ лежатъ въ силкахъ, свѣсивши головки. «Ого? всѣ мертвы? Придется мнѣ видно всласть поѣсть вкуснаго жаркого». Съ этими словами онъ срѣзалъ первый силокъ и сбросилъ птицу. Попугай упалъ какъ камень къ подножію дерева; за нимъ другой, третій и такъ вся сотня. Викрамъ остался послѣднимъ. Охотникъ только что собирался перерѣзать петлю, какъ вдругъ ножикъ выскользнулъ у него изъ рукъ и упалъ на землю. Пришлось спускаться за нимъ. Попугаи же подъ деревомъ, слыша, что охотникъ спускается, рѣшили, что настала минута летѣть; вмигъ всѣ взвились и исчезли въ поднебесьи.

Охотникъ разсвирѣпѣлъ. Мигомъ добрался онъ до плѣннаго Викарама. «Ага, отвратительная птица, это вѣрно твоя продѣлка? Вижу, вижу, что твоя! Кстати видъ у тѣбя не тотъ, что у другихъ. Постой-ка, сверну ужъ тебѣ голову!» — «Что тебѣ за польза убивать меня?» заговорила птица. «Лучше продай. Я вѣдь очень красивъ: за меня охотно дадутъ въ городѣ тысячу золотыхъ».

«Тысячу золотыхъ?» засмѣялся охотникъ. «Ахъ, ты хвастунишка! Да у кого же хватить ума дать тысячу золотыхъ за глупаго попугая?» — «А это увидимъ», спокойно отвѣчалъ Викрамъ, «бери меня и неси въ городъ».

Охотникъ недовѣрчиво покачалъ головою, но все же взялъ птицу и пошелъ съ нею на базаръ. «Купите, купите!» выкрикивалъ онъ. «Купите хорошенькаго попугайчика! Онъ прекрасно говоритъ! Взгляните, какой красавчикъ! Какое чудное красное кольцо у него на шеѣ! Купите, купите!»

Многіе подходили, но тотчасъ же уходили, слыша чудовищную цѣну. «Надо изъ ума выжить, чтобъ бросать такія деньги», говорили всѣ.

«Никогда не продать мнѣ тебя!» ворчалъ охотникъ. — «А я говорю, что продашь, только крѣпко держись своей цѣны. Вотъ идетъ толстый купецъ... предложи меня».

Купецъ сначала пришелъ въ ужасъ отъ неслыханной цѣны. Тысяча золотыхъ! Въ жизни такой нелѣпицы не слыхалъ! За попугая тысячу золотыхъ? Да на эти деньги можно цѣлый домъ купить, да еще съ садомъ, да десять тысячъ аршинъ лучшаго сукна! Бери два золотыхъ, больше ни за что!

«Не прогадаешь, если купишь меня», вмѣшался Викрамъ. — «Зовутъ меня Викрамъ Магараджа, царемъ попугаевъ. Я тебѣ пригожусь и лавку твою не хуже всякаго другого стеречь буду».

«Вздоръ болтаешь, красавецъ!» добродушно отвѣчалъ купецъ. Однако птица почему-то очень нравилась ему и онъ подъ конецъ отдалъ охотнику требуемую сумму, а попугая повѣсилъ къ себѣ надъ прилавкомъ.

Заняль попугай должность прикащика и, надо сказать, исполняль ее на славу. Онъ говорилъ такъ много и такъ разумно, что скоро въ лавкѣ проходу не стало отъ народа. Всѣ шли именно въ эту лавку, чтобъ послушать умную птицу, и каждый получалъ отъ нее, что было нужно; даже торговаться забывали, заслушавшись мудрыхъ рѣчей. Купецъ въ одну недѣлю выручилъ тысячу золотыхъ, сверхъ обычнаго заработка, и не зналъ какъ благодарить необыкновеннаго попугая.

Въ городѣ, гдѣ жилъ купецъ, жила прекрасная танцовщица, по имени Чампа Рани. Равной ей по искусству не было въ окрестностяхъ, и ни одно празднество не обходилось безъ ея участія.

Жилъ въ той же мѣстности бѣдный дровосѣкъ. Онъ зарабатывалъ скудные гроши, продавая вязанки дровъ на базарѣ. Какъ-то разъ онъ заснулъ въ джонглѣ подъ деревомъ и приснился ему сонъ, будто сталъ онъ вдругъ богатымъ человѣкомъ и взялъ себѣ въ жены прекрасную Чампу Рани и поднесъ ей въ видѣ свадебнаго подарка тысячу золотыхъ.

Вечеромъ, на базарѣ, сидя надъ своими вязанками, бѣднякъ разсказалъ сонъ друзьямъ. «Вѣдь приснится же глупость!» говорилъ онъ. «Что я богатъ, женюсь на Чампа Рани и дарю ей тысячу золотыхъ!»

«Что за чушь!» говорили всѣ, и тѣмъ дѣло кончилось.

Разговоръ этотъ случайно происходилъ подъ окнами прекрасной дѣвы. Она сама сидѣла у окна и все слышала. «Положимъ, человѣкъ этотъ смотритъ бѣднякомъ, но какъ знать? Можетъ, есть у него тысяча золотыхъ, если ему снится, что онъ ихъ дарить. Попробую деньги отъ него выманить».

Она приказала позвать къ себе бѣднаго дровосѣка. «О супругъ мой!» бросилась она къ нему навстрѣчу, «я такъ долго, долго ждала тебя. Что приключилось съ тобою, дорогой? Куда исчезъ ты, зачѣмъ покинулъ меня?» Дровосѣкъ смотрѣлъ на нее и ничего не понималъ. «Вѣрно печаль помрачила твой свѣтлый взоръ, прекрасная дѣва», вымолвилъ онъ наконецъ. «Ты принимаешь меня за кого-нибудь другого. Ты — знатная дама, я — бѣдный дровосѣкъ. Какъ могу я быть твоимъ супругомъ?»

«Нѣтъ, нѣтъ», кричала Чампа, «я не ошибаюсь! Развѣ не помнишь, какую великолѣпную свадьбу мы справляли? Какъ ввелъ ты меня въ свой дворецъ и обѣщаль подарить мнѣ тысячу золотыхъ? Тогда ты забылъ отдать мнѣ деньги и вскоре бросилъ меня, а я вернулась въ домъ отца своего и только теперь розыскала тебя».

Бѣдному дровосѣку казалось, что онъ видитъ все это во снѣ. Напрасно защищался онъ; друзья Чампы приняли ея сторону и потащили его въ судъ. Судья тоже ничего не могъ разобрать и отослалъ всѣхъ къ раджѣ. Раджа тоже былъ въ большомъ затрудненіи. Дровосѣкъ продолжалъ утверждать, что онъ никогда не былъ ни женатъ, ни богатъ, что живетъ онъ своимъ ремесломъ и часто нуждается; танцовщица же и ея друзья увѣряли, что онъ богатый человѣкъ, мужъ Чампы, и что онъ скрываетъ деньги.

Чампа впрочемъ предлагала отказаться отъ него, но требовала, чтобъ онъ отдалъ ей обѣщанную тысячу золотыхъ. На это дровосѣкъ возражалъ, что съ удовольствіемъ отдалъ бы ей и больше, но что онъ очень бѣденъ (какъ подтверждали его свидѣтели), зарабатываетъ лишь нѣсколько грошей въ день и нѣтъ у него ни дворца, ни сокровищъ.

Весь городъ принялъ участіе въ тяжбѣ; одни стояли за Чампу, другіе за дровосѣка.

Наконецъ раджа сказалъ: «Я слышалъ, что есть здѣсь у одного купца необыкновенно умный попугай, умнѣе многихъ людей. Пошлите за нимъ, пусть рѣшаетъ».

Викрамъ Магараджа былъ торжественно внесень въ залъ и приступилъ къ разбору дѣла.

«Что скажешь ты?» обратился онъ сперва къ дровосѣку.

«О, мудрая птица, я все время говорю сущую правду. Я совсѣмъ бѣдный человекъ, живу въ джонглѣ и прихожу сюда продавать дрова. Разъ я дѣйствительно видѣлъ во снѣ, что разбогатѣлъ и женился на Чампѣ Рани и дарю ей тысячу золотыхъ, но то былъ сонъ. А что я обѣщаль ей тысячу золотыхъ — это такъ же неправда, какъ то, что я женился на ней».

«Теперь твоя очередь!» обратился попугай Викрамъ къ танцовщицѣ.

Та принялась рассказывать по-своему.

«Гдѣ былъ домъ твоего супруга?»

«Очень далеко отсюда, право не помню, гдѣ-то въ джонглѣ».

«Когда это было?»

Она назвала годъ. Однако, достовѣрные свидѣтели утверждали, что въ тотъ годъ Чампа никуда не выѣзжала изъ города.

«Кажется, достаточно доказана твоя ложь?» сказала Викрамъ.

Но танцовщица не сдавалась. Она продолжала стонать и утверждать, что ее обманули. Тогда Викрамъ приказаль принести тысячу золотыхъ, всыпаль ихъ въ большой сосудъ, закупориль его, запечаталь и подаль танцовщицѣ: «Деньги твои, если съумѣешь достать ихъ, не снимая печати и не ломая бутылки».

«Нельзя это сдѣлать!» сердито отвѣчала Чампа.

«Еще труднѣе исполнить то, что ты требуешь», замѣтил Викрамъ. «Какъ получить тысячу золотыхъ съ бѣдняка, у котораго нѣтъ ни гроша? Отпустите дровосѣка на свободу. А ты, обманщица и лгунья, убирайся вонъ отсюда. Наживай съ богатыхъ, если хочешь, но не смѣй трогать бѣдныхъ».

Всѣ восхваляли мудрое рѣшеніе. Чампа не помнила себя отъ злости. «Хорошо же, дрянной попугаишко, уродъ хохлатый! Будешь ты меня помнить! Такъ или иначе попадешься мнѣ въ руки и съѣмъ я тогда твою глупую голову!»

«Поживемъ — увидимъ, прекрасная дѣва!» насмѣшливо возразиль Викрамъ. Я тоже могу кое-что обѣщать: доживу до того, что увижу тебя нищей. Собственными руками домъ свой съ землею сравнешь, а сама отъ злости съ собою порѣшишь!»

«Согласна!» прокричала Чампа, — «увидимъ, кто правъ окажется». И она удалилась.

Викрамъ вернулся къ купцу и недѣля-другая прошла благополучно. Въ концѣ второй недѣли праздновали свадьбу старшаго сына купца и, по обычаю, послали за танцовщицею увеселять гостей.

Явилась Чампа Рани. Никогда еще не танцѣвала она такъ увлекательно. «Прекрасная дѣва», обратился къ ней восхищенный купецъ, «проси чего хочешь; лавка и все что въ ней къ твоимъ услугамъ, выбирай любое».

«Благодарю тебя, щедрый хозяинъ, всего у меня довольно, но нѣтъ у меня попугая. Мнѣ твой очень нравится: отдай мнѣ его въ уплату».

Купецъ искренне раскаивался въ своей опрометчивости. Ну могло ли прійти ему въ голову, что своенравная красавица потребуеть попугая? Онъ охотнѣе разстался бы съ половиною лавки, чѣмъ съ этою птицею, но дѣлать было нечего. Со слезами на глазахъ снялъ онъ клѣтку и подаль ее Чампѣ. «Не волнуйся, хозяинъ!» прокричалъ ему на прощанье Викрамъ, «я съумѣю за себя постоять».

Чампа бережно донесла Викрама до дома и передала служанкѣ. «Скорѣе бери птицу и вари изъ нея супъ. Но сперва голову отрѣжь и зажарь: я съѣмъ ее прежде всего остального». — Что это случилось съ нашею госпожею? разсуждали на кухнѣ служанки. Придетъ въ голову ѣсть такую дрянь!

А Викрамъ тѣмъ временемъ уже лежалъ въ клѣткѣ, вытянувъ лапки и закативъ глазки. Служанка взяла, какъ ей казалось, мертвую птицу и принялась спокойно выщипывать ей крылья. Птица не дрогнула. Тогда женщина положила ее на столъ, около мѣста, гдѣ мыла посуду, а сама пошла за водою, чтобъ сварить супъ. Кухня была въ нижнемъ этажѣ и прямо въ стѣнѣ проходило отверстие для стока помоевъ; туда-то съ быстротою молніи скрылся Викрамъ.

Въ ту же минуту вернулась дѣвушка. «Что теперь дѣлать? Куда дѣвался попугай? Вѣрно кошка забралась и стащила птицу. Придется замѣнить ее цыпленкомъ».

Она сварила цыпленка, зажарила отдѣльно голову и снесла госпожѣ. Съ какимъ наслажденіемъ принялась Чампа за желанное блюдо! Медленно откусывала она каждый кусочекъ, приговаривая: «Что? попался, красавчикъ! Попугайчикъ мой миленькій! Знать пришелъ тебѣ конецъ! Вотъ тотъ мозгъ, что такъ хитро мыслить! Вотъ тотъ язычекъ, что такъ язвиль и погибель мнѣ готовилъ! Вотъ то горлышко, что обидныя слова извергало! Ага, кто теперь правъ? Ужъ, конечно, я!»

Викрамъ изъ своего убѣжища слышалъ все до послѣдняго слова и невольно робѣлъ. А вдругъ поймають. Летѣтъ онъ не могъ, такъ какъ крылья были выщипаны; приходилось жить въ трубѣ, питаясь крохами, который скатывались туда при мытьѣ посуды, причемъ ежеминутно грозила опасность захлебнуться въ потокахъ мутной воды. Наконецъ, перья немного отросли и онъ осторожно, ночью, пробрался за городъ въ небольшой храмъ и спрятался за одинъ изъ кумировъ.

Чампа почему-то особенно любила этотъ храмъ и, дѣйствительно, не замедлила притти поклониться любимому божеству.

Дѣва страшно боялась смерти и постоянно обращалась къ кумиру съ тою же молитвою: «Избавь меня отъ обычнаго удѣла смертныхъ! Возьми меня живую на небо, ничего, ничего не пожалѣю для тебя!» молила она, распростертая на землѣ.

«Чампа, встань, молитва твоя услышана!» послышалось вдругъ. Чампа не узнала голосъ Викрама и вообразила, что съ нею говоритъ само божество. Она жадно ловила слова. «Иди домой, продай все и раздай неимущимъ; награди также прислужницъ своихъ и отпусти ихъ. Сравняй домъ свой съ землею, чтобъ разомъ отрѣшиться отъ всего земного. Тогда, исполнивъ все, возвращайся сюда и тѣломъ и душою будешь восхищена на небо».

Чампа Рани давно забыла угрозу Викрама и радостно поспѣшила домой. Она продала имущество свое, распустила прислужницъ, срыла домъ до основанія и въ назначенный день направилась къ храму. Тамъ уже ждала ее несмѣтная толпа народа. Всѣмъ хотѣлось видѣть полетъ танцовщицы. Чампа, торжествующая, показалась на крышѣ храма. Она стала объяснять собравшемуся народу, какъ само божество въ храмѣ обѣщало взять ее живьемъ на небо, какъ поднимется она въ облака на глазахъ у всѣхъ, какъ такая разлука ея съ землею достойно увѣнчаетъ ея славную жизнь. Всѣ съ благоговѣніемъ слушали ее, считая дѣву вдохновенною, всѣ съ трепетомъ ждали торжественной минуты.

Вдругъ раздался шелестъ крыльевъ, и красивый попугай пронесся надъ самою головою Чампы: «О дѣва, дѣва, гдѣ твой разумъ?» Чампа съ ужасомъ узнала голосъ Викрама. «Ты мечтаешь живьемъ попасть на небо? А забыла ты слова судьи-попугая?»

Чампа бросилась въ храмъ и упала на колѣни передъ кумиромъ: «Вѣдь это ты приказалъ мнѣ продать все, вѣдь это ты обѣщалъ взять меня живую на небо... О, сжался надо мною. Пусть скорѣе сбудутся твои слова!»

И снова раздался голос попугая: «Прощай, Чампа, прощай! Ты съѣла голову цыпленка, а не мою. Гдѣ твой домъ? Гдѣ твои слуги? Гдѣ твои сокровища? Чьи слова сбылись, твои или мои?»

Дѣва все поняла и, въ отчаяніи и злобѣ на собственное легковѣріе, бросилась на полъ; голова ея ударилась о подножіе каменнаго кумира и несчастная убилась на смерть.

Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ Викрамъ покинулъ свои владѣнія, и уже полгода, какъ вѣрный Батти блуждалъ по свѣту, тщетно розыскивая своего повелителя. «Къ чему Викраму сверхчеловѣческая мудрость? Одинъ несчастный, по произволу выбранный даръ губить все, что могъ бы онъ сдѣлать хорошаго. Царство заброшено, некому заботиться о народѣ, а онъ, слава всѣхъ царей, лучшій благороднѣйшій изъ людей, бѣжитъ изъ своей страны, какъ послѣдній воръ изъ тюрьмы». Такъ сѣтоваль бѣдный визирь. Онъ уже начиналъ терять надежду найти потеряннаго друга, когда случай привелъ его къ храму, гдѣ собиралась летѣть танцовщица. Какъ только показался попугай, Батти узналъ въ немъ Викрама. Тотъ тоже увидѣлъ друга въ толпѣ и прилетѣлъ къ нему на плечо. Визирь схватилъ птицу, посадилъ ее въ клѣтку и отправился домой.

Теперь предстояло разрѣшить трудную задачу. Душа раджи была въ попугаѣ, но душа плотника въ тѣлѣ раджи. Какъ очистить путь царю въ собственное тѣло? Друзья рѣшили ждать случая.

Случай не замедлилъ представиться. Однимъ изъ любимыхъ удовольствій новаго раджи былъ бой барановъ. Былъ у него одинъ любимый баранъ, еще не бывшій въ бою; былъ и у Батти молодой баранъ-боецъ. Скоро послѣ возвращенія визиря новый раджа предложилъ ему помѣряться силами рогатыхъ бойцовъ. Бараны были выпущены. Скоро силы ихъ оказались далеко не равными. Баранъ Батти съ ранняго возраста стоялъ привязанный къ лимонному дереву и молодые рога его крѣпли отъ постоянного тренія о нѣжный стволъ. Сынъ же плотника подвязывалъ своего бойца къ болѣе крѣпкому и толстому стволу, такъ что молодое животное только портило и размягчало свои рога постоянными ударами о твердое какъ сталь дерево.

Сынъ плотника съ волненіемъ слѣдилъ за борьбою. Слѣдилъ за нею и Викрамъ изъ своей клѣтки. Онъ висѣлъ по близости, такъ какъ теперь Батти не спускалъ его съ глазъ. Боецъ раджи видимо начиналъ слабѣть, еще минута и онъ упалъ на колѣни... Забывъ все, раджа бросился на выручку своего любимца. Въ ту же минуту Викрамъ увидѣлъ, какъ тѣло раджи безжизненно склонялось къ землѣ, а баранъ его съ удвоенною силою готовился броситься на противника. Съ быстротою молніи Викрамъ занялъ покинутое тѣло. Сынъ плотника растерялся и не успѣлъ опомниться, какъ ловкій ударъ остраго рога положилъ его на мѣстѣ.

Велика была радость Анаръ и всѣхъ домашнихъ, когда раджа живъ и невредимъ предсталъ передъ ними. Онъ тутъ же торжественно обѣщаль не покидать болѣе государства.

Съ того дня Викрамъ Магараджа не стремился болѣе блуждать по свѣту. Онъ мудро и милостиво управлялъ народомъ и всѣ любили и славили раджу. Онъ и Батти жили вмѣстѣ долгіе годы и привязанность ихъ другъ къ другу вошла въ пословицу. Когда хотѣли выразить чьюнибудь дружбу, не говорили: они любятъ другъ друга, какъ братья, но всѣ говорили: они любятъ другъ друга, какъ раджа и визирь.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВІЕ	3
ЦАРЕВНА ЛАБАМЪ.....	6
ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО	15
ШАКАЛЪ И АЛГЛИАТОРЪ.....	21
ЦАРЕВИЧЪ-РЫБА	24
ХАРИСАРМАНЪ.....	30
СТРАННАЯ ИСТОРИЯ.....	33
МЕСТЬ ЦАРЕВНЫ ЧАНДРЫ.....	37
ОТВАЖНЫЙ ГОРШЕЧНИКЪ	47
РАДЖА АЛИ-МАРДАНЪ И ЖЕНЩИНА-ЗМЪЯ.....	52
ЦАРСКІЙ ЦВѢТОКЪ	57
ЗА ЧУЖИМЪ СЧАСТЬЕМЪ НЕ ГОНИСЬ ИЛИ СЧАСТЬЕ СЧАСТЛИВОМУ	62
ТИГРЪ, БРАМИНЪ И ШАКАЛЪ	65
СЫНЪ СЕМИ МАТЕРЕЙ.....	68
ГЛУХОЙ, СЛЪПОЙ И ИХЪ ОСЕЛЬ	74
ГДѢ СВѢТЬ, ТАМЪ И СЧАСТЬЕ	78
ЦАРЬ ГОЛАМЪ И СЫНЪ ЕГО ГУЛЬ	81

РАДЖА, КОТОРЫЙ КАЖДЫЙ ДѢНЬ ДАВАЛЪ СЕБЯ ЖАРИТЬ	91
ЗЕМЛЕДѢЛЕЦЪ И РОСТОВЩИКЪ	96
ТОРЖЕСТВО ИСТИНЫ	98
КАКЪ ПОЯВИЛСЯ ОПІУМЪ.	107
СЫНЪ ЗМѢИНАГО ЦАРЯ.....	111
ПРИКЛЮЧЕНІЯ ВИКРАМА МАГАРАДЖИ.....	116